

**ОБРАЗОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА
В XIV-XVII ВВ**

А. М. САХАРОВ

ОБРАЗОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА
В XIV—XVII вв.

Допущено Министерством высшего
и среднего специального
образования СССР в качестве
учебного пособия для студентов
исторических факультетов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА — 1969

Анатолий Михайлович Сахаров
ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА В XIV—XVII вв.

Редактор *А. С. Янкова*
Художник *Л. М. Чернышев*
Технический редактор *З. А. Муслимова*
Корректор *З. Г. Карабанова*

А-04901. Сдано в набор 22/VIII-68 г. Подп
к печати 3/I-69 г. Формат 60×90¹/₁₆. Объем
14 печ. л. Уч.-изд. л. 13,84. Изд. № ОБЩ-496
Тираж 15 000 экз. Зак. 1307. Цена 58 коп.

Тематический план издательства «Высшая
школа» (вузы и техникумы) на 1968 г.
Позиция № 12.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ярославский полиграфкомбинат Главполи-
графпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР Ярославль, ул. Свобо-
ды, 97.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга содержит сокращенный курс лекций по истории нашей страны в период образования и развития единого Российского многонационального государства, прочитанный в Московском университете, и охватывает период со второй половины XIII в. до конца XVII в. Здесь нет систематического изложения фактического материала, которое содержится в учебниках и специальной литературе. Задача данного пособия иная — осветить основные проблемы исторического развития указанного периода, показать характер и общий ход его, сосредоточить внимание на сложных явлениях социально-экономического, политического и культурного развития средневековой России так, как они представляются автору.

Подстрочный аппарат содержит указания на специальную литературу, которую можно использовать для углубленного изучения материала. Историографический очерк дан в самом общем виде ввиду ограниченности объема работы.

Необходимо подчеркнуть, что для изучения многообразных и сложных аспектов проблемы образования и развития единого Российского государства студент-историк не должен ограничиться лишь знакомством с лекциями предлагаемого курса. Совершенно необходимо изучение той специальной монографической литературы и источников, которые указаны в соответствующем разделе программы курса истории СССР для студентов университетов и педагогических институтов. В том же случае, когда изучение этой проблемы или отдельных ее частей предпринима-

ется на уровне специального курса или специального семинара, требуется более широкое и углубленное ознакомление как с историографией вопроса, так и с источниками. В каждом данном случае конкретные рекомендации могут быть даны лектором или руководителем семинара; в качестве отправных данных можно воспользоваться указаниями, данными в подстрочных примечаниях к лекциям предлагаемого курса.

В недавнее время опубликованы новейшие коллективные труды по истории СССР XIII—XVII вв.— это второй и третий тома многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (т. II. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XVII веках. Образование единого Русского государства. Под ред. М. Н. Тихомирова, Л. Г. Бескровного, В. И. Буганова, А. А. Зими́на. М., «Наука», 1966; т. III. Превращение России в великую державу. Народные движения XVII—XVIII вв. Под ред. Л. Г. Бескровного, В. А. Дядиченко, Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко, Л. В. Черепнина. М., «Наука», 1967)¹. В этих томах содержатся также обширные указания на литературу и источники.

В предлагаемом курсе материал сгруппирован по крупным проблемам с соблюдением хронологической последовательности; исключение сделано для лекций, посвященных русской культуре и взаимосвязям Русского государства с другими народами нашей страны; — эти материалы выделены в особые лекции в конце книги.

Автор благодарит товарищей по кафедре — М. Т. Белявского и А. Д. Горского, а также В. В. Мавродина и А. П. Пронштейна, сделавших много полезных замечаний и советов по тексту курса.

¹ Полезно ознакомиться также с рецензиями на эти тома, напечатанными в журналах «Вопросы истории» (1968, № 3) и «Истории СССР» (1967, № 5 и 1968, № 1).

ЛЕКЦИЯ 1

ВВЕДЕНИЕ

История возникновения и развития единых государств в средние века давно является одной из центральных тем исторической науки. Это объясняется в первую очередь тем, что многие явления и процессы новой истории уходят своими корнями далеко в средневековье. Достаточно указать на генезис капиталистических отношений, формирование наций, их объединение в единые государства, зарождение научных знаний и развитие светской культуры, чтобы убедиться, какое большое значение имели так называемые централизованные государства средневековья для всего последующего развития стран и народов. «Королевская власть, — писал Ф. Энгельс, — опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество»¹. Даже в тех странах, где буржуазные революции приобрели большой размах и где ликвидация феодального строя была проведена с наибольшей последовательностью, средневековье еще долго продолжалось, а частью продолжает оказывать влияние на общественно-экономическую и идеологическую жизнь этих стран — вспомним хотя бы о громадном влиянии католической церкви во многих странах Западной Европы. Тем более сильны

¹ К Маркс и Ф Энгельс. Соч., изд 2, т 20, стр. 345

были пережитки средневековья до Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Российская буржуазия, не ставшая революционной силой, была тесно, «тысячами нитей», по выражению В. И. Ленина, связана с самодержавием, на ее социальную природу и идеологию крепостничество оказало очень сильное влияние.

Анализируя процесс развития капитализма и условия победы социалистической революции, основоположники марксизма-ленинизма уделили в своих трудах немалое внимание проблемам средневековой истории вообще и централизованным государствам в особенности. Правильное понимание этих проблем неразрывно связано с решением практических революционных задач. «С конца средних веков, — писал Ф. Энгельс, — история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии и являются вместе с тем необходимой предпосылкой для установления гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого невозможно господство пролетариата»¹.

Опираясь на материал истории ряда западноевропейских стран, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркнули прежде всего социально-экономические предпосылки объединительного процесса. «Объединение более обширных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому во главе организации господствующего класса — дворянства — повсюду стоял монарх»². Однако решающим явлением было развитие городов, которые «вступают в связь друг с другом, из одного города в другой привозятся новые орудия труда, и разделение между производством и торговлей вскоре вызывает новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности. Мало-помалу начинает исчезать первоначальная местная ограниченность»³.

Эти мысли, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» (1845—1846), были развиты и значительно конкретизированы в более поздних их работах. В 1884 г. Ф. Энгельс написал статью «О разложении феодализма и возникновении национальных государств»⁴. В этой незаконченной статье

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 421—422.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

³ Там же стр. 53.

⁴ При первой публикации на русском языке в журнале «Пролетарская революция» № 6 за 1935 г., а затем в XVI томе первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (1936) эта статья была названа «О разложении феодализма и развитии буржуазии». Новый, более точный перевод текста статьи и новое ее название были даны Институтом марксизма-ленинизма в 1952 г. в приложении к отдельному изданию работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии».

Ф. Энгельс вновь подчеркнул важность развития городов в XV в., так как уже в это время «городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений», хотя «все эти успехи производства и обмена имели... по теперешним понятиям очень ограниченный характер», так как «производство оставалось скованным формами чисто цехового ремесла, следовательно само сохраняло еще феодальный характер», а «торговля шла в пределах европейских вод»¹. Решающим фактором общественно-экономического развития стали деньги, которые подтачивали старые феодальные отношения. По заключению Ф. Энгельса «в XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами... и с вооруженным бюргерством. Повсюду они уже отчасти поставили феодалов с помощью денег в зависимость от себя в общественном, а кое-где даже и в политическом отношении»². Под «феодализмом», «феодальной системой», «феодальными областями» Ф. Энгельс имеет в данной статье в виду прежде всего феодальную раздробленность. Феодализм как способ производства, как общественно-экономическая формула продолжал еще долго господствовать даже в тех европейских странах, где рано стали складываться буржуазные отношения. В XV в. в странах Западной Европы начался переход к позднему феодализму с характерным для него ростом денежных отношений и формированием буржуазных элементов.

Упадок «феодальной системы» — в смысле постепенной ликвидации политической раздробленности — и развитие денежных отношений привели к тому, что «повсюду, как в городах, так и в деревне, увеличилось количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец... бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне даже в тех случаях, когда в стране был внешний враг, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжалось в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку со стороны главы всего феодального порядка — королевской власти»³.

Процессы социально-экономического развития Ф. Энгельс неразрывно связывал с процессами этническими. Анализ национального развития он называл тем пунктом, «когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 407.

² Там же стр. 409.

³ Там же.

государственных, когда мы из области экономики переходим в область политики»¹. Ф. Энгельс отметил, что «языковые группы» «послужили определенной основой образования государств», что «национальности начали развиваться в нации» и что «тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из важнейших рычагов прогресса в средние века»².

Этой прогрессивной тенденции развития денежных отношений, товарных связей, общения между областями, формирования наций противостояли порядки феодальной раздробленности с их бесконечными раздорами между феодалами и «непрерывной борьбой между королевской властью и вассалами». «Что во всей этой... путанице королевская власть была прогрессивным элементом,— это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства»³.

Таков важный вывод Ф. Энгельса о большой исторической прогрессивности образования единых государств в противовес феодальной раздробленности.

При этом необходимо ясно представлять внутреннюю противоречивость этого прогрессивного процесса. Как было отмечено, К. Маркс и Ф. Энгельс придавали весьма большое значение развитию городов и формированию бюргерства — еще в условиях господства феодального строя. В этом смысле Ф. Энгельс называл горожан «революционным элементом», который тяготел к королевской власти. И королевская власть тяготела к ним, однако союз этот был противоречив. «Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, — ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении, — и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника»⁴. Поэтому произошедшая во второй половине XV в. «победа над феодализмом» (в смысле феодальной раздробленности) была победой «хотя еще и не бюргерства, но королевской власти»⁵.

Как видим, К. Маркс и Ф. Энгельс очень глубоко раскрыли диалектику сложного исторического процесса: рост силы, объективно антифеодальной — горожан — на определенном этапе развития, пока их производство «сохраняло еще феодальный харак-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 409.

² Там же, стр. 410.

³ Там же, стр. 411.

⁴ Там же, стр. 411—412.

⁵ Там же, стр. 415.

тер», а «бюргеры-ремесленники» были еще «мелки и ограничены»¹, привел к победе королевской власти, т. е. власти по своей социально-экономической природе феодальной и порабоощавшей горожан. Однако это был уже новый этап развития феодального строя — этап позднего феодализма, в рамках которого происходил нараставший процесс формирования буржуазных элементов. К. Маркс называл города «колыбелью расцвета» абсолютной монархии, которая «возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой». Королевская власть «покровительствовала торговле и промышленности, одновременно поощряя тем самым возвышение класса буржуазии, и видела в них необходимые условия как национальной мощи, так и собственного великолепия»². Обратим внимание на то, что роль городов в объединительном процессе также не понималась Ф. Энгельсом однозначно. В набросках к предполагаемому новому варианту «Крестьянской войны в Германии» сохранились — к сожалению в конспективном виде — интересные мысли Ф. Энгельса относительно того, что как «разложение феодализма» (т. е. упадок прежней политической системы), так и «развитие городов» — «оба процесса вызвали децентрализацию», и «отсюда возникла прямая необходимость в абсолютной монархии, как в силе, скрепляющей национальности». Ф. Энгельс заметил, что абсолютной монархии приходилось бороться постоянно «то с сословным представительством, то с мятежными феодалами»³. Сопротивление городов королевской власти не противоречит факту их союза; оно лишь еще ярче раскрывает социальную разнородность и противоположность участвующих в нем сил. Города поддерживали королевскую власть, чтобы с ее помощью защититься от произвола крупных феодалов, обеспечить ликвидацию тормозящих торговлю феодальных перегородок и при этом сохранить и развить свою свободу и экономическую силу. Королевская власть поддерживала борьбу горожан против крупных феодалов, чтобы сломить тем самым могущество своих сильных соперников, усилить свою власть и подчинить в результате этого богатые города себе. Здесь обе силы совпадают в стремлении к объединению страны, но имеют совершенно противоположные цели при этом. В конечном счете развитие приводит к тому, что выросшая и окрепшая в условиях централизованных государств буржуазия выступает против феодального строя в целом и путем революции низвергает феодальную монархию или добивается во всяком случае приспособления ее к своим интересам. Но это — в конечном счете, а на раннем этапе формиро-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 407.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 308.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 417.

вания буржуазных элементов и они, и королевская власть оказываются заинтересованными в создании централизованных государств.

Понятно, что образовавшаяся в таких условиях централизованная монархия, в свою очередь, была наделена многими противоречивыми чертами. «Она *должна была* быть абсолютной именно вследствие центростремительного характера всех элементов, — заметил Ф. Энгельс. — Но ее абсолютистский характер нужно понимать не в вульгарном смысле; [она развивалась] в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с мятежными феодалами и городами; сословия нигде не были ею упразднены; таким образом, ее следует обозначать скорее как *сословную* монархию (все еще феодальную, но разлагающуюся феодальную и в зародыше буржуазную)»¹. Здесь дана глубокая характеристика тех феодальных централизованных монархий, которые возникали на смену феодальной раздробленности: это монархии феодальные, но разлагающиеся феодальные и в зародыше буржуазные, стало быть, переходный характер этой эпохи отражался и в государственном строе.

Отсюда вытекает второй важный вывод о том, что исторически прогрессивные централизованные монархии имели внутренне противоречивый характер, отражавший борьбу феодальных и растущих буржуазных элементов.

Ф. Энгельс пришел также к важному заключению о том, что объединительные процессы захватили во второй половине XV в. всю Европу. «Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй, повсюду королевская власть восторжествовала одновременно». Во второй половине XV в. это произошло в Испании, Португалии, Франции, Англии, «скандинавские страны были объединены уже давно», «Польша, королевская власть которой еще не ослабла, со времени своего объединения с Литвой шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III». Только в Италии и Германии «не было ни королевской власти, ни немыслимого тогда без нее национального единства»².

Следовательно, всеобщий характер объединительного процесса в Европе имел все же существенные исключения — Италию и Германию. В этой связи раскрываются новые факторы, обусловившие образование централизованных государств. Что касается Германии, то Ф. Энгельс так объяснял причины отсутствия там централизации страны: «В экономическом отношении Германия вполне на уровне современных ей стран. — Решающим явилось то, что в Германии, раздробленной на провинции и *избавленной*

¹ К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т 21, стр 417.

² Там же, стр. 416.

на длительный срок от вторжений, не ощущалось вследствие этого такой сильной потребности в национальном единстве, как во Франции (Столетняя война), в Испании, которая только что была отвоевана у мавров, в России, недавно изгнавшей татар, в Англии (война Роз); решающим было также и то, что императоры как раз в это время были в таком жалком положении»¹. Таким образом, помимо экономических факторов, для возникновения единых государств требовались еще и определенные политические предпосылки.

Первой из них была потребность в национальном единстве, диктуемая необходимостью обороны от внешних врагов. Помимо упомянутых выше Франции, Испании, Англии, Ф. Энгельс особо указал на образование Австро-Венгерской монархии. «Когда в Западной Европе благодаря буржуазной цивилизации образовались крупные монархии, отдаленные от моря страны верхнего Дуная также должны были объединиться в большое монархическое государство. Этого потребовали уже интересы обороны»². Итак, интересы обороны от внешних врагов являются весьма важным фактором и даже условием образования единых государств в средние века. Более того, этих интересов оказывается достаточно для объединения страны и при отсутствии «буржуазной цивилизации». Представляет большой интерес мнение Ф. Энгельса о том, что рост экономических связей, вообще говоря, сам по себе не является обязательным условием для объединения, если есть соответствующие политические предпосылки.

Помимо потребности в обороне от внешних врагов, другой такой предпосылкой являлось наличие достаточно сильной королевской власти. В Германии не было ни того, ни другого. «Германия, несмотря на отсутствие экономических связей, была бы все же централизована, и даже еще раньше (например, при Оттонах)», — писал Ф. Энгельс, указывая на ряд обстоятельств, обусловивших слабость императорской власти. И прибавлял: «Во Франции и Испании тоже существовала экономическая раздробленность, но там она была преодолена с помощью насилия»³. В силу политических обстоятельств не была объединена и Италия, где препятствием национальному единству была папская власть, перерезавшая с 1500 г. своими владениями Италию⁴. Отсутствие сильной власти Ф. Энгельс, как отмечено выше, отнес наряду с отсутствием потребности во внешней обороне к числу решающих обстоятельств, по которым Германия не была централизована в средние века, в то время как отсутствие экономических связей таким решающим самим по себе обстоятельством не является.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 21, стр. 418

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 472

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 572.

⁴ См. там же.

Отсюда следует, что объединение страны К. Маркс и Ф. Энгельс считали возможным при наличии определенных политических предпосылок, причем эти последние в известном смысле являются даже более обязательными, нежели процесс преодоления экономической разобщенности.

Однако, если для самого процесса объединения страны экономическое объединение не было необходимым условием, то наличие или отсутствие его оказывало громадное влияние на характер образовавшихся феодальных монархий.

К. Маркс заметил, что «абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления. Испания, подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе». Произошло это вследствие упадка городов и политики самой абсолютной монархии, которая «сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить возникновения общих интересов, обусловленных разделением труда в национальном масштабе и многообразием внутреннего обмена, которые и являются единственно возможной основой для установления единообразной системы управления и общего законодательства»¹. В результате в Испании, «где раньше, чем где-либо в другом феодальном государстве, возникла абсолютная монархия в самом чистом виде, централизация так и не смогла укорениться»². «Убежищем варварства и феодализма»³ была и Австро-Венгерская монархия Габсбургов.

И здесь нужно подчеркнуть, что в конечном счете определяющим фактором развития и самого существования централизованных государств является состояние экономики. Напомним еще раз, что применительно к Испании К. Маркс говорил о процессе общественного разделения труда и росте рыночных связей как о единственно возможной основе «для установления единообразной системы управления», т. е. подлинной централизации. Тот же вывод вытекает из суждения Ф. Энгельса относительно Австро-Венгерской монархии: «Если Габсбургская династия в течение некоторого времени оказывала поддержку горожанам против дворянства, городам против князей, то объясняется это тем, что крупная монархия вообще могла существовать лишь при этом условии», но следует учитывать, что поддержка Габсбургами горожан осуществлялась «из определенных реакционных расчетов»⁴.

Суммируя положения К. Маркса и Ф. Энгельса относительно возникновения централизованных феодальных монархий в Европе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 432.

² Там же, стр. 431.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 472.

⁴ Там же

в средние века, мы можем прийти к выводу, что если для возникновения таких монархий требуются прежде всего определенные политические условия, то для определения характера их дальнейшего развития и установления действительной централизации необходимо наличие экономических условий, выражающихся в общественном разделении труда и росте городов. Именно в этом смысле следует понимать объективную экономическую закономерность образования централизованных государств в средние века для всех стран Европы.

Далее, мы можем установить различие между политическими объединениями, возникавшими на разных этапах развития феодального общества, и централизованными государствами. Как видим, К. Маркс и Ф. Энгельс вполне допускали возможность таких объединений при наличии определенных политических факторов и при отсутствии экономических связей. Еще при Оттонах, т. е. в X столетии, когда и речи быть не могло о какой бы то ни было «буржуазной цивилизации», Германия уже могла объединиться. Следовательно, наличие объединительного процесса само по себе не может быть свидетельством роста рыночных связей, политическое объединение может возникнуть и без них.

Образование централизованного государства в России К. Маркс и Ф. Энгельс специально анализу не подвергали. Ф. Энгельс отметил лишь, что объединительный процесс охватил во второй половине XV в. всю Европу, «вплоть до отдаленных окраин, которые *не прошли до конца еще через феодальный строй*» (т. е. через феодальную раздробленность¹), и произошел «даже в России» — стране, об отсталости которой К. Маркс и Ф. Энгельс писали многократно. Но если по отношению к Франции и Германии основоположники марксизма-ленинизма говорили о возможности образования единых государств при отсутствии экономических связей, то тем более это может относиться к «даже России».

Ряд важных положений, характеризующих историю Русского государства и основывающихся на принципиальных положениях К. Маркса и Ф. Энгельса относительно централизованных государств, мы находим в работах В. И. Ленина.

Особый интерес представляет данная В. И. Лениным характеристика «средних веков» «московского царства». Указав на основной процесс социально-экономического развития той эпохи — закрепощение крестьян — «помещики и монастыри принимали крестьян из разных мест» (а не развитие буржуазных отношений и рост рыночных связей), — В. И. Ленин сделал пронизательное заключение о степени государственного единства «московского царства»: «Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохра-

¹ Курсив мой. — А. С.

нявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.». Это в точности соответствует мысли Ф. Энгельса о тех «отдаленных окраинах, которые не прошли еще до конца через феодальный строй». Заметим также, что «московскому царству» В. И. Ленин противопоставлял «новый период русской истории (примерно с 17 века)», когда происходит действительно фактическое слияние всех таких областей, земель и княжеств в одно целое, вызванное концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок, причем «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы». Поэтому «создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Итак, действительное единство страны, возникшее на основе роста общественного разделения труда и рыночных связей — в полном соответствии со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса на природу государственной централизации — возникло лишь в новом периоде русской истории, начавшемся примерно с XVII в., когда определился процесс развития буржуазных элементов, выразившийся, как это свойственно начальным стадиям генезиса капитализма вообще, в росте торгового капитала. Этим определилась историческая устойчивость в дальнейшем Российского государства. Что же касается «московского царства», которое теперь в литературе называется обычно Русским централизованным государством, то его образование в силу ряда политических причин еще не было «подкреплено» соответствующим экономическим развитием, и поэтому оно все еще распадалось на отдельные земли, даже княжества с живыми следами недавней автономии. Глубокая мысль В. И. Ленина позволяет понять объективную природу тех серьезных политических кризисов, которые потрясли Русское государство в XVI столетии и которые возникали вследствие противоречия между стремившимся к укреплению своей власти самодержавием и далеко еще не преодоленной силой крупных феодалов, опиравшихся на свои громадные и по сути дела почти независимые от центральной власти владения.

Интересно, в каком контексте вообще употреблял В. И. Ленин понятие «централизованное государство». В статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (1907) В. И. Ленин упомянул о «капиталистическом государстве, которое централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреодолимых требований экономического развития»². Здесь в основе лежит мысль о разных типах централизации — одном, который основан на экономическом развитии, другом, который держится лишь на силе и произволе бюрократии.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 154.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 312.

тии. Первый тип связан с капиталистическим развитием, второй — с феодальным. Что во втором случае речь идет о российской самодержавной монархии, вряд ли можно сомневаться. Спустя три года В. И. Ленин писал о том, что «в России дело идет *только еще* о *создании* современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом)... Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены»¹. Лишь о возможном в будущем подлинно централизованном государстве В. И. Ленин писал много раз, когда ставил вопрос о том, «должна ли у нас существовать централизованная буржуазная республика фермеров или централизованная буржуазная монархия юнкеров»². Этот вопрос разрабатывался В. И. Лениным в связи с определением двух возможных путей развития капитализма в сельском хозяйстве после революции 1905—1907 гг. — «прусского» и «американского».

Что касается характеристики самодержавного государства в России, то В. И. Ленин в «Критических заметках по национальному вопросу» отчетливо противопоставлял ему капиталистическое централизованное государство. «Централизованное крупное государство, — писал В. И. Ленин, — есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое государство (*неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму»³. В «Государстве и революции» В. И. Ленин совершенно ясно указал, какую именно государственную централизацию он имеет ввиду: «Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия»⁴. Сказанное предполагает возможность и какой-то иной государственной централизации, свойственной не буржуазному, а, скажем, феодальному обществу. Однако для понимания Русского средневекового государства очень важно следующее замечание В. И. Ленина: «У нас смешивают постоянно централизм с произволом и бюрократизмом. История России, естественно, должна была породить такое смешение, но оно остается все же безусловно непозволительным для марксиста»⁵. Здесь важно отметить две мысли: неразрывная связь централизации с капитализмом (ср. К. Маркс об Испании и Ф. Энгельс об

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 363.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 168.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 144.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 33, стр. 29.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 144.

Австро-Венгрии) и то, что в России (тем более средневековой) имела место не столько централизация, сколько произвол и всеисилье бюрократии.

Естественно, что так как В. И. Ленин — в полном соответствии со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса — рассматривал государственную централизацию лишь на буржуазной основе, то он никогда не употреблял применительно к «московскому царству» выражения «централизованное государство». Лишь по отношению к русскому самодержавию начала XX в., уже проделавшему известный путь эволюции в сторону буржуазной монархии, В. И. Ленин писал как о «чрезмерно централизованной государственной власти..., противостоящей народному представительству»¹.

Государственный строй феодальной России В. И. Ленин характеризовал как монархию XVII века с боярской думой², как «самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией»³. Но если социальной опорой самодержавия XVII в. была в первую очередь феодальная знать — боярство, то тем более относятся приведенные ленинские оценки государственного строя к «московскому царству», к XVI в., когда «государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества».

Для понимания истории Русского государства XV—XVII вв. важны те мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, которые были высказаны ими относительно причин отставания некоторых европейских стран в своем развитии. В этом отношении интерес представляет характеристика средневековой Германии, исторические условия развития которой во многом были сходны с условиями развития России. Если к XV в. «в экономическом отношении Германия вполне на уровне современных ей стран»⁴ и там имели место как «расцвет городов», так и «постепенное высвобождение крестьян», то в XV в. начался «обратный процесс», который К. Маркс характеризовал следующим образом: «Упадок мещанских вольных городов Германии, уничтожение рыцарского сословия, поражение крестьян и обусловленное всем этим утверждение верховной власти владетельных князей; упадок немецкой промышленности и немецкой торговли, покоившихся на чисто средневековых отношениях, как раз в тот момент, когда появляется современный мировой рынок и возникает крупная мануфактура; обезлюдение страны и ее варварское состояние, явившееся наследием Тридцатилетней войны; характер вновь оживших национальных отраслей промышленности, — как, например, мелкого льняного производства, — которым соответствовали патриархальные отношения и условия; характер предметов вывоза, состояв-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 223.

² См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 121.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 346.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 418.

ших большей частью из продуктов земледелия и потому служивших источником роста материальных жизненных ресурсов почти одних только дворян-землевладельцев и — вследствие этого — их относительного усиления по сравнению с бюргерами; подчиненное положение Германии на мировом рынке вообще, в результате чего главным источником национального дохода сделались субсидии, выплачиваемые князьям иностранцами; вытекающая отсюда зависимость бюргеров от княжеского двора и т. д. и т. д.»¹. Все это очень напоминает многие явления русской средневековой истории. И ликвидация даже тех немногих элементов «городского строя», которые существовали в древнерусских городах, и постоянные длительные опустошения страны, производившиеся внешними врагами, и отрыв от мировых торговых путей, и характер предметов вывоза, и состояние ремесленного производства, и хозяйничанье иностранных купцов и торговых компаний на внутреннем рынке, покупавших привилегии у правительства, и зависимость горожан от правительства — все это было свойственно русской истории на протяжении XV—XVII вв.

Не меньшее значение имеют также и те положения, которые были высказаны основоположниками марксизма-ленинизма в связи с многонациональным характером некоторых государств, возникших в Европе. Выше уже была отмечена важная мысль Ф. Энгельса о возникновении Австро-Венгерской монархии под воздействием потребности обороны от внешних врагов. В этой связи следует напомнить, что В. И. Ленин, рассматривая проблему национальных движений и их связи с капиталистическим развитием, считал правильной мысль К. Каутского о том, что «пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются «всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым» (отсталым)»². В. И. Ленин особо подчеркивал, что «пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение»³. Как было отмечено, Ф. Энгельс характеризовал многонациональное Австро-Венгерское государство как «убежище варварства и феодализма», он называл «феодальное варварство» единственными узами, связывавшими воедино самые разнохарактерные провинции⁴. Но между многонациональной Австро-Венгрией и многонациональной Россией было существенное различие, так как последняя — «государство с еди-

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 306—307. О том же в конспекте Ф. Энгельса: «Пути мировой торговли отодвигаются от Германии, и она оказывается оттесненной в какое-то захолустье; вследствие этого подорвана сила бюргеров» (Соч., изд. 2, т. 18, стр. 573). Аналогичным было положение и средневековой России, оторванной от моря вплоть до начала XVIII в.

² В. И. Ленин. ПСС., т. 25, стр. 260.

³ Там же, стр. 263.

⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 472—473.

ным национальным центром, великорусским», где великоруссы «занимают гигантскую сплошную территорию», в то время как «Австрия сложилась... в двухцентровое (дуалистическое) государство». В. И. Ленин подчеркивал, что «своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии»¹.

В этой связи следует вспомнить положение Ф. Энгельса о том, что «языковые группы» «послужили определенной основой образования государств». Наличие «единого национального центра» в средневековой России, объясняет, наряду с другими факторами, относительную устойчивость образовавшегося в чисто феодальных общественно-экономических условиях единого Русского государства, которое затем, в новом периоде русской истории, приобрело и действительно фактическое объединение на основе роста товарного обращения и генезиса буржуазных отношений.

* *

- *

Историческая наука много внимания уделила большой и сложной проблеме Русского средневекового государства. Названная проблема занимала едва ли не центральное место в дореволюционной русской историографии.

В обобщающих трудах по истории России корифеев русской дворянской и буржуазной историографии В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, в работах историков-юристов К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, М. Ф. Владимирского-Буданова, В. И. Сергеевича, в специальных монографиях — таких, как завершившая изучение проблемы образования Московского государства книга А. Е. Преснякова, и многих других работах политическая история и государственный строй средневековой России XV—XVII вв. были изучены с большой основательностью, накоплен, проверен, систематизирован огромный фактический материал. Конечно, методологические позиции дворянских и буржуазных ученых при всем нередко весьма существенном отличии между ними, принципиально отличались от нашего, марксистско-ленинского понимания истории. Нельзя недооценивать и политической направленности трудов дореволюционных ученых, которые старались обосновать историческую необходимость либо сохранения возникшего в средневековье монархически-крепостного строя, либо его эволюции в сторону приближения к буржуазному парламентаризму, и которые были — за исключением революционно-демократических мыслителей и историков — убежденными противниками революционных взрывов и потрясений. Кроме того, если политическая

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 271.

история Московского государства была изучена достаточно полно, то изучение его социально-экономической истории в дореволюционной науке, по существу, только начиналось¹.

Естественно поэтому, что советским, марксистским историкам пришлось проделать очень большую работу по выработке методологических исходных позиций и по изучению конкретного материала истории образования и развития Московского государства XV—XVII вв.

Прежде всего стояла задача преодоления враждебных революции политических концепций буржуазных историков, и именно этой задачей были заняты в первую очередь историки-марксисты в России еще накануне победы Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в 90-х годах XIX в. В. И. Ленин сформулировал отмеченные выше чрезвычайно важные марксистские положения относительно закономерностей развития «московского царства». Его работы 1900—1910-х годов дали много глубоких характеристик развития государственного строя России, ее многонационального характера. Наконец, труды В. И. Ленина по проблеме генезиса капитализма и аграрному вопросу создали твердую методологическую основу для раскрытия процессов социально-экономического развития феодальной России².

Первая попытка создания общей марксистской концепции образования и развития Русского государства XV—XVII вв. принадлежала М. Н. Покровскому, который в своей «Истории России с древнейших времен», написанной и опубликованной до Великой Октябрьской социалистической революции, а затем в «Русской истории в самом сжатом очерке» и ряде историографических статей подверг резкой критике многие положения дворянско-буржуазной историографии. Стремясь противопоставить ей принципиально новое, классовое, пролетарское понимание истории, М. Н. Покровский прежде всего всячески разоблачал царизм и царей, а также пытался найти в первую очередь экономическую основу внутренней и внешней политики Русского государства XV—XVII вв. В работах М. Н. Покровского есть немало верных, острых, ярких мыслей и наблюдений. Так, им верно был понят феодальный характер московского самодержавия, роль церкви в процессе образования единого государства и ее отношения со светской властью, разные этапы развития государственности в XV—XVI и XVII вв. Однако, во-первых, глубоко ошибочной («безграмотной», по позднейшему признанию самого М. Н. Пок-

¹ Здесь нет возможности дать полный обзор историографии проблемы. Наиболее подробно историография образования Русского централизованного государства дана в монографии Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» (М., 1960). Аналогичных обзоров историографии Русского государства XV—XVII вв. в современной литературе, к сожалению, нет.

² Подробнее см.: А. М. Сахаров. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России. «Вопросы истории», 1960, № 4.

ровского) была его концепция русского самодержавия как «торгового капитала в шапке Мономаха»; во-вторых, противоречащим историзму был его нигилистический подход вообще ко внутренней и внешней политике Русского государства XV—XVII вв., которые он рисовал как явления сплошь реакционные, отрицательные; в-третьих, М. Н. Покровский не сумел оценить ни значения объединения народов в едином Русском государстве, ни значения культуры русского и других народов России в прошлом. Наконец, задача создания новой концепции Русского государства XV—XVII вв. не могла быть разрешена М. Н. Покровским еще и потому, что он пользовался материалом из трудов отвергавшихся им в целом дворянско-буржуазных историков, а это не могло не нанести отпечатка на характер этого материала и его интерпретацию. Принципиальное отрицание прошлого Русского государства как государства «торгового капитала» по сути дела закрывало путь к его исследованию, не говоря уже о том, что оно не давало разобраться в «наследстве» старой науки, без чего невозможно было становление и дальнейшее движение исторической науки в советских условиях. Так как взгляды М. Н. Покровского имели широкое распространение среди молодых историков-марксистов 20-х годов, то понятно, что в эти годы к изучению проблемы образования и развития Русского средневекового государства, по существу, в марксистской советской историографии приступлено не было.

В ходе преодоления ошибок М. Н. Покровского в 30-х годах стала формироваться новая общая концепция отечественной истории. Это было необходимо прежде всего для преподавания истории, восстановленной в качестве учебной дисциплины в средних и высших учебных заведениях СССР. Создавались новые учебники, и в ходе работы над ними складывались концепции по ряду проблем; одновременно эти проблемы — одни с большей, другие с меньшей глубиной — рассматривались в связи с критикой концепции М. Н. Покровского. Именно в статьях, критиковавших М. Н. Покровского, и в соответствующих разделах школьного и вузовского учебника была развернута новая концепция образования и развития Русского средневекового государства. Ее авторами были С. В. Бахрушин и К. В. Базилевич, постаравшиеся положить в качестве теоретической основы своих взглядов впервые опубликованную тогда статью Ф. Энгельса «О разложении феодализма и образовании национальных государств; положения В. И. Ленина об основных этапах русской истории, а также высказанные И. В. Сталиным положения об особенностях образования многонациональных государств на востоке Европы. В понимании С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича общность процесса возникновения единых государств по всей Европе предстала как тождество социально-экономических предпосылок этого процесса, а ленинская характеристика «нового периода русской ис-

тории (примерно с XVII в.)» — как указание на то, что в XVII в. уже сложился всероссийский рынок. В результате XVI век был оценен как время складывания «предпосылок всероссийского рынка» (чему посвятил специальную работу под таким названием С. В. Бахрушин), а XIV—XV века — как время образования «минимума экономических связей», который оказался достаточным для возникновения единого государства, ускоренного потребностями обороны от внешних врагов. При этом Русское государство конца XV в. — по аналогии с государствами Западной Европы — характеризовалось как государство «национальное» и лишь с середины XVI в. начался процесс его «превращения в многонациональное»¹. Сходными были взгляды Б. Д. Грекова, который считал, что с конца XV в. началось развитие товарно-денежных отношений, в которых он видел уже зародыш капитализма², в то время как весь предшествующий период был временем абсолютного и безраздельного господства натурального феодального хозяйства. Не случайно в первых изданиях «Киевской Руси» Б. Д. Грекова не нашлось места для вопроса о городах и товарно-денежных отношениях в древности. С аналогичных позиций подходили к проблеме образования и развития Русского государства В. Б. Мавродин³, И. И. Смирнов⁴, П. И. Лященко⁵, позднее Л. В. Черепнин⁶ и другие исследователи.

Сложившаяся в 30-х и утвердившаяся в 40-х годах концепция образования единого («централизованного») Русского государства была значительным шагом вперед по сравнению со взглядами М. Н. Покровского, однако оставалась все еще весьма несовершенной как с теоретической стороны, так и со стороны конкретно-исторической обоснованности. Она привела к упрощению и

¹ См.: С. В. Бахрушин «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского. В кн.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского». М.—Л., 1939; К. В. Базилевич. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия Там же; «История СССР», т. I. М.—Л., 1939; К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Под ред. А. М. Панкратовой М., 1939; С. В. Бахрушин. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. «Научные труды», т. I. М., 1952 (перв. публикация — в 1946 г. в «Ученых записках МГУ»); К. В. Базилевич. К вопросу об исторических условиях образования единого Русского государства. «Вопросы истории», 1946, № 7; егo же. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории», 1949, № 11.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до конца XVII века М.—Л., 1946, стр. 552.

³ См.: В. Б. Мавродин. Образование Русского национального государства. Л., 1939; изд. 2. «Образование единого Русского государства». М.—Л., 1950.

⁴ См.: И. И. Смирнов. Иван Грозный. М., 1944.

⁵ См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947.

⁶ См.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.—Л., 1948—1951.

модернизации характера социально-экономического развития России в средние века, сведя его в сущности к проблеме товарно-денежных отношений, вокруг которой стали сосредоточиваться и общие труды, и конкретные исследования. Вся сложность и многогранность, конкретность и разнообразие условий возникновения единых государств в средневековье оставались еще не раскрытыми. При этом допускалось принципиально неверное понимание самой природы товарно-денежных отношений, как якобы возникающих лишь в преддверии капитализма и прямо к нему ведущих.

При всем этом С. В. Бахрушин, К. В. Базилевич, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин и другие внесли много весьма ценного в изучении проблемы Русского централизованного государства. Это касалось изучения этапов политического объединения русских земель в XIV—XV вв., внутренней и внешней политики Русского государства XV—XVII вв. В отличие от М. Н. Покровского названные исследователи подошли к оценке образования единого Русского государства и его политики с позиций историзма, в полной мере показав его большое прогрессивное значение для своего времени. Русское государство XV—XVII вв. предстало как важнейший этап в историческом развитии народов нашей страны.

В 1946 г. попытку пересмотра общей концепции образования Русского централизованного государства предпринял П. П. Смирнов, выступивший с тезисом об «аграрном перевороте» XIV в., вызванном необходимостью уплаты денег в Орду и интенсификацией в этой связи сельского хозяйства. Позиция П. П. Смирнова была отвергнута участниками дискуссии, высказавшими вместе с тем ряд интересных соображений относительно обсуждавшейся проблемы. С. В. Юшков указал на то, что процесс образования единого государства никак нельзя считать завершенным в XVI в., а анализ образования централизованных государств, данный в известной статье Ф. Энгельса, не может быть механически применен к России. С. В. Юшков указал на неверность представления о дворянстве как главной социальной опоре великокняжеской власти уже в XIV в. ввиду крайней неразвитости дворянства в это время. Дискуссия, однако, не привела к позитивному разрешению проблемы. Заклучившая дискуссию редакционная статья журнала «Вопросы истории» ориентировала историков на необходимость показа экономических связей между русскими землями уже в XIV в.¹

Новое обсуждение проблемы произошло во время дискуссии о периодизации истории СССР в 1949—1951 гг., открывшейся статьей К. В. Базилевича, выдвинувшего тезис о господстве денежной ренты с конца XV в. Ему решительно возразил

¹ См.: «Вопросы истории», 1946, № 2—3, 4, 7, 11—12.

С. В. Юшков, указавший на то, что ведущим фактором в образовании единого государства было развитие не товарно-денежных отношений, а крепостничества. Сходные мысли были высказаны А. П. Пьянковым, также протестовавшим против преувеличения роли товарно-денежных отношений и указавшим на рост крепостничества. В итоговой статье, написанной В. Т. Пашуто и Л. В. Черепниным, авторы согласились с тем, что денежная рента не господствовала с конца XV в., что всероссийский рынок в XVII в. еще не сложился, что объединительные процессы начались еще в XII в. и были лишь прерваны на время монголо-татарским нашествием, что, наконец, образование единого государства на Руси хотя и произошло все же на базе роста экономических связей, тем не менее было непосредственно обусловлено ростом классовой борьбы¹. Спустя некоторое время Л. В. Черепнин указал на ошибочность представления о том, что Русское государство образовалось сначала как национальное, а лишь позднее стало превращаться в многонациональное — «в действительности оно с самого начала включало в свой состав нерусские народы»². Тем самым на рубеже 40—50-х годов было положено начало уточнению, развитию и значительному пересмотру общей концепции образования единого Русского государства, сложившейся в 30-х годах.

Однако выходявшие в первой половине 50-х годов тома академических «Очерков истории СССР», посвященные XIV—XV и XVI вв., были в общем построены в соответствии с прежней концепцией. Во введении к тому «Очерков» XIV—XV вв. Л. В. Черепнин указал, что «ускоренное потребностями борьбы с внешними врагами образование централизованного государства в России произошло раньше, чем в ней сложились буржуазные отношения», что «экономическая раздробленность еще не была полностью преодолена, русская народность еще не оформилась в нацию, процесс политической централизации был более быстрым, опережая появление буржуазных отношений»³. Материал «Очерков» был по-прежнему сконцентрирован вокруг проблемы товарно-денежных отношений и «роста экономических связей», как основы государственного объединения страны. Характерно, что том, посвященный XVI в., также имел своей основной проблеме «предпосылок всероссийского рынка». В томе, посвященном XVII в., это время характеризовалось уже не как завершение, а как начало процесса формирования всероссийского рынка. Новая постановка вопроса о социально-экономических предпосылках объединения русских земель, где на первый план было выдвинуто развитие феодальных общественно-экономических отношений, была отражена в новом вузовском учебнике истории СССР, вы-

¹ См.: «Вопросы истории», 1949, № 11; 1950, № 1, 2, 3, 5; 1951, № 2.

² См.: «Ученые записки» МГУ, вып. 156. М., 1952.

³ См.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. 2 М., 1953, стр. 17.

шедшем в свет в 1956 г. В 1955 г. Л. В. Черепнин отметил значение развития феодальных отношений для образования единого Русского государства¹.

50-е годы стали временем активной работы советских историков над многими сторонами проблемы образования и развития единого Русского государства. Значительно более широким фронтом, чем прежде, развернулось изучение феодального землевладения и хозяйства, городов, политического строя, внутренней и внешней политики, общественной мысли, культуры. Появилось много крупных монографических исследований, введших в науку ценный материал и выдвинувших ряд новых положений. Не имея возможности перечислить имена всех авторов, работавших над этой проблемой, назовем немногих из тех, чьи работы были опубликованы в конце 40-х и 50-х годов: М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, С. Б. Веселовский, А. И. Копанев, Л. В. Данилова, А. Д. Горский, Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, А. И. Клибанов, И. У. Будовниц, А. А. Зимин, А. В. Арциховский, П. П. Смирнов, И. И. Смирнов, А. А. Новосельский, В. И. Шунков, В. Н. Бернадский, Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт, А. П. Пронштейн и другие.

Наряду с монографиями и коллективными трудами проблема Русского государства XV—XVII вв. обсуждалась и в некоторых дискуссиях. В 1956 г. С. М. Дубровский выступил со статьей об Иване Грозном². Справедливо протестуя против идеализации образа Ивана IV (особенно проявившейся в некоторых произведениях литературы и искусства), С. М. Дубровский предложил общий пересмотр проблемы, вернувшись к распространенным в 20-х годах представлениям о сплошной реакционности самодержавия с самого его возникновения и сводя причину острой политической борьбы XVI в. к личным качествам Ивана Грозного. У большинства историков точка зрения С. М. Дубровского не вызвала поддержки.

В 1960 г. была опубликована большая монография Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.». На первый план автор выдвинул тщательно исследованные им «предпосылки образования централизованного государства в сфере аграрных отношений». Л. В. Черепнин глубоко обосновал положение о росте крепостничества не только как о следствии, но и как об одной из важнейших предпосылок образования единого Русского государства. Л. В. Черепнин обратил особое внимание на развитие классовой борьбы в период объединения русских земель вокруг Москвы.

Наряду с этим, Л. В. Черепнин исследовал «предпосылки образования централизованного государства в сфере развития городов, товарного производства и обращения». Эта сторона дела

¹ См.: «Памятники русского права», вып. III. М., 1955. Предисловие.

² См.: «Вопросы истории», 1956, № 8.

представлена автором, на наш взгляд, с меньшей убедительностью. Данные относительно «развития рыночных отношений» являются во многих случаях весьма спорными¹. Преувеличена Л. В. Черепниним и степень развития русских городов XIV—XV вв., и роль горожан в политических событиях того времени. Автор не проанализировал соотношения показываемых им предпосылок образования единого Русского государства — «в области аграрных отношений» и «в области развития городов, товарного производства и обращения». Осталось неясным, что из них играло главную роль, а что — второстепенную.

За последние годы появился ряд новых исследований, посвященных различным проблемам развития Русского государства XV—XVI вв. Среди них особый интерес представляют работы А. А. Зимина и С. О. Шмидта, А. К. Леонтьева и другие по политической истории XVI в., А. Г. Манькова по истории крестьян в XVII в. и др. Наиболее крупной по масштабу и охвату материала явилось исследование М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии», опубликованное в 1962 г. Имеющее историко-географическое направление, оно содержит вместе с тем много глубоких наблюдений и ценных материалов относительно социально-экономического и политического развития средневековой России. М. Н. Тихомиров отчетливо показал, как в действительности распадалось государство в XVI в. на отдельные земли, частью даже княжества, и в чем выражались «живые следы прежней автономии». Можно сказать, что впервые в конкретном исследовании историка ленинская мысль о характере Русского государства XVI в. получила столь полное и глубокое подтверждение.

Исследование проблемы образования и развития Русского государства XV—XVII вв. советскими учеными продолжается². Но уже теперь достигнута такая ступень изучения этой проблемы, которая позволяет показать основные ее аспекты, хотя ряд вопросов продолжает оставаться спорным и легкому решению отнюдь не поддается. К их числу относятся прежде всего оценка степени экономического развития в XIV—XVII вв.; степени государственной централизации в XV—XVI вв.; предпосылки и значение опричной политики Ивана Грозного и некоторые другие.

¹ Подробнее об этом см.: А. М. Сахаров. Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии. «Вопросы истории», 1961, № 9. Дальнейшая полемика по этому вопросу: А. М. Сахаров. Образование Русского централизованного государства. «Преподавание истории в школе», 1961, № 4; Л. В. Данилова. К итогам изучения раннего и развитого феодализма в России. В кн.: «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1961; Л. В. Черепнин. Изучение в СССР отечественной истории периода феодализма. «Вопросы истории», 1962, № 1; Л. В. Черепнин. О некоторых проблемах феодализма в России. «История в школе». М., 1965.

² См. новейшую обобщенную работу коллектива авторов: «История СССР с древнейших времен до наших дней». т. II. М., 1966; т. III. М., 1967

Л Е К Ц И Я 2

ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XIII—XV вв.

Объединительные процессы отчетливо наметились в разных русских землях уже в XIII столетии. На Юго-Западе они проявились в политике князя Даниила Романовича Галицкого, на Северо-Востоке — в политике владимирских князей Андрея Юрьевича Боголюбского и его преемника Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Хотя посягательства северо-восточных князей на Новгород оказались в конечном счете безуспешными (в битве на р. Липице в 1216 г. Новгородская республика отстояла свою независимость), тем не менее Новгороду пришлось выдержать нелегкую борьбу. Власть владимирских князей достигла в конце XII — начале XIII в. большого могущества, внешним проявлением которого был блестящий расцвет зодчества. Владимирские князья ломали сопротивление боярства, добились подчинения местных церковников и настаивали на разрыве связей церкви с Константинополем, чтобы превратить церковь в послушное и зависимое от себя учреждение. При Андрее Юрьевиче сложились международные связи Владимира со странами Западной Европы. Аналогичным было развитие Галицко-Волынской Руси; сходные тенденции можно заметить и в других русских землях.

К сожалению, предпосылки объединительных процессов XII — начала XIII в. недостаточно изучены в советской литературе. Еще в литературе XIX в. была отмечена связь усиления княжеской

власти с ростом городов. Как и в Западной Европе, рост городов послужил основой не только для объединения, но и для закрепления местной феодальной власти. Опираясь на крепнувшие в материальном отношении города, князья силой подчиняли другие земли и тем самым осуществляли объединение на чисто феодальной основе. По-иному обстояло дело в Новгороде и Пскове, где экономическая и политическая сила горожан была использована феодальной знатью для фактического упразднения княжеской власти. Заметим, что это были самые развитые русские города. Северо-восточные города, находившиеся в лесах, в глубине континента, оторванные от мировых торговых путей, развивались медленнее и были связаны прежде всего со своей земледельческой округой. Северо-восточным князьям удалось поэтому легче подчинить себе города и сделать их материальной опорой своей политики.

То, что объединительные процессы были возглавлены северо-восточными русскими князьями, объясняется тем, что именно земли в лесах междуречья Оки и Волги имели в XII—XIII вв. наибольшее экономическое развитие. Это было связано с перемещением части населения с юга, из лесостепной зоны, среднего Поднепровья. Жить там было тревожно вследствие вторжения кочевников — сначала печенегов, а потом половцев. Кроме того, терял былое значение водный путь «из варяг в греки». Пустели города и села, масса населения уходила на Северо-Восток. Следы этого передвижения мы видим на современной географической карте, где заметны одинаковые названия на юге и северо-востоке страны — Переяславлѣ, стоящие на одноименных речках Трубеж, Стародубы, Галичи, Владимиры. Масса населения, перемещаясь с юга на север, приносила с собой привычные названия городов и рек. Отчетливо виден и другой слой названий — нерусских, принадлежащих местному угро-финскому населению, которое ассимилировалось впоследствии славянами (Неро, Нерль, Кидекша и т. п.).

Процесс усиления княжеской власти, а следовательно, объединения страны был прерван в 40-х годах XIII в. вторжением монголо-татар. Страны Центральной и Западной Европы никогда не переживали ничего подобного тому, что пришлось пережить русским землям в страшную годину монголо-татарского нашествия. Дело не только в тех колоссальных опустошениях, которые были произведены вторжением Батыя в зиму 1237—1238, а потом в 1239—1240 гг., и не только в тех последующих, многократно повторявшихся вторжениях монголо-татарской орды на русские земли, которые происходили во второй половине XIII и в первой половине XIV столетия¹. Дело еще и в том, что режим, установ-

¹ См.: В. В. Каргалов. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.

ленный монголо-татарскими поработителями, привел к значительному замедлению развития экономики страны.

Тяжелее всего удар завоевателей обрушился на города. Политика монголо-татар вообще была враждебна городам. Монголо-татары всюду уничтожали города, видя в них очаги вооруженного сопротивления их владычеству. Кроме того, почти не имевшие своего ремесленного производства монголо-татарские завоеватели уводили ремесленников к себе в плен. Это имело весьма тяжелые последствия для городской экономики, которая в средние века основывалась прежде всего на ремесле, т. е. на ручном труде, требовавшем исключительно большого личного опыта. Этот опыт накапливался десятилетиями, передавался из поколения в поколение от мастеров к подмастерьям, тщательно охранялся как профессиональный секрет. И поэтому от того, имеются ли люди, владеющие таким опытом, зависело состояние городского ремесла, а следовательно, и городской экономики в целом.

Б. А. Рыбаков показал, какой страшный урон был нанесен городскому ремеслу монголо-татарским владычеством, как исчезали и никогда уже более не восстанавливались некоторые сложные технические и художественные приемы ремесла, как на полвека прекратилось каменное строительство (а потом восстанавливалось с большим трудом), как прекратился процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство и как самая основа развития денежных отношений была подорвана¹.

Между тем, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, города в эпоху средневековья являлись как раз теми очагами, которые несли в себе зародыши будущих общественных отношений. И там, где горожане при помощи своего могучего оружия — денег — подрывали стены рыцарских замков, там быстрее кончалось средневековье и наступала пора буржуазного развития.

Города в Древней Руси развивались по тому же общему пути, что и города других европейских стран. Однако положение русских городов резко ухудшилось после монголо-татарского нашествия. В ту самую эпоху, особенно в XV и в начале XVI в., когда произошли великие географические открытия и в страны Западной Европы хлынул поток золота и драгоценностей из вновь открытых заморских стран, когда в Западной Европе быстро росла молодая буржуазия, расцветали свободные города, которые Маркс называл «самыми яркими цветками средневековья», русские города, затерянные в лесах и снегах континента, на многие сотни и тысячи верст удаленные от морского побережья, жили в постоянной тревоге, под постоянной угрозой вторжения сильных и страшных кочевников. И даже тогда, когда города восстанавливались, когда в них снова развивались ремесло и торговля,

¹ См.: Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси М., 1948, стр. 534

накапливавшиеся у горожан деньги изымались княжеской властью для выплаты огромной дани Золотой Орде.

Таким образом, процесс зарождения буржуазных элементов в русском средневековом городе оказался чрезвычайно замедленным. В результате Россия в средние века все более отставала от ряда стран Западной и Центральной Европы.

Отсталость России вовсе не извечное явление. Это не проявление каких-то специфических качеств русской нации, якобы не способных к высоким темпам исторического прогресса, как нередко пишут во враждебных нам кругах Запада.

Дело в той невероятно трудной исторической обстановке, которая сложилась для России в средние века. Когда мы говорим о монголо-татарском иге и о борьбе Руси против вторжения врагов с Востока, мы имеем в виду не только 250 лет, прошедшие от зимы 1237 г. до осени 1480 г. Весь XVI век тоже прошел в тяжелой борьбе с остатками Золотой Орды (Казань, Астрахань, Нагаи и Крым). И XVII век тоже прошел в борьбе с Крымом и Турцией. Только к концу XVIII в., после ликвидации Крымского ханства и победоносных войн с Турцией, безопасность южных границ России была, наконец, обеспечена. Пять столетий русской истории ушли на изнурительную борьбу с нашествиями кочевых народов Востока. История ни одной другой европейской страны не знает ничего подобного. Лишь страны Юго-Восточной Европы, которые подвергались нашествию турецких завоевателей, могут сопоставляться с историей России в этом отношении.

В тяжелых условиях происходило формирование и развитие Русского государства в средние века.

Монголо-татарское нашествие обрвало объединительные процессы. Вторая половина XIII в. характеризуется усилением децентралистских тенденций и заполнена отчаянной междоусобной борьбой князей, которые не гнушались обращаться за помощью к татарским ханам и приводили на русскую землю новые полчища татар, при помощи которых они пытались сломить сопротивление своих противников. Великокняжеская власть значительно ослабла. Появились новые княжества — Костромское, Тверское, Московское, которые делились в свою очередь на мелкие уделы. Понадобилось несколько десятилетий, чтобы вновь стали складываться условия для возобновления объединительного процесса, потребность в котором возрастала тем более в обстановке чужеземного ига. Однако для успеха объединительного процесса нужны были необходимые материальные предпосылки.

После монголо-татарского вторжения колонизационный поток в Северо-Восточную Русь еще более усилился. В густых, почти непроходимых лесах к северу от широкой Оки можно было рассчитывать на относительно спокойную жизнь. Правда, условия для земледелия здесь были хуже, так как прежде всего надо было валить лес, поднимать к жизни новые земли, обрабатывать их.

что давалось с большим трудом, да и земли были менее плодородные. Но и здесь, на Северо-Востоке, издавна существовали очаги плодородной земли, близкой по своим качествам к чернозему. В этих очагах, называвшихся «опольями», раньше всего и появилось земледельческое славянское население и выросли самые древние русские города — Ростов, Суздаль, Юрьев так называемый Польский, Владимир, Переяславль-Залесский. В то же время благоприятные по своим природно-климатическим условиям территории к югу от Оки получили тогда название «Дикого поля». Из этой опасной зоны население ушло почти полностью.

Сосредоточение масс населения на сравнительно незначительной территории Северо-Восточной Руси привело на протяжении второй половины XIII—XV столетий к значительному подъему производительных сил. Вырубались леса, выкорчевывались пни, распахивались новые земли, появлялись все новые «починки» — поселения.

В документах того времени нередко упоминаются «пустоши», земли, ранее возделывавшиеся, потом запустевшие, а теперь снова возрожденные к жизни. Подобных земель стало нехватать. При определении границ земельных владений все чаще вместо архаичной формулы о селах и деревнях «со всем тем, что к ним потягло» и «куда соха, коса и топор ходили» (это значит «со всеми угодиями, которые издавна обрабатывались жителями этой деревни» — «топор», чтобы рубить лес и пахать на этом месте; «соха» — чтобы обрабатывать землю; «коса» — чтобы косить) — вместо этого довольно неточного определения границ угодий появляется более точное описание границ. Обращает на себя также внимание увеличение количества судебных дел, конфликтов, тяжб из-за земли к концу XV столетия. Земельные фонды здесь исчерпывались и из Северо-Восточной Руси на протяжении XIV—XV веков стали вытекать колонизационные потоки. Люди не только приходили, но и уходили отсюда. Началось освоение территорий к северу от Волги. Русские люди дошли до самого побережья Студеного или Белого моря. Другой поток колонизации шел на Север из новгородских земель. Новгородская республика распространила свои владения вплоть до северных отрогов Урала.

Массовое передвижение населения привело на время к ослаблению феодальной зависимости. По-видимому довольно значительная часть крестьян практически была свободна во второй половине XIII и в XIV столетии. Но по мере того, как увеличивалась площадь обрабатываемых земель и тем самым повышалась их ценность, активизировалось наступление феодалов на крестьян. Земля представляет ценность для феодала только в том случае, если на ней живут крестьяне, ее обрабатывающие.

На протяжении XIV—XV столетий выросли княжеские и

боярские землевладения. Если Иван Калита завещал в 1339 г. своим наследникам 30 сел, то Василий Темный оставил в 1462 г. 125 сел, а кроме того, было еще много сел, принадлежавших другим потомкам Калиты. Но, кажется, никакая другая группа феодалов не увеличила так намного свои земельные богатства, как церковь. В условиях монголо-татарского ига церковь была поставлена в наиболее благоприятные условия по сравнению с другими слоями феодалов. В России, как и в других завоеванных ими странах, монголо-татары не трогали церковь. Они отлично понимали силу ее воздействия на народные массы, которые можно было использовать для утверждения их, завоевателей, власти. Церковные земли освобождались от уплаты дани, даже от поставки и содержания татарских коней. Церковь получила от завоевателей неприкосновенность. В этом была одна из важнейших причин, способствовавших превращению церковников в XIV—XV вв. в крупнейших феодалов-землевладельцев. В северо-восточных районах возникло много новых монастырей, в очень короткий срок ставших крупнейшими землевладельцами. Примерно около 1339 г. был основан в районе г. Радонежа Троицкий монастырь, которому уже в XV в. принадлежали земельные владения в самых различных уездах страны. Такими же крупными землевладельцами стали Кириллов монастырь на севере около Белого озера, Соловецкий монастырь, основанный на одном из островов Белого моря в 1404 г. Крупнейшим землевладельцем стал в XIV в. московский митрополит.

Феодальное, и в частности, монастырское землевладение росло разными путями. Нередко производился захват крестьянских земель, санкционированных княжеской властью. В недавно опубликованной работе И. У. Будовница¹ собран обширный материал о том, как монастыри захватывали земли крестьян и как упорно сопротивлялись крестьяне монахам. Монастырская колонизация шла следом за крестьянской.

Кроме того, монастыри получили много земель от князей, заинтересованных в том, чтобы иметь на своей стороне такую влиятельную силу, какой были церковные корпорации. Церковники особенно быстро богатели в периоды феодальных войн, когда обе борющиеся стороны — московский князь и его противники — задаривали монастыри и митрополита землями, стараясь привлечь их силу и влияние на свою сторону.

Нередко церковные землевладельцы округляли свои владения за счет соседей, вынуждая их отдавать земли в виде вкладов по душе и дарений. Земли, поступавшие в монастыри, не дробились и не переходили по наследству, как это было у светских землевладельцев. Таким образом, то, что попадало в монастырь,

¹ См.: И. У. Будовниц. Монастыри на Руси в XIV—XVI вв. и борьба с ними крестьян. М., 1966.

из него не уходило. Так, создавались крупные монастырские вотчины.

Были другие, весьма распространенные пути вовлечения крестьян в феодальную зависимость. При той массовой перемещенке населения, которая происходила вследствие монголо-татарского нашествия, огромное количество людей было разорено. Приходя на новое место, крестьяне нуждались в поддержке инвентарем, тяглым скотом, семенами. Привлекая на свои земли «новоприходчиков», землевладельцы обычно ставили «слободу». Население такой слободы (от слова «свобода») на десять, иногда на пятнадцать лет освобождалось от уплаты княжеских налогов и пошлин. Это как раз тот самый срок, в течение которого крестьянин мог окончательно укрепить свое хозяйство. На эту приманку, естественно, шла масса разоренных людей. Если к этому прибавить, что собственник земли давал крестьянам всякого рода ссуды, то понятно, что организация слобод была одним из каналов, по которому происходило вовлечение массы населения в феодальную зависимость. Известно по актам около 300 слобод в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.

Следовательно, XIV—XV столетия — это время, когда почти вся Северо-Восточная Русь покрылась сетью феодального землевладения. Правда, еще оставались черные крестьянские земли. Больше всего этих земель сохранилось в северных районах страны, но и эти земли все больше входили в зависимость от княжеской власти, облагавшей черных крестьян всякого рода налогами, даниями, натуральными повинностями.

Общий процесс феодализации общественных отношений охватывал самые разнообразные категории земель и крестьянского населения¹.

Рассматривая процесс роста феодального землевладения, мы должны помнить, что уровень производительных сил феодальной эпохи обуславливал господство натурального хозяйства. Хотя товарное производство и существовало, но оно было лишь дополнением к натуральному хозяйству. Господство же натурального хозяйства предполагает, что каждая хозяйственная единица являлась в экономическом отношении полностью или почти полностью самостоятельной. Вот почему, несмотря на обширные земельные владения феодалов, они никогда не представляли собой единого хозяйства. Земельная вотчина того или иного феодала неизбежно распадалась в этих условиях на ряд самостоятельных хозяйственных организмов. Закон о преимуществе крупного землевладения перед мелким в хозяйственном отношении действует только в эпоху развитого товарного производства. На это обра-

¹ См.: А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965.

щал внимание В. И. Ленин. В феодальную средневековую эпоху существование большого, единого хозяйства было практически невозможным и неосуществимым при тогдашнем уровне производительных сил.

Вотчины Троице-Сергиевского монастыря располагались, например, в 24 различных уездах Северо-Восточной Руси. То же самое происходило и у других земельных собственников.

Но если крупные владения распадались в силу экономических причин на ряд самостоятельных хозяйств, то феодал практически не мог выступить организатором производства во всем его владении. Поэтому в ходе развития феодальной земельной собственности неизбежно возникало так называемое условное феодальное держание. Это означало, что собственник земли отдавал ту или иную часть своего владения на определенных условиях какому-то другому лицу, которое должно было наладить там хозяйство и получать от него доходы в свою пользу. В свою очередь, этот условный держатель земли должен был нести военную службу в пользу своего сюзерена, выполнять его хозяйственные поручения и т. д. Так у крупных феодалов образовывались отряды из слуг, преимущественно военных, которые составляли их двор и поэтому получили наименование «дворян».

Дворяне по своему положению отличались от вотчинников, собственников земли. Хотя верховным собственником всех земель номинально считался князь, тем не менее вотчинник практически мог отчуждать свою землю, продавать ее, передавать по наследству, менять, дарить, вкладывать в монастыри и т. д. Иными словами, он был полным, наследственным собственником. Отсюда и слово — «вотчина», т. е. наследство от отца.

В другом положении находился феодал — условный держатель. Дворянин владел землей до тех пор и постольку, поскольку он мог выполнять возложенные на него обязанности сюзереном. Он должен был полностью обеспечивать себя всем необходимым для несения военной службы. Если же он оказывался не в состоянии выполнять возложенные на него обязанности, то сюзерен отбирал у него землю.

Таким образом, этот условный владетель, феодальный мелкий держатель, дворянин был особенно заинтересован в максимальной интенсификации труда живущих в его владении крестьян, ибо, получая массу прибавочного продукта от крестьян, он мог обеспечить несение службы на своего господина и сохранение тем самым своего владения. Дворяне поэтому были больше, чем какая-нибудь другая прослойка господствующего класса, заинтересованы в том, чтобы прикрепить крестьян к земле.

Наступление феодалов на крестьян встречало ответное их сопротивление. И когда феодалы наделяли землей своих слуг, то они имели целью, разумеется, не только извлечение ренты, но и подавление на местах выступления крестьян.

Крестьянское сопротивление приобретало разные формы. Крестьяне нередко уходили от своих владельцев. В условиях феодальной раздробленности такая форма протеста была легко осуществимой. Более того, те самые слободы, которые были одним из средств вовлечения крестьян в феодальную зависимость, развивались за счет привлечения крестьян из других княжеств. В жалованной грамоте обязательно содержится такое требование: «А кого перезовешь... крестьян не из моее вотчины, великого княжения», т. е. князь требует, чтобы его крестьяне не шли в эту слободу, чтобы она развивалась за счет привлечения крестьян из других княжений. Своих крестьян он не хотел отпускать, чтобы не сокращать контингент людей, платящих налоги и выполняющих повинности.

Пока существовала феодальная раздробленность, не могло быть осуществлено полное закрепощение крестьян. Между тем интересы феодалов и особенно их слуг, условных держателей, требовали укрепления власти над крестьянами. Крупные феодалы располагали многочисленными средствами удержания крестьян в повиновении. У них был так называемый иммунитет. Это означало, что в пределах вотчины княжеская власть практически не касалась ее населения. Феодалу принадлежало право суда над всем зависимым от него населением. Позднее княжеская власть, стремясь подорвать силу феодалов, стала ограничивать иммунитет, вмешиваться в дела феодальных вотчинников.

Из суда, принадлежавшего феодалам на территории их владений, княжеская власть изымала в свою компетенцию наиболее важные дела, как, например, дела о разбоях и убийствах. Под этими наименованиями скрывалось не что иное, как покушения на жизнь и собственность, («разбой» — коллективное покушение). Это была наиболее опасная для феодалов форма народного сопротивления, принимавшего, как обычно в средние века, стихийный характер и направлявшегося прежде всего против лиц, а не против определенных общественных порядков. Отбирая у вотчинников право суда по таким делам, княжеская власть тем самым не только подрывала полноту власти своих сильных вассалов и увеличивала доходы в свою казну (судебные штрафы и издержки). Вместе с тем ограничение судебного иммунитета усиливало господствующий класс феодалов в целом, потому что на защиту его интересов становился более сильный аппарат княжеской власти.

Особенно были заинтересованы в усилении судебной власти князья мелкие и средние феодалы, у которых не было ни военных слуг, ни права суда в своих временных владениях-держаниях. Княжеский суд только и мог защитить их от произвола сильных соседей-бояр и монастырей, которые не гнушались любыми средствами, чтобы захватить землю слабого соседа и увести от него крестьян.

Но формирование дворянства в XV в., по сути дела, только еще начиналось. Оно уже существовало и представляло собой некоторую силу, однако великокняжеской власти для утверждения своего положения, а также для организации борьбы с внешними врагами нужно было значительно увеличить свой «двор» — сословие военных слуг. В свою очередь, для этого нужны были свободные земли, чтобы «испоместить», как тогда говорили (отсюда слово «помещик»), дворян. Основная масса земель была между тем захвачена князьями, боярами, церковью. Все это толкало княжескую власть к подчинению соседних земель и княжеств, к приобретению новых земель и крестьян.

Таким образом, в основе политики князей, стремившихся к объединению земель и княжеств под своей властью, лежали чисто феодальные интересы. Эта политика не была и не могла быть по своей природе монополией какого-либо одного князя — ее вели все князья — тверские и московские, рязанские и нижегородские и другие. Вопрос о том, кто из них станет действительно во главе страны, решался реальным соотношением сил, в котором главную роль играло развитие феодального землевладения и хозяйства на подвластных тому или иному князю землях. «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹, — писал К. Маркс.

При рассмотрении борьбы за политическое главенство в северо-восточных русских землях на протяжении XIV—XV столетий необходимо иметь в виду, что передвижение населения, рост обрабатываемых площадей земли, эксплуатация разных промысловых угодий — все это влияло самым прямым образом на соотношение сил в борьбе, и вряд ли можно иначе понять причины, по которым основными соперниками в борьбе за великое княжение стали Москва и Тверь. Победа Москвы была в конечном счете обеспечена ростом экономики, народного хозяйства на подвластных Москве территориях.

Что же касается самой тенденции к объединению, то она была присуща политическому развитию всех русских земель, и в этом смысле являлась всеобщей. Стремление к сильной княжеской власти было свойственно не только мелким и средним феодалам. В сильном князе — хотя и с прямо противоположных социальных позиций — видели свою защиту от произвола «сильных людей» массы крестьянского и городского населения.

Как и всюду, княжеская власть в средневековой России выступала в качестве «представительницы порядка в беспорядке». Вера забитых и темных народных масс в справедливость верховной власти еще более укреплялась тем, что князья действительно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 729.

вели борьбу против крупных феодалов, преследуя при этом, разумеется, прежде всего собственные, а не народные интересы. Умело используя социальные противоречия в соседних землях, поддерживая всякую оппозицию местной власти, вплоть до еретиков, московская великокняжеская власть приобретала сочувствие и поддержку самых различных слоев населения. От этого, конечно, совсем не менялась и не могла измениться классовая природа этой власти как власти феодальной, служащей интересам класса феодальных землевладельцев в целом.

Именно этим объясняется то, что княжеская власть вообще — и московская не представляет в этом отношении никакого исключения — поддерживалась не только мелкими и средними феодалами, но и феодалами крупными, боярством, церковью. Рост сопротивления со стороны крестьянства, происходивший вследствие того наступления феодалов на крестьянские земли и крестьянский труд, о котором речь шла выше, обострение классовой борьбы в ее типичных для средневековья формах — от «разбоев» и убийств до еретических выступлений против церкви — заставляли господствующий класс искать более совершенные формы защиты своего классового господства над народными массами. Старые порядки раздробления власти между множеством феодальных владетелей — князей, бояр, монастырей и других — становились непригодными для господствующего класса в целом (хотя едва ли не каждый отдельный его представитель стремился к максимальной независимости в своих владениях). Феодалы хотели теперь иметь сильную княжескую власть, которая охраняла бы их интересы, собственность на землю и власть над крестьянами. Но укрепление княжеской власти не могло произойти без стеснения силы и могущества самих феодалов, особенно крупных, — такова диалектическая противоречивость развития централизующей великокняжеской власти, крепнущей в интересах класса феодалов и вместе с тем и даже для этого ограничивающей и частично подчиняющей себе этот класс. Всякая государственная власть приобретала относительную самостоятельность по отношению даже к тому классу, чьим орудием классового господства она являлась, что не изменяет несколько ее социальной природы. Поэтому не должны казаться несовместимыми поддержка боярством великокняжеской власти, с одной стороны, и борьба великокняжеской власти против боярства — с другой. Напомним, как Ф. Энгельс характеризовал отношения между королевской властью и горожанами — как союз, в результате победы которого королевская власть поработила и ограбила своего союзника. Нечто подобное происходило и в отношениях великокняжеской власти с ее феодальными союзниками. В будущем знаменитом споре Ивана Грозного с Андреем Курбским обе стороны будут по-своему правы: и Грозный, доказывавший, что, не сломив бояр и не установив единодержавия, нельзя обеспечить

государственное единство и успех в борьбе с внешними врагами, и Курбский, доказывавший, что без поддержки боярства государственная власть не могла бы достичь своей силы. Обе позиции выражают скорее не разные этапы развития, а разные силы процесса, равнодействующая между которыми определяет характер и ход внутренне противоречивого объединительного процесса.

Русское государство формировалось на протяжении XIV—XV вв., как государство феодальное. Этот процесс протекал на феодальной основе, в условиях и на базе роста феодального землевладения и хозяйства, развития крепостнической эксплуатации крестьянства, укрепления господствующего класса феодальных землевладений и обострения классовой борьбы в ее типичных для средневековья формах.

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о том, какую роль в феодальном обществе XIV—XV вв. в России играли товарное производство и обращение и какое место в общественной жизни принадлежало городам. Названные явления свойственны феодальной эпохе на всем ее протяжении, поэтому они не могли ни возникнуть в период образования единого государства, ни исчезнуть в результате монголо-татарского вторжения и ига. Мы отмечаем страшную разрушительную силу этого вторжения, отбросившего Русь, как и другие завоеванные монголо-татарами страны, далеко назад по сравнению с прогрессирующими странами Западной Европы. Вместе с тем мы хорошо знаем и другое: Русь была разгромлена, но не уничтожена, ее историческое существование продолжалось, ее культура сохранила свой национальный характер. И в области общественно-экономического строя монголо-татары не внесли и не могли внести чего-либо принципиально нового — уровень их собственного социально-экономического развития был ниже, нежели уровень порабоощавшихся ими феодальных стран Восточной Европы, Средней Азии, Закавказья и др.

Русь осталась феодальной страной, и уже поэтому в ней сохранялись предпосылки и для товарного обращения, и для городов, и для товарного производства. Другой вопрос — какой удельный вес в экономике и общественной жизни страны занимали эти явления, но само их существование является в средние века объективной закономерностью. Подобно тому как естественным и закономерным было возникновение и развитие городов и рыночного обращения в Древней Руси, так и в XIII—XV вв. города и рынки должны были существовать. М. Н. Тихомиров очень верно вскрыл роль феодального землевладения и хозяйства для существования городов в феодальную эпоху и роль торговли для их развития и роста¹. Наблюдения, сделанные им относительно городов междуречья Оки и Волги, удаленных от больших торго-

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, изд. 2 М., 1956.

вых путей и развивавшихся в неразрывной связи с окружающими их земельными «опольями» в Древней Руси, сохраняют свое значение и при анализе городской жизни в Северо-Восточной Руси в века монголо-татарского ига, хотя здесь обязательно нужно учитывать новые обстоятельства, вызванные игом. Но принципиально картина измениться не могла — поскольку восстанавливалось и развивалось земледельческое и промысловое хозяйство Северо-Восточной Руси, постольку восстанавливалась и развивалась объективная социально-экономическая основа для существования и роста феодальных городов на этой территории. Именно городов феодальных, являющихся не только и порой даже не столько центрами товарного производства и обращения, а также прежде всего укрепленным центром феодальной власти, резиденцией органов феодальной государственности, средоточием политических и идеологических (в лице «церкви») органов феодального господства над округой, очагом средневековой феодальной культуры. Другой вопрос — насколько серьезно могут развиваться в городах ремесленное производство и торговля, насколько окрепнут и станут экономической и политической силой горожане — ремесленники и торговцы. Здесь многое зависит от объективных условий, в которых находятся города в данную эпоху, но существовать города все равно будут.

С другой стороны, рассматривая процесс городского развития, необходимо иметь в виду, что само по себе существование городов не является безусловным свидетельством развития товарно-денежных отношений, которые в феодальную эпоху могли существовать и существовали помимо городов. Наличие большей или меньшей массы товаров, обращающихся между разными землями и княжествами, также не свидетельствует само по себе ни о росте городов, ни тем более о зарождении буржуазных элементов.

Дело в том, что торговля в XIV—XV вв. была сосредоточена главным образом в руках феодалов, а не горожан, и была связана в первую очередь с промысловым и сельским хозяйством, а не с городским ремесленным производством. Как можно судить на основании княжеских льготных грамот монастырям и другим феодалам, по Руси из княжества в княжество двигались, по крайней мере в XV в., обозы и лады с хлебом, рыбой, солью, мясом, мехами и другими продуктами земледельческого и промыслового хозяйства. Не всякий раз это были купленные или продаваемые товары — везли оброки. Но когда везли товары, то это торговали крупные феодалы, преимущественно церковные, а также князья. В северные монастыри, где было слабо развито земледелие, везли хлеб, из соляных варниц в Поволжье и из других мест возили соль и т. п.

Но вся эта довольно обширная по масштабам торговля практически еще не влияла на господствующий способ производства,

покоившийся испокон веков на принципах натурального хозяйства, она лишь дополняла его. Деньги, которые накапливались в результате торговли, в производство еще не обращались. Они шли на уплату пошлин и даней в княжескую казну, пустевшую, впрочем, очень скоро, так как надо было постоянно выплачивать дань в Орду, на покупку земель, приобретение предметов роскоши, обращались в сокровища, в ту самую «монастырскую лежащую казну», против которой так возмущались потом московские дворяне, требовавшие привлечь богатую церковь к несению государственных расходов. Накопленные феодалами в результате торговли деньги обращались также в ростовщичество — в эту примитивную и тяжелейшую для народа форму обращения денег. Именно потому, что производство не было развито, увеличить имеющийся денежный капитал, «вырастить» его было возможно лишь путем отдачи его в рост, в заем под высокие проценты, а не путем обращения в производство¹.

Конечно, часть денег расходовалась и на такие нужды, как наем мастеров-строителей для сооружения церквей и крепостных стен, мастеров-живописцев для написания икон, мастеров-ювелиров для выделки драгоценных украшений и предметов культа, мастеров книжного дела для создания уникальных по своему исполнению драгоценных евангелий и других книг. Но все это была, как правило, работа на заказ, а не на рынок. Кроме того, среди мастеров-ремесленников было немало холопов, которых феодалы просто покупали. Так было не только во времена «Русской Правды» с ее «ремесственниками» и «ремесственницами», за которых платилась холопья вира в 12 гривен, так было и в XV в., когда митрополит Филипп, задумав строить новый Успенский собор в Московском Кремле, «сотвори тягину велику» со всех церквей и монастырей на собранные деньги выкупил из татарского плена какое-то количество мастеров-строителей.

Между тем действительные экономические связи складываются на основе общественного разделения труда и роста товарного производства. Отрыв производителя от сельского хозяйства, его специализация предполагают наличие таких рыночных связей, которые обеспечивают производителя необходимыми ему предметами потребления. Конечно, повсюду, в том числе и в наиболее развитых странах Западной Европы, городские ремесленники еще долго не порывали окончательно с сельским хозяйством. Но они все-таки становились в массе своей товаропроизводителями, в то время, как в России, по наблюдениям многих исследователей, процесс массового превращения ремесла в мелкое товарное производство в наиболее развитых городских центрах отчетливо определился лишь в XVII столетии.

¹ «Ростовщический капитал развивается тем больше, чем больше производство данной страны в массе своей остается натуральным». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 160).

Было бы неправильным сбрасывать со счета при оценке экономического развития страны в XIV—XV и последующих столетиях те торговые связи, которые осуществлялись боярами, князьями, монастырями и другими феодалами. Содействуя общению между частями страны, эти связи не меняли природы ее общественно-экономического строя, который покоился в целом на натуральном хозяйстве и консервировал патриархальную замкнутость феодальных мирков, и поэтому были бессильны поколебать их самостоятельность. Более того, в известной степени эти торговые связи даже укрепляли феодальную раздробленность, потому что содействовали прежде всего обогащению феодальных владельцев и, следовательно, их усилению в борьбе с соперниками и противниками (в числе которых могла оказаться и великокняжеская власть). Стало быть, природа торговых связей между русскими землями в XIV—XV вв. была опять-таки феодальная и они, если можно так выразиться, так же как и другие факторы, по-феодальному противоречиво и непоследовательно содействовали объединению страны.

Что касается городов и горожан, то лишь с середины XIV в. начался заметный подъем городов Северо-Восточной Руси после монголо-татарского разорения. Помимо роста земледельческого производства, что давало возможность «кормить» города, немалую роль в возникновении и развитии городов играла постоянная военная опасность. Князья основывали новые города, укрепляли старые, причем особенно большое развитие получили те города, которые были боевыми форпостами обороны русских земель на путях вторжений монголо-татар, — Нижний Новгород, Коломна, Серпухов и др. Рост и укрепление городов в большой степени зависели от торговли и развития в них ремесла, хотя были и другие факторы создания городов. Городские укрепления создавались обычно крестьянами в порядке феодальной повинности, которая называлась «городовым делом». Лишь каменное строительство, осуществлявшееся летом и требовавшее сравнительно большого развития ремесленного производства, как правило, надежно свидетельствует об уровне экономического развития данного города. Характерно, что каменные кремни были построены в рассматриваемое время только в Новгороде, Пскове и Москве. Попытки тверского и нижегородского князей построить каменные укрепления не увенчались успехом, по-видимому, из-за недостатка сил, а вообще каменное строительство производилось лишь в немногих северо-восточных русских городах. Первой начала каменное строительство в конце XIII в. Тверь, затем оно продолжалось в Москве, Коломне, Серпухове, Нижнем Новгороде, Старице, Дмитрове, Звенигороде, Угличе, Ярославле. Большого размаха оно достигало в Новгороде и Пскове в XIV—XV вв. Но в целом список городов, где шло каменное строительство в эти столетия, невелик.

Практически мы почти не располагаем сведениями о развитии товарного производства русских городских ремесленников XIV—XV вв., что не дает, однако, оснований отрицать само его существование. Археологические материалы, особенно по Новгороду, убеждают нас в том, что товарное производство имело довольно широкое распространение в обработке металлов, выделке изделий из кожи, глины, дерева, производстве съестных припасов, оружия, инструментов, игрушек, массовых предметов религиозного культа. Однако не следует по Новгороду — самому развитому русскому средневековому городу — судить обо всех городах Руси, об общем уровне ее городской жизни. Даже применительно к Новгороду у нас нет сколько-нибудь определенных свидетельств существования цеховой организации ремесла. Что касается новгородской торговли и новгородского купечества, то и они были в значительно большей степени связаны с промысловым хозяйством и внешним рынком, нежели с местным ремеслом, приобретая весьма значительные для средневековья масштабы¹.

Кроме того, купечество в социальном отношении было еще весьма неустойчиво и тяготело к слиянию с феодальной знатью. Бояре в Новгороде торговали продуктами своих богатейших промысловых угодий, а купцы, овладев деньгами, стремились закрепить свое положение приобретением земель. Так поступали их собратья и в других русских землях². Известен, например, нижегородский купец XIV в. Тарас Петров, который был самым богатым среди нижегородцев. Разбогатеv, он купил себе шесть вотчин, и превратился в боярина нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Таким был В. Г. Ермолин, московский купец, которого летопись называет «гость да и болярин великого князя». В летописной терминологии очень точно отразилось высокое социальное положение «гостей», которые постоянно упоминаются вместе с высшими представителями феодальной знати и в ее числе. Но это свидетельствует не о том, какую силу приобрели горожане при княжеском дворе, а лишь о том, как сливалась городская верхушка с феодальной знатью.

Стремление разбогатевших горожан к приобретению земель и тем самым к слиянию с массой феодалов тем более объяснимо, что в условиях систематической выкачки у горожан денег для выплаты дани в Золотую Орду было гораздо более надежным делом обратить эти деньги в земельные богатства. Прибавим к этому быстро возраставший гнет княжеской власти над городами, и мы поймем, почему русские горожане в XIV—XV вв. еще не превратились в носителей новых, прогрессивных отношений производства и обмена, как это случилось с некоторыми их западно-

¹ См.: А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963.

² См.: М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва. М., 1957, стр. 152—156.

европейскими собратьями. Города сохраняли свой типично феодальный характер; очень большая часть их территории принадлежала вотчинным владениям различных феодалов, дворам, являвшимся центрами княжеского дворцового хозяйства, а масса населения городов, в том числе ремесленников, состояла преимущественно из людей зависимых, среди которых было немало холопов.

Самостоятельной социально-политической силой русские северо-восточные города в XIV—XV вв. не стали, наоборот, даже такие небольшие остатки городских порядков, как вечевые собрания, были уничтожены крепнувшей великокняжеской властью. Соотношение сил между подорванными нашествием городами и сравнительно быстро крепнувшими феодалами оказалось еще более значительно измененным в пользу феодалов, а это в свою очередь не могло не тормозить социально-экономического развития русских городов.

Несколько иначе обстояло дело на Северо-Западе, в Новгороде и Пскове, где высокий уровень экономического развития и ослабление княжеской власти создали условия для существования своеобразного республиканского строя. При всем засилии местного боярства этот политический строй все же не был абсолютно безразличным для массы городского населения — он был реально существовавшей возможностью выражения горожанами своих требований по отношению к власти. Другое дело, что народное недовольство обычно использовалось в корыстных целях одной из постоянно соперничавших между собой феодальных группировок. Факт остается фактом — дела республики вершились на вече.

Выступали горожане и в ряде событий, происходивших в Северо-Восточной Руси. Они не раз поддерживали княжескую власть в конфликтах с ее противниками. Но именно княжескую власть как таковую, а не обязательно московскую княжескую власть. Лишь примерно с 70-х годов XIV в., когда определился перевес Москвы над ее соперниками и ее выдающаяся роль в организации общерусской борьбы против монголо-татарских завоевателей, можно указать несколько случаев, когда городские вече действовали в пользу московского князя. Но специфически городского здесь немного — только, пожалуй, самая форма вечевых собраний, которые упорно возникали всякий раз, когда княжеская власть слабела. При этом обязательно надо помнить крайне пестрый социальный состав жителей средневековых русских городов, где было много феодалов и феодально зависимых людей. Поэтому вряд ли можно толковать выступления жителей того или иного города как специфически городские выступления — они были отражением феодального характера общества во всех отношениях. При всем этом следует отметить не только то, что города были материальной опорой объединительной политики

князей, но и то, что городское население (в целом) поддерживало эту политику, видя в великокняжеской власти силу, способную прекратить усобицы, защитить его от нападений внешних врагов и избавить от произвола знати.

Следовательно, города играли в объединительном процессе такую же роль, как и другие элементы феодального общества. Город был явлением феодальным прежде всего, и если в некоторых странах Запада формировались балансировавшие между феодальным дворянством и бюргерами абсолютные монархии, то на Руси объединение страны шло на феодальной основе и в феодальных формах¹.

Главной силой объединительного процесса были феодальные элементы деревни и города, великокняжеская власть являлась его носителем, а внешняя опасность ускоряла его развитие.

¹ Подробнее см.: А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959.

Л Е К Ц И Я 3

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII—XV вв.

Вторая половина XIII в. была временем обострения борьбы князей в Северо-Восточной Руси. После разгрома Владимира ослабла великокняжеская власть. В то же время стали подниматься и крепнуть новые политические центры, что было связано с перемещением масс населения и темпами развития хозяйства в разных районах Северо-Восточной Руси. Важной особенностью политического развития русских земель начиная со второй половины XIII в. было то, что оно неразрывно переплеталось с борьбой против иноземного ига.

Уже в 1257—1259 гг. в Новгороде произошло большое восстание против монголо-татар. В то время как новгородская знать вошла в контакт с монголо-татарскими «численниками», переписывавшими население для последующего взимания дани в Орду, простой народ, «чернь, не хотеша дати числа». Весь город «издвоишася», тем более что при переписи населения «творяху бо бояре собе легко, а меньшим зло». Восстание было подавлено феодальной знатью и князем Александром Ярославичем Невским, опасавшимся, вполне вероятно, карательного вторжения монголо-татар, которое привело бы к опустошению остававшейся нетронутой Северо-Западной Руси. Не следует думать, однако, что князьям, боярам и церкви, стремившимся поддерживать мирные, а нередко и союзнические отношения с монголо-татарами,

было свойственно такое стремление к сохранению Русской земли от разных вторжений, какое руководило действиями Александра Невского — мужественного воина и полководца, опытного и дальновидного дипломата. Большинство феодалов старалось сохранить свои богатства и привилегии, свою власть над зависимым населением и не останавливалось перед тем, чтобы просить завоевателей прислать войско на Русь. Такой ценой князья не раз побеждали своих соперников и упрочивали свое положение в глазах ордынских властителей. События второй половины XIII в. отчетливо свидетельствуют о том, что классовые противоречия в феодальной стране закономерно проявились в отношении к золотоордынским властителям со стороны различных общественных слоев на Руси.

В 1262 г. по северо-восточным городам прокатилась волна восстаний против монголо-татар и их пособников — откупщиков, которые взяли на себя сбор дани и при этом грабили и притесняли народ. Восстания произошли в Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле, Устюге. Характерно, что повсюду во время восстаний древняя форма вечевых собраний восстанавливалась. В Ярославле был убит монах Зосима, перешедший в мусульманство и наживавшийся на откупленном им у монголо-татар сборе дани, «и оттого велику пагубу творяху людем, работаеще люди хрестьянские в резех» (т. е. порабощал людей, которые не могли платить высоких процентов — «резы»). Центром народного движения против завоевателей была тогда Ростово-Суздальская земля, где в условиях ослабления княжеской власти после монголо-татарского вторжения ожили вечевые традиции. В 1289 г. вече против монголо-татар еще раз собралось в Ростове.

В 80—90-х годах XIII столетия политическая обстановка в Северо-Восточной Руси стала меняться. Происходил процесс образования новых княжеств, причем это было не просто измельчание прежних княжеств, а возникновение самостоятельных и полусамостоятельных государств в связи с ростом плотности населения и подъемом хозяйства. Новые княжества в политических событиях своего времени выступают как все более крепнущая сила, несмотря на относительно малые размеры их территории. Об этом свидетельствует политическая история Московского, Тверского, Ярославского и других княжеств. Не все вновь образовавшиеся княжества сохранили самостоятельность, но, подчиняясь другим, они придавали сразу большую силу тем, кто их подчинял (например, это подтверждает вхождение в состав Московского княжества княжеств Коломенского, Можайского, Переяславльского и др.).

Центр политической жизни стал перемещаться из Ростово-Суздальской земли в центральные и западные районы волго-окского междуречья. Это нашло свое отражение в борьбе сложившихся княжеских группировок, которые стремились овладеть

великокняжеским ярлыком. Правда, великое княжение теперь стало далеко не тем, каким оно было когда-то при Андрее Боголюбском или Всеволоде Большое Гнездо. Авторитет великого князя во второй половине XIII в. был невелик, территория, принадлежавшая собственно великому княжению Владимирскому, заметно сократилась, а о влиянии на Новгород и Псков нечего было и говорить — северо-запад Руси окончательно приобрел теперь независимое государственное существование. Однако при всем этом не существовало никакой другой политической формы возвышения над другими князьями, кроме приобретения великого княжения. С одной стороны, великое княжение оспаривали ростовские, ярославские и городецкие князья, признавшие себя вассалами Золотой Орды и стремившиеся таким образом при поддержке завоевателей сохранить положение старших князей на Руси. Им противостояли князья «новых» княжеств — Твери, Москвы и Переяславля. Они тоже не чурались поддержки внешних сил — тверской и переяславский князья были вассалами соперника Золотой Орды — хана Ногая, правившего в Северном Причерноморье. Борьба между соперничавшими группировками сопровождалась опустошительными набегами как княжеских дружин, так и помогавших им огромных татаро-монгольских отрядов на земли соперника. Завоеватели сознательно подогревали распри между князьями, видя в этом надежное средство сохранения своего господства над Русью. Новые полчища монголо-татар вновь обрушивались на Русскую землю, повторяя все ужасы Батыева нашествия и еще более тормозя процесс восстановления разоренной страны. В 1281, 1282, особенно в 1293 гг. Русская земля подвергалась повторным опустошительным нашествиям.

Однако к концу XIII в. положение изменилось. В Северо-Восточной Руси поднимались новые центры экономического развития, становившиеся и очагами борьбы против завоевателей. Быстрее всех развивалась в конце XIII столетия, по-видимому, Тверь, где уже в 1285 г., даже раньше, чем в Новгороде, началось первые после нашествия каменное строительство. Собор Спаса строили, правда, долго, несколько лет, но все-таки он стал первым каменным сооружением после монголо-татарского нашествия. Это было не только проявлением возросших сил Твери, но и имело, как и всегда в то время, когда еще не было огнестрельного оружия, немаловажное значение для обороны города. Не случайно в момент нашествия «Дюденовой рати», призванной на помощь ростовским князьям, масса населения сбежалась в Тверь, где вновь зазвонил вечевой колокол. Рассказ летописи о событиях 1293 г. в Твери очень показателен. Оказавшись без князя, который отправился в Орду, тверские жители на вече заставили бояр присягнуть («целовать крест») «черным людям», т. е. массе горожан, что бояре будут вместе со всеми отстаивать город от монголо-татар; такая же присяга была дана и «черными людьми».

ми» боярам. Четко вырисовываются две социальные силы, причем инициатива в организации сопротивления врагу принадлежит не феодалам, а народу, который с полным основанием не доверяет знати и заставляет ее присягнуть на верность в борьбе с врагом. Скоро вернулся в город князь Михаил Ярославич, проведенный одним из москвичей таким путем, чтобы не быть захваченным Дюденем. В конце XIII в. Тверь и ее князь, имевший ярлык на великое княжение, выступают как реальная сила, стремящаяся возглавить Русские земли. Однако довольно скоро у Твери появились соперники. На рубеже XIII—XIV столетий стала быстро усиливаться Москва. В первые же годы XIV в. московский князь Даниил Александрович отобрал у соседей Коломну и Можайск. Все течение Москвы-реки оказалось под властью московского князя. В то же время, по-видимому, воспользовавшись распрей между переяславским и тверским князьями, московский князь склонил переяславского на свою сторону и получил от него по завещанию его владения. С прибавлением Переяславского княжества с его густо населенными, давно обрабатывавшимися землями, соляными угодьями, рыбными ловлями силы московского князя возросли еще более.

В борьбе тверских и московских князей было пролито много крови. Обе соперничавшие стороны опирались на монголо-татар. Князья не раз совершали поездки в Орду. В Орде погиб тверской князь Михаил Ярославич, а затем и его соперник московский князь Юрий Данилович. Борьба носила характер типичной феодальной усобицы, но она была по своему объективному содержанию начальным этапом новой стадии объединительного процесса в Северо-Восточной Руси. Решался вопрос о том политическом центре, который возглавит в дальнейшем этот процесс.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что вопрос о причинах возвышения Москвы рассматривался в дореволюционной исторической литературе как равнозначный вопросу о причинах возникновения единого государства на Руси. Мы смотрим на дело сложнее: объединительный процесс имел объективный характер, он протекал на определенной основе общественно-экономического развития. Что касается того, какой из феодальных центров станет во главе этого процесса, то этот вопрос представляет лишь часть общей проблемы возникновения и развития единых государств. Были, очевидно, и объективные, и субъективные предпосылки, определившие победу Москвы. Если сравнить географические условия развития Москвы и Твери, то они в общем схожи. Москва, правда, имела перед Тверью преимущество в том отношении, что она занимала более центральное положение по отношению ко всем северо-восточным землям и что через ее район проходили важные водные и сухопутные пути, связывавшие между собой различные части Северо-Восточной Руси.

Немалую роль в успехе московских князей сыграла и их более дальновидная политика. Используя противоречия в стане своих противников и последовательно привлекая на свою сторону самые разнообразные общественные силы, московские князья шаг за шагом упрочивали свое положение. Они действовали нередко и военной силой, но в первой половине XIV в. немалая доля московских успехов должна быть отнесена за счет дипломатической деятельности.

Так, было использовано недовольство городского населения притеснениями других князей — в Костроме против тверского князя, в Нижнем Новгороде — против ростовского князя (1304—1305 гг.). Большое влияние приобрели московские князья в Переяславле-Залесском, где горожане не отпустили бывшего у них московского князя даже на «погребение отне», видя в нем свою защиту от посягательств на Переяславль со стороны сильного тверского князя.

Одним из крупнейших политических успехов московских князей в первой половине XIV в. было привлечение на свою сторону церкви. Когда в 1299 г. митрополит Максим перебрался из разоренного Киева во Владимир, то он стал союзником тверского князя, бывшего тогда великим князем. Церковь искала опоры в сильном князе и ориентировалась поэтому на Тверь. После смерти Максима в 1307 г. тверской князь хотел закрепить свой союз с церковью и отправил в Константинополь к патриарху своего епископа с просьбой поставить его митрополитом на Русь. Но у патриарха был другой кандидат на русскую митрополию — Петр, который и прибыл на Русь. В Твери Петра встретили холодно. Московский князь Юрий Данилович воспользовался этим и привлек Петра на свою сторону. Когда в 1311 г. тверской князь обвинил Петра перед патриархом в разных преступлениях, в том числе в продаже за большие деньги церковных должностей, то на состоявшемся в Переяславле суде над митрополитом московский князь добился его оправдания, чем завоевал прочную поддержку со стороны церкви.

В 1325 г. на московском княжеском столе оказался брат убитого в Орде князя Юрия Даниловича Иван Данилович, получивший впоследствии меткое прозвище «Калиты» — денежного мешка. Иван Данилович был опытным политиком, он хорошо знал Орду и вскоре постарался использовать ее властителей в своих интересах. В момент вокняжения Калиты ярлык на великое княжение находился у тверского князя Александра Михайловича. Спустя два года, в августе 1327 г., в Твери вспыхнуло большое народное восстание против монголо-татар, начавшееся, как обычно, с вечевого собрания. Иван Калита отправился в Орду и вернулся оттуда с карательным монголо-татарским отрядом, нанесям тяжелый удар по всему Тверскому княжеству. Тем самым была подорвана сила соперника Москвы — тверского князя. Иван

Данилович приобрел же со стороны ханов большое доверие, ему поручили собирать с русских земель дань и отправлять ее в Орду. Была ликвидирована система баскачества на Руси, при которой ханские чиновники — баскаки — собирали дань, творя при этом насилия и жестокости¹. «И бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погани восвати Русскую землю и заколоти христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великиа истомы и многия тягости, от насилия татарского, и бысть оттоле тишина велия по всей земли», — отметил летописец.

Передышка от татарских вторжений сыграла большую роль для восстановления и развития хозяйства в русских землях. Эта передышка была непосредственной предпосылкой того хозяйственного подъема, который наступил со второй половины XIV столетия и предопределил решающие успехи в объединительном процессе и борьбе с монголо-татарами (Куликовская битва). Превращение Москвы в центр сбора ордынского «выхода» дало московским князьям возможность значительного обогащения и подчинения своему влиянию многих небольших княжеств. Немалую роль играл установившийся в первой половине XIV в. союз Москвы с Новгородской республикой, заинтересованной в поддержке Москвы против непосредственно угрожавшей ей соседней Твери. Через тверские земли осуществлялся подвоз из центральных областей страны хлеба, которого не хватало в окруженном малоплодородными землями Новгороде, и тверские князья не раз прибегали к прямому нажиму на Новгород, задерживая в Торжке суда с хлебом. По традиции князьями в Новгороде становились московские князья. Но в новгородские дела они не вмешивались, выступая лишь в качестве военных предводителей при обороне Новгородской земли от ее соседей. В то же время Новгород давал Москве немалые денежные средства, которые московские князья нередко требовали от Новгородской республики в чрезвычайном порядке (так называемый черный бор). Порой это приводило к вооруженным столкновениям.

Сосредоточение значительных материальных средств в руках московского князя позволило ему приобретать новые земли (так

¹ См.: А. А. Зимин. Народные движения на Руси 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. IX, № 1, 1952, стр. 61—65. В. В. Каргалов считает, что никакой монгольской администрации в Северо-Восточной Руси вообще никогда не было и что «непосредственное подчинение народных масс татарской власти и сбор дани осуществлялись местной княжеской администрацией, в первую очередь великими владимирскими князьями» (см.: В. В. Каргалов. Существовала ли на Руси «военно-политическая баскацкая организация монгольских феодалов». «История СССР», 1962, № 1, стр. 161—165; его же Татаро-монгольское нашествие на Русь. XIII век. Автореферат канд. дисс. М., 1962, стр. 12). Впрочем, самого существования баскаков как представителей ханской власти и ликвидации баскачества в 20-х годах XIV в. В. В. Каргалов не отрицает.

называемые купли Ивана Калиты). Но московский князь действовал и силой. Он подчинил таким образом Ростовское княжество, когда присланный им боярин Василий Кочева «возложи велику нужу на град и на вся живущая в нем и гонение много умножися», при этом был подвергнут поруганию какой-то «епарх градский» Аверкий, что дает основание думать об ударе, нанесенном существовавшим еще в Ростове каким-то элементам городской вечевой организации. Силой старался Калита покончить и с тверским князем. Когда тот бежал в Псков и отказался выехать на расправу к ордынскому хану, Калите помогла церковь — митрополит Феогност отлучил Псков от церкви, запретил там богослужения и добился цели — псковичи изгнали Александра Михайловича, которому пришлось бежать в Литву. В 1339 г. Иван Калита снял колокол с главного тверского собора и увез его в Москву, что тоже очень напоминает ликвидацию остатков вечевого строя. Тогда же Калита поставил новый, дубовый Кремль в Москве, чем значительно увеличил ее значение как военно-оборонительного центра. Пять каменных соборов, возведенных при Калите, еще более усиливали как военно-оборонительное, так и церковно-политическое значение Москвы. «При нем, — писал К. Маркс о Калите, — была заложена основа могущества Москвы»¹. Действуя в сложных условиях монголо-татарского ига, Калита сумел, как отмечал К. Маркс, превратить хана «в послушное орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от опаснейших своих соперников и одолевает любое препятствие, стоящее на победоносном шествии его к узурпации власти. Он не завоевывает уделов, но незаметным образом поворачивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам»².

Духовное завещание Калиты, санкционированное ордынским ханом Узбеком, закрепило первенствующее положение московского князя перед своими братьями. Территория княжества была разделена Калитой между сыновьями-наследниками таким образом, что московский князь — Симеон Гордый получил перевес материальных сил по сравнению со всеми остальными братьями. Сама Москва, впрочем, еще долго оставалась совместным владением всех потомков Калиты и всевозможные доходы от города (взимание разных пошлин, даней и т. п.) делились пропорционально между ними.

Новый этап объединительного процесса наступил во второй половине XIV в. Как отмечено, к этому времени в Северо-Восточной Руси, а также в Новгородско-Псковской земле наступил новый подъем производительных сил, выразившийся как в росте

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII. М., 1946, стр. 149.

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по кн.: «История СССР», т. I, изд. 2. М., 1947, стр. 194.

земледелия и промыслового хозяйства, так и в развитии ремесла, торговли и городов. Процесс этот был общим для всех русских земель, и на его основе произошло то явление, которое К. В. Базилиевич вслед за Н. Л. Рубинштейном называл «феодальной концентрацией», имея в виду то, что «к началу XV в. политическая карта Северо-Восточной Руси значительно упростилась. Сохранилось только четыре крупных государственных образования (Московское, Тверское, Рязанское княжество и Великий Новгород), изнутри каждого из которых происходило успешное преодоление феодальной раздробленности»¹. В этой обстановке, когда вновь окрепла не только Москва, но и ее соперники, развернулась новая схватка за политическое главенство, неразрывно связанная с подготовкой к активной борьбе против монголо-татар.

Во время вокняжения девятилетнего внука Калиты Дмитрия Ивановича в 1359 г. ярлык на великое княжение сумел приобрести суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович. Во главе московского правительства фактически находился митрополит Алексей, принявший все меры к тому, чтобы вернуть ярлык московскому князю. Церковь поддерживала московского князя на вполне реальной основе. Установлено, что «самые значительные и хозяйственно ценные владения были приобретены во время правления Феогноста и Алексея (1328—1378), т. е. за первые 50 лет московского великого княжения» и что «основной фонд митрополичьих владений образовался именно в то время, когда московские князья в борьбе с тверскими и суздальскими князьями за великокняжескую власть нуждались в обосновании митрополичьей кафедры в Москве и привлечении митрополитов на свою сторону. Понятно, что тверские, ярославские и суздальские князья при такой постановке вопроса не считали обогащение митрополичьей кафедры земельными вкладами своим делом и во все не были склонны помогать в этом московским князьям, своим соперникам»².

В результате войны суздальско-нижегородский князь был вынужден отказаться от великокняжеского ярлыка, а еще через несколько лет московские политики добились выдачи его дочери за молодого московского князя и тем самым связали Дмитрия Константиновича с Москвой.

В 1366—1367 гг. Москва значительно усилилась как военный центр — впервые в Северо-Восточной Руси здесь был построен

¹ К. В. Базилиевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 79. Заметим, что Новгород, строго говоря, относится не к Северо-Восточной, а к Северо-Западной Руси, а на Северо-Востоке следует прибавить к этому перечню усилившееся Суздальско-Нижегородское княжество, центром которого с 1350 г. стал быстро растущий Нижний Новгород. Но самая суть явления отмечена К. В. Базилиевичем верно.

² С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.—Л., 1947, стр. 387.

каменный Кремль, что, как отмечено, указывало на возросший уровень экономического развития города. Имело это и прямое отношение к объединительному процессу, что уловил с нескрываемой враждебностью тверской летописец, который так сообщает о строительстве Московского Кремля: «Того же лета на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою великую силу, князи Русьский начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тях почали посягати злобою». Этим летописец хочет оправдать поведение своего князя Михаила Александровича, который отправился в Литву и вместе с великим князем литовским Ольгердом выступил против Москвы.

Борьба с Литвой на этом этапе, с одной стороны, осложнила объединительный процесс, а с другой — стала неразрывной его частью.

Великое княжество Литовское, возникшее в XIII в., ко второй половине XIV столетия занимало большую территорию, включая многие земли будущих Украины, Белоруссии и Западной России. С Литвой тесные связи поддерживали Новгород, Псков, Тверь. В старой литературе великое княжество Литовское нередко называлось «Литовско-Русским государством». Действительно, русским землям принадлежало большое место в развитии этого государства. Очень многие правовые нормы великого княжества Литовского сложились под непосредственным воздействием норм древнерусского права. Земли, находившиеся под властью литовских князей, были защищены от монголо-татарского ига. Литва выступала также против агрессии немецких феодалов, их «наступления на восток». Однако литовские феодалы рассматривали русские земли как подчиненные своему господству. Распространялись довольно суровые крепостнические порядки, население в целом испытывало все усиливающийся религиозно-национальный гнет.

Используя междоусобную борьбу князей на Руси, литовские феодалы блокировались с враждебными Москве русскими князьями и стремились к тому, чтобы объединить русские земли под своей властью. Но для этого надо было прежде всего справиться с Москвой. И Москве для успеха объединительного процесса необходимо было отразить попытки Литвы, к которой тянулись соперники Москвы. Проблема московско-литовских отношений надолго приобрела важнейшее значение.

Только что выстроенному каменному Кремлю в Москве пришлось сразу же выдерживать нападения литовских войск Ольгерда. Дважды в конце 60-х годов XIV столетия происходили эти нападения и оба раза были отбиты окрепшей Москвой. Борьба за объединение приобретала особенную остроту. В 1371 г. тверскому князю Михаилу Александровичу удалось добиться у хана ярлыка на великое княжение. Московский князь Димитрий Иванович, опираясь на возросшую силу подвластных ему земель,

пошел на конфликт — он отказался признать Михаила великим князем и тем самым подчиниться ханскому ярлыку, а также заявил, что не пропустит Михаила в Тверь через свою территорию, а ханскому послу «путь чист» — куда хочет, туда пусть и едет. По городам стали приводить людей к присяге на верность Димитрию Московскому. Характерно то, что произошло, например, во Владимире, все еще считавшемся формально стольным городом великого княжения, хотя давно уже обладатели великого княжения сидели в своих столицах — Твери или Москве. Владимирцы просто не впустили Михаила в город. В Торжке горожане выгнали прибывших туда тверских наместников. Так же поступили горожане и в других местах, и тверской летописец с горечью отмечает, что «ко князю к великому к Михаилу так и не почали люди из городов передаваться». Здесь мы определенно видим стремление горожан поддержать реальную силу (какой стал московский князь), которая могла обеспечить и внешнюю безопасность, и «порядок в беспорядке». Затем, наложив тяжкую дань на города, Дмитрий отправился в Орду и снова приобрел великое княжение. Одновременно им из Орды был выкуплен за большую сумму задержанный там сын тверского князя, что было еще одним ударом по престижу Твери. В этом деле Димитрию помогла церковь в лице митрополита Алексея.

В следующем году произошло столкновение с другим противником Москвы — рязанским князем. С нескрываемым презрением московский летописец рассказал о том, как «палоемные» и «безумные людища» — рязанцы потерпели сокрушительное поражение в битве под Скорнищевом в 1372 г.

Наконец, в 1375 г., после того как тверскому князю еще раз удалось приобрести великое княжение, Димитрий Иванович собрал силы подвластных ему и зависимых от него земель и повел большое войско на Тверь. Это была как бы репетиция будущего общерусского похода против монголо-татар. На этот раз и тверские горожане не поддержали своего князя, и после полуторамесячной осады потребовали сдачи города. Тверской князь был вынужден заключить с Москвой договор, по которому признавал московского князя «старшим братом», отказывался впредь от попыток приобрести ярлык на великое княжение и даже обязывался выступить вместе с Москвой, если московский князь пойдет на войну с монголо-татарами. Аналогичный договор о признании старшинства московского князя был заключен и рязанским князем.

Таким образом, поражение соперников Москвы в борьбе за великое княжение явилось важной предпосылкой консолидации общерусских сил для борьбы с внешним врагом. Напомним еще раз слова Ф. Энгельса о том, что «в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига». Ставшая главным центром Руси Москва активно готовила свои

силы к решающему сражению с завоевателями. Московский князь стал высылать навстречу возобновившимся после долгого перерыва вторжениям монголо-татар свои войска в пределы других княжеств и земель, выполняя тем самым функцию защитника всей Русской земли. Так получилось сначала на территории Нижегородского княжества, где в 1377 г. русские отряды потерпели из-за своей беспечности поражение, а затем в Рязанской земле. Здесь в 1378 г. на р. Воже произошло «первое правильное сражение, с монголами, выигранное русскими»¹.

После всего этого историческая победа в Куликовской битве 8 сентября 1380 г. менее всего может быть расценена как случайность. Она была действительно подготовлена всем ходом развития объединительного процесса, подъемом народного хозяйства на Руси. Великое мужество десятков тысяч русских воинов, полководческое мастерство и доблесть Дмитрия Ивановича, прозванного за эту победу «Донским», обеспечили одну из самых знаменитых и славных побед в истории нашей Родины.

Победа на Куликовом поле имела многообразные последствия. Она утвердила руководящее положение Москвы в русских землях, показав силу единства русских земель для борьбы с внешним врагом и организующую роль Москвы в этом деле, а также вызвала новый подъем духовной жизни на Руси².

Правда, ближайшие события после Куликовской битвы, казалось должны были привести к восстановлению пошатнувшегося было господства монголо-татар над Русью. В 1382 г. хан Тохтамыш при поддержке рязанского князя Олега Ивановича внезапно вторгся на Русь. Дмитрий Донской, оставив Москву на попечение митрополита Киприана и бояр, отправился в северные поволжские города собирать новое ополчение, так как Куликовская победа истощила московские силы. Московская знать повела себя как обычно в таких случаях — спасая себя и имущество, бояре бежали из города, бросая его на произвол судьбы. Убежал и Киприан, отправившись к противнику московского князя в Тверь. Тогда оборону города взял в свои руки московский народ. И опять ударил вечевой колокол. В городе был наведен порядок, на стенах и башнях встали москвичи. Имущество бежавших было разделено между горожанами. На стенах Московского Кремля впервые в истории нашей страны появились огнестрельные орудия, «тюфяки».

Здесь следует сделать небольшое отступление и напомнить, что, во-первых, огнестрельное оружие было, таким образом, применено в России всего на семь лет позднее по сравнению со странами Западной Европы (Италия). Мы не знаем, правда, чьего

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. XV. М., 1946, стр. 151.

² См. лекцию 12.

производства были «тюфяки», стрелявшие в 1382 г., зато у нас есть точные свидетельства о том, что спустя малое время — в конце XIV—начале XV в. — огнестрельное оружие на Руси делать умели. Во-вторых, как отмечал Ф. Энгельс, «чтобы иметь порох и огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала направленным против феодального дворянства оружием городов и возвышающейся монархии, которая опиралась на города»¹. Но распространившись на Западе Европы как оружие горожан, огнестрельное оружие в России оказалось с самого начала своего употребления и затем производства связанным с феодальным государством. То, что оно появилось рано на Руси, вполне объяснимо особо острой в нем потребностью в условиях борьбы с иноземным игом. Но свидетельством роста бюргерских элементов оно быть в данном случае не может. Мы не раз на протяжении истории средневекового Русского государства встречаемся с тем, что различные явления, возникшие на Западе в ходе развития буржуазных общественных отношений, использовались Русским феодальным государством для укрепления собственного положения, для укрепления феодального класса в целом.

Восстание в Москве отразило характерную для той эпохи расстановку классовых сил в борьбе против иноземного ига и еще раз указало на то, что наиболее последовательной патриотической силой выступали народные массы. Тохтамышу удалось ворваться в Москву только благодаря вероломству и предательству находившихся с ним нижегородских князей, которые обманули защитников Москвы и уговорили их открыть ворота города. Как и прежде, феодальные междоусобицы облегчали вторжения внешних врагов. Москва была полностью сожжена, и ее население и люди, укрывавшиеся в ней, уничтожены, погибло огромное количество книг, унесенных москвичами в кремлевские каменные церкви и заполнивших их до самого верха. По Русской земле рассеялись монголо-татарские отряды, снова горели города и села, и казалось бесследной была стойвшая столько жертв недавняя Куликовская победа. Но это было не так. Когда Тохтамыш узнал о движении новых русских ополчений, он, не принимая боя, увел свои отряды обратно — монголо-татары боялись принимать полевое сражение с русскими.

Все же дань в Орду русским князьям пришлось еще долго платить и после Куликовской битвы. Это объясняется тем, что объединительный процесс не был закреплен, а это последнее всецело зависело от уровня социально-экономического развития. Русь оставалась феодальной страной, более того, феодализация общественных отношений все более нарастала в XIV—XV вв., а это неиз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

бежно порождало те центробежные процессы, которые свойственны феодальному строю и которые преодолеваются только развитием буржуазных связей. Объединительные процессы, протекающие в условиях подъема феодальных отношений, внутренне противоречивы и неустойчивы. История объединительного процесса на Руси XIV — и XV вв. свидетельствует об этом.

В княжение Дмитрия Донского на основе достигнутых успехов в борьбе с соперниками были предприняты первые попытки установления некоторых элементов государственной централизации. Остатки городских (неразвитых и прежде) порядков управления в Московском княжестве под натиском княжеской власти исчезли довольно рано. Лишь в соседних землях мы еще встречаемся с городскими тысяцкими — в Москве должность тысяцкого была упразднена в 1373 г., а сын последнего тысяцкого, пытавшийся при поддержке Твери восстановить для себя эту должность, был публично казнен в 1379 г¹. Тем самым городское купечество лишилось представителя своих интересов. Тысяцкие, выходявшие из боярской среды, были близко связаны с верхушкой «гостей». Теперь горожане оказались в еще большем подчинении от княжеской власти. Дмитрий Донской предпринял другие меры к установлению централизованных порядков — были определены нормы сбора дани с княжеств для уплаты в Орду, введен территориальный принцип формирования ополчений, по которому бояре и «слуги вольные» обязаны были выступать вместе с теми князьями, на территории которых находились их вотчины (раньше и позже действовало правило полной свободы выбора землевладельцем-феодалом, кому он будет служить). Стала обязательной, «без ослушания», служба удельных князей великому князю.

Наконец, Дмитрий сделал попытку поставить в зависимость от себя церковную организацию. Когда умирал митрополит Алексей, Дмитрий потребовал от него санкционировать выдвижение в качестве преемника некоего Митяя, духовника и печатника великого князя. Несмотря на сопротивление высших духовных иерархов, Дмитрий добился пострижения Митяя в монахи и одновременно назначения его архимандритом кремлевского Чудова монастыря. После смерти Алексея Митяй по приказу великого князя поселился на митрополичьем дворе и стал фактически управлять русской церковью. Появление во главе ее человека, тесно связанного с великим князем и бывшего проводником его политики, серьезно встревожило церковников. Несмотря на поддержку великого князя, отправившего Митяя с большими деньгами на поставление в Константинополь, высшие церковные иерархи повели борьбу против Митяя. На русской митрополии

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках, стр. 172—173.

вскоре образовалось безвластие, когда одновременно были поставлены несколько митрополитов. Положение осложнялось настойчивым стремлением литовских князей иметь отдельного митрополита для русских земель, входивших в состав великого княжества Литовского. Двенадцать лет продолжалась церковная суета, и только после смерти Димитрия Донского на митрополию укрепился Киприан¹.

Дело Митяя было показателем серьезного конфликта, возникшего в ходе объединительного процесса между церковью и светской властью. Этот конфликт имел объективный характер. Церковь была крупнейшим феодалом, она располагала огромной материальной силой, ее владения находились под прикрытием ханских ярлыков и княжеских льгот. Церковь поддерживала, конечно, княжескую власть, но лишь постольку, поскольку сама нуждалась в ее поддержке. В целом же церковь стремилась сохранить самостоятельность и меньше всего была склонна превращаться в служанку светской власти — скорее церковники стремились добиться от светской власти возможно более полного служения своим интересам. С другой стороны, сила и влияние церкви были очень нужны княжеской власти и для укрепления господствующего общественного строя в целом, и для успеха в борьбе со своими феодальными противниками. Но интересы государственной централизации неминуемо входили в противоречие с сохранением церкви на положении «государства в государстве». Конфликт между светской и духовной властью — явление общее для всех европейских стран, и хотя православная Русь не знала такого накала борьбы, который был свойствен католическим папам и императорам в средневековье, тем не менее взаимоотношения светской и духовной знати принципиально не отличались на Западе и на Руси. В течение нескольких столетий будет продолжаться эта борьба, то явная, то глухая, пока не завершится подчинением церкви государству. Но произойдет это лишь в XVIII в., а теперь, когда мы встречаемся с одним из ранних проявлений борьбы за подчинение церкви светской власти², — в XIV в. дело, по справедливому мнению А. Е. Преснякова, окончилось пока что поражением великокняжеской власти³.

Однако в целом в итоге княжения Димитрия Донского были достигнуты значительные успехи в объединительном процессе. В своем духовном завещании Димитрий смог впервые без санкции ордынского хана передать великое княжение своему сыну Василию как «отчину» московских князей. Уверенностью в скором

¹ Подробнее см.: А. М. Сахаров. Церковь и образование Русского централизованного государства. «Вопросы истории», 1966, № 1.

² Такая же тенденция очень ясно проявилась в деятельности владимиро-суздальских князей уже в XII — начале XIII в.

³ См.: А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. ПГ., 1918, стр. 363.

падении золотоордынского ига звучит и распоряжение о том, как поступать со собираемой данью, когда «переменит бог Орду», т. е. когда не будет власти Орды над Русью.

Конец XIV — начало XV столетия были временем, когда Московскому великому княжеству пришлось вести трудную борьбу как против внешних врагов, так и за усиление своего положения среди русских земель. Страшная угроза нависла над русскими землями в 1395 г., когда на них двинулся Тимур (Тамерлан), покоривший перед тем с чудовищной жестокостью Среднюю Азию. Москве пришлось снова готовиться к обороне, но Тимур дошел лишь до Ельца и повернул обратно, так как в тылу у него действовали его враги. В 1408 г. под стенами Московского Кремля оказались отряды монголо-татарского властителя Едигея, который опустошил значительную территорию Северо-Восточной Руси, в том числе Владимир. Но взять Москву Едигей не мог и послал к тверскому князю приказ выслать на подмогу пушки. (Тверь стала тогда одним из наиболее развитых центров литейного дела, тверские мастера, лившие колокола и пушки, славились по всей Руси.) Но князь Иван Михайлович поступил, по выражению летописца, «уменски, паче же истински» — он вышел из Твери с небольшим отрядом, но дошел до Клина и вернулся обратно, «и таковым коварством перемудрова: ни Едегея разгнева, ни князю великому погруби». Теперь тверской князь уже не решался пойти на конфликт с Москвой. Не удалось и Едигею взять Москву.

По-прежнему сложными были отношения с Литвой, где конфликты сменялись временными союзами для упрочения позиций в борьбе с Ордой. Литва оставалась притягательным центром для тех, кто сопротивлялся усилению Москвы. Осложнились и отношения с Великим Новгородом. В конце 90-х годов Москва попыталась оторвать от Новгорода его богатые северные владения за Двиной и подчинить их своему влиянию. Средством нажима на Новгород стал вопрос о подчинении новгородского церковного суда митрополичьему суду. Конфликт с Новгородом не принес успеха Москве. По мнению А. Е. Преснякова (оспоренному Л. В. Черепниным)¹, митрополит Киприан не поддержал великого князя в этом конфликте — церковь стремилась занять самостоятельную позицию, и Киприан, испытывавший уже однажды на себе властную руку Димитрия Ивановича, не склонен был подчинять церковь светской власти.

Вообще отношения с церковью продолжали оставаться трудными. Великий князь Василий Дмитриевич хотел воспользоваться тем, что Византия попала тогда в бедственное положение вследствие натиска турок и сама нуждалась в материальной под-

¹ См. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 369; см. также: Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 700.

держке со стороны Руси и пытался ослабить узы связей московской митрополии с константинопольской патриархией, дававшие церковникам противовес в их отношениях с великокняжеской властью. Великий князь добивался того, чтобы имя византийского императора вообще перестали упоминать в церковных службах на Руси. Дело не ограничилось этим. Когда в 1410 г. на Русь прибыл новый митрополит, грек Фотий, он застал церковное хозяйство в значительной части расхищенным князьями и боярами и потребовал от великого князя вернуть эти земли, а также отобранные права взимания пошлин, что привело к открытому конфликту между великим князем и митрополитом в 1413 г.¹

Антимосковские позиции занимала и значительная часть новгородских церковников. В первой половине XV в. особенно при архиепископе Евфимии II, в Новгороде усилилась проводившаяся религиозными средствами пропаганда новгородской старины, традиций независимости Новгорода от «низовских земель» — устраивались всякие «чудеса», распространялись слухи о «видениях», новгородские церкви строились в подчеркнуто архаических формах и т. п.

Среди части светских феодалов усиление власти московских великих князей также вызывало большое недовольство. Теперь конфликт разгорался, однако уже внутри самого Московского княжества, и спор шел не о том, какому городу стать центром Руси, а о том, кому из князей быть московским князем и на каких условиях должны строиться отношения московских князей с другими русскими князьями. Само по себе руководящее положение Москвы в русских землях более уже не оспаривалось — и в этом особенность данной стадии объединительного процесса, когда произошло решающее столкновение сторонников и противников государственной централизации. Оно вылилось в длительную феодальную войну, продолжавшуюся более четверти века.

Начавшаяся в 1428 г. по внешне пустяковому поводу — из-за ссоры между звенигородским и галичским князем Юрием Дмитриевичем и матерью великого князя Софьей Витовтовной, эта война приобрела затяжной характер и вовлекла в конфликт не только различные социальные слои на Руси, но и вне ее. Великий князь московский Василий Васильевич не раз терпел жестокие поражения в этой войне. Он стал однажды жертвой заговора, устроенного удельными князьями и представителями светской и духовной знати (в том числе московскими гостями и троицкими монахами) в Троицком монастыре, был схвачен там, ослеплен и отправлен в ссылку. В другой раз Василий Васильевич попал в плен татарам Улу-Мухаммеда, проиграв сражение под Суздалем. В Москве не раз утверждались противники Василия Василь-

¹ См.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. М., 1900, стр. 358.

евича. Против великого князя действовали одно время и высшие церковные иерархи во главе с рязанским епископом Ионой.

И тем не менее победа осталась за Василием Васильевичем, далеко не блиставшим ни полководческими, ни дипломатическими талантами. В результате феодальной войны была на время даже совсем ликвидирована удельная система в Московском великом княжестве. По воле великого князя были порваны отношения русской церкви с Константинополем после того, как патриарх заключил унию с католической церковью. Московского митрополита Исидора, согласившегося на унию, Василий Васильевич сместил и арестовал под безупречным флагом заботы о «чистоте православия». Тем самым русская церковь оставалась «один на один» с крепнувшей великокняжеской властью. Позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Москве во время феодальной войны пришлось занять и тверскому князю.

Исход феодальной войны свидетельствовал о том, что к середине XV столетия силы, стремившиеся к государственному объединению, значительно превосходили его противников. Московский великий князь выглядел тем самым представителем «порядка в беспорядке», который привлекал самые различные общественные слои, заинтересованные в ликвидации княжеских усобиц и обеспечении безопасности страны от нападений внешних врагов. Дело подходило к решающей стадии объединительного процесса.

Л Е К Ц И Я 4

ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI в.

К концу XV столетия созрели социально-экономические и политические предпосылки объединения русских земель в одном государстве. Они воплотились в укреплении великокняжеской власти, приобретшей достаточно прочную материальную опору в результате развития феодального землевладения и хозяйства, а также городов. Обострение классовых противоречий толкало феодальный класс в целом к усилению государственной машины, а народные массы рассчитывали найти в великокняжеской власти защиту от произвола и притеснений со стороны местных феодалов. Потребность в обороне от внешних врагов подгоняла процесс возвышения великокняжеской власти, выступавшей организатором защиты Русской земли. При этом необходимо постоянно иметь в виду, что вне зависимости от тех надежд, которые возлагали на великокняжескую власть разные слои деревенского и городского населения, эта власть имела ярко выраженный классовый характер и была прежде всего властью феодалов; что развитие феодальных отношений создавало условия для возвышения великокняжеской власти, но не могло еще привести к преодолению фактической раздробленности русских земель; что, наконец, защищая интересы класса феодалов в целом, великокняжеская власть находилась в состоянии глубокого противоречия с отдельными группировками этого класса — как светских, так и среди

духовных феодалов, что отнюдь не изменяет социальной природы этой власти как феодальной монархии.

Поэтому процесс формирования и развития единого Российского государства протекал в условиях острых противоречий — как классовых, так и внутриклассовых.

Объединение русских земель в одном государстве произошло примерно в течение 50 лет — во время великого княжения Ивана III Васильевича (1462—1505) и первых лет княжения его преемника Василия III Ивановича (1505—1533). Еще в конце XIV в. прекратило самостоятельное существование Нижегородское княжество. В 60—70 годах XV в. под власть Москвы перешли княжества Ярославское и Ростовское — не без прямого насилия со стороны Москвы. Но самой сложной задачей была ликвидация сильной и самостоятельной Новгородской феодальной республики.

Внутри этой республики протекали сложные процессы, приведшие к острым противоречиям и большому политическому напряжению. С одной стороны, происходило активное освоение подвластных Новгороду обширных северных территорий, куда устремлялся поток крестьянской колонизации. Здесь развивались не только звероловство и рыболовство, но также солеварение и земледелие. С другой стороны, в Новгороде и прилегающих к нему центральных районах Новгородской земли развивалось ремесленное производство и земледелие. И увеличение продукции промыслового хозяйства, и подъем ремесленного производства привели к тому, что в Новгородской земле раньше, чем в других частях Руси, сложились денежные отношения, возникли мелкие местные рынки при сохранении, разумеется, общей натуральной основы феодального хозяйства. В свою очередь, феодалы стремились извлечь из крестьянского хозяйства возможно больше не только продуктов, но и денег, что привело к обострению классовых противоречий в деревне¹. Экономическое развитие самого Новгорода влекло за собой усиление имущественной дифференциации горожан и обострение противоречий между городской знатью и массой ремесленно-торгового населения.

На протяжении всей истории Новгородской республики существовали довольно острые противоречия и внутри господствующего класса. Новгородское боярство было расколото на враждующие группировки, борьба между которыми принимала порой довольно острые формы и вовлекала народные массы. В 10-х годах XV в. феодалы произвели реформу посадничьего управления, в результате которой вся власть фактически перешла к боярам, а управление города по «концам» (кончанские веча) потеряло былое значение. «В XV в. боярское государство практически ликви-

¹ См.: В. Н. Бернацкий. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961.

дирует вечевой строй и фиксирует свою обособленность от веча в Судной грамоте. Вече превращается в пережиток, поскольку оно не смогло стать орудием защиты народных интересов. Эта вполне определившаяся противоположность государства эксплуататоров классу эксплуатируемых закономерно вела к тому, что на новом этапе борьбы Новгорода с Москвой черный люд отказывает боярству в своей поддержке». Эти важные выводы новейшего исследователя политического строя Новгородской республики помогают правильно понять причины ее падения в XV в., тогда как, по словам того же автора, «еще в XIV веке черному люду было что защищать в новгородских республиканских порядках»¹.

Именно внутренние процессы развития Новгородской республики предопределили конец ее независимости. Захватившая всю власть в Новгороде боярская олигархия искала путей, чтобы сохранить эту власть неразделенной и поэтому упорно сопротивлялась натиску со стороны Москвы. Союз с Москвой в XIV в. был выгоден Новгороду потому, что он защищал его от посягательств Твери. Но уже в Куликовской битве Новгород не участвовал, а во время феодальной войны второй четверти XV в. держался дружественного по отношению к противникам великого князя нейтралитета. В 70-х годах часть новгородской знати во главе с Борецкими взяла курс на переход Новгорода под защиту великого князя литовского, только бы не отдавать своей власти великому князю московскому. Народные массы Новгорода, напротив, стремились избавиться от засилья «своих» бояр и поэтому тяготели к Москве.

Попытки новгородской знати войти в союз с Литвой дали московскому князю основание и вместе с тем породили необходимость принятия решительных мер к подчинению Новгорода своей власти. Предпринятый Иваном III в 1471 г. поход против Новгорода принял характер общерусского ополчения против «изменников христианству», отступников к «латинству», как интерпретировали этот поход московские летописцы. В решающем сражении на реке Шелони сказалось сложное внутреннее положение Новгорода — масса горожан сражалась неохотно, а полк новгородского архиепископа вообще простоял весь бой на месте. Глава новгородской церкви был, разумеется, сторонником сохранения независимости Новгорода, но в то же время весьма побаивался сильного московского князя и надеялся покончить дело каким-либо приемлемым компромиссом. Архиепископ повел переговоры с великим князем, одарив его множеством драгоценностей. Но Иван III, хотя и сохранил еще на некоторое время формальную самостоятельность Новгорода, расправился со многими представителями новгородской знати, отобрав у них земли и отправив в центральные районы страны. Все это производило немалое впе-

¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 341.

чатление на народ, видевший, что великий князь действительно наказывает тех самых бояр, от которых новгородцы так много страдали. Авторитет великокняжеской власти возрастал. Но на смену боярам приходили московские помещики, которые очень скоро еще более ухудшили положение крестьян, заменяя денежные оброки тяжелой барщиной¹. У крестьян постепенно складывалось характерное для средневековья представление о «добром царе» и «злых господах». Свойственные крестьянству царистские иллюзии были немаловажной причиной устойчивости формировавшегося на рубеже XV—XVI столетий самодержавного строя.

После событий 1471 г. обстановка в Новгороде еще более обострилась, чем вскоре воспользовался московский великий князь. В 1478 г. Новгородская республика была ликвидирована, вечевого колокол снят и увезен в Москву. Однако подчинение Новгорода Москве произошло на определенных условиях. Сила новгородских феодалов была настолько значительна, что московскому князю пришлось пойти на некоторые уступки. Иван III обещал не производить больше «вывода» в другие земли, не вмешиваться в дела о земельных вотчинах, сохранить местные судебные обычаи, не привлекать новгородцев к несению военной службы в «Низовской земле». Даже во внешних сношениях был сохранен какой-то элемент Новгородского государства — сношения со Швецией велись только через новгородских наместников. Новгородская земля входила, таким образом, в Российское государство с «живыми следами прежней автономии».

При всем этом овладение Новгородом с его обширными владениями было решающим успехом московской великокняжеской власти в объединительном процессе, тем более что многие из данных Новгороду гарантий были вскоре нарушены.

Почти одновременно произошло и другое крупнейшее событие в процессе образования единого Российского государства. Им стало свержение монголо-татарского ига в 1480 г., неразрывно связанное с успехом в борьбе Ивана III против поднявших мятеж удельных князей. Властитель одного из остатков распавшейся Золотой Орды Ахмед-хан (он владел так называемой Большой Ордой) вторгся на Русскую землю, пытаясь заставить московского великого князя снова платить дань (Иван III уже за несколько лет до этого прекратил выплату денег). Положение осложнялось союзом Ахмед-хана с польско-литовским государем Казимиром IV. Иван III проявил незаурядное политическое мастерство, когда, по выражению К. Маркса, «побил одних татар при помощи других». Московский великий князь заключил союз с противником Ахмед-хана крымским ханом Менгли-Гиреем, который ударил по украинским владениям Казимира IV и тем са-

¹ См.: Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 130.

мым не дал ему выступить на помощь Ахмед-хану. Одновременно Ивану III удалось ликвидировать опасный мятеж удельных князей.

Попытка Ахмед-хана форсировать р. Угру оказалась неудачной. Не дождавшись помощи от Казимира и опасаясь надвигающейся зимы, Ахмед-хан увел свое войско обратно. «Стояние на Угре» кончилось освобождением Русской земли от монголо-татарского ига. Оно было подготовлено всем ходом истории, героической борьбой против завоевателей и успехами объединительного процесса. Свергнув монголо-татарское иго Москва еще более активно продолжала объединение русских земель.

Теперь Тверь была окружена московскими владениями, и после недолгого (двухдневного) сопротивления в 1485 г. сдалась московскому войску. Вятская земля, важная в промысловом отношении в 1489 г., окончательно была присоединена к Московскому княжеству. С вхождением северных владений Новгорода и Вятской земли в состав Московского великого княжества образующееся Российское государство стало приобретать многонациональный характер, так как в него вошли нерусские народы Севера и Северо-Востока. Впрочем, это не было чем-то новым в государственном развитии русских земель, потому что с давних времен вместе с русскими входили в состав русских княжеств многие народы нерусского происхождения, жившие в междуречье Оки и Волги.

Росла территория Московского великого княжества и на западе. Многие русские князья, владения которых входили в состав великого княжества Литовского, стали переходить на сторону быстро усиливавшегося и становившегося мощным притягательным центром для русского населения Литвы Московского княжества. В результате так называемые Северские земли — между реками Сожем и Десной — вошли на рубеже XVI в. в состав Московского государства. Пришлось, однако, вступить в военный конфликт с Литвой, чтобы закрепить эти земли. Одновременно военные действия происходили на северо-западных рубежах против Ливонии. В итоге войны в самом начале XVI в. была поставлена русская пограничная крепость Иван-город. Война с Ливонией свидетельствовала о том, что уже в конце XV в., в самом начале существования объединенного Российского государства, определилось одно из важнейших направлений его внешней политики — борьба за выход на Балтийское побережье, необходимое для экономического развития страны и обеспечения ее независимости. Однако развитие Российского государства протекало в таких сложных условиях, что только через два столетия удалось решить эту задачу¹.

¹ См.: К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952

В 1510 г. прекратила существование Псковская республика, бывшая самостоятельной после отделения от Новгорода в 1348 г. Как и в Новгороде, вопрос о присоединении к Москве вызвал острые внутренние споры, которые были лишь продолжением и развитием глубоких внутренних противоречий, охвативших Псковскую землю. Еще в 1483—1485 гг. в Пскове произошли крупные волнения смердов, и, как всюду, московская великокняжеская власть использовала обострение классовой борьбы, чтобы склонить на свою сторону массу псковского населения и ослабить позиции псковской знати¹. Автор одной из псковских летописей, по-видимому, отражавший настроения городской знати, видел причину падения независимости Пскова в том, что псковичи «не умеюшу своего дому строити, а градом наряжати», что погубило Псков «у вечьи кричание», в результате чего настала власть московских наместников, «а псковичи бедные не ведаша правды московские», «кривда начаша в них ходити». Апеллируя к фактам, свидетельствовавшим об установлении системы великокняжеской администрации с ее произволом и притеснениями, знать в Пскове, как и в других землях, пыталась обвинить сам народ в том, что установилась эта система. Недаром звучит в приведенных словах осуждение вечевых собраний — псковская знать, как и новгородская, в XV в. испытывала большое неудобство от веча.

В 1514 г. в результате третьей подряд войны с Литвой в состав Московского великого княжества вошел старинный русский город Смоленск, население которого сыграло немалую роль в переходе его под власть Москвы. Здесь объединительному процессу способствовали противоречия между русским населением и литовскими феодалами. И в этом случае Смоленску была дана жалованная грамота, сохранявшая местные обычаи и элементы самостоятельности в суде и администрации.

Наконец, в 1521 г. прекратило существование давно уже находившееся в фактическом подчинении Москвы Рязанское княжество. Объединение русских земель было в основном завершено. Территория, подвластная великому князю московскому, выросла в шесть раз (Иван III унаследовал в 1462 г. от своего предшественника примерно 430 тыс. км² земли, а Василий III оставил в 1533 г. уже 2800 тыс. км²). Образовалась огромная держава, превратившаяся в крупную силу в тогдашней Европе. С конца XV в. стал употребляться термин «Россия».

Объединение земель под властью московского великого князя было лишь одной стороной процесса формирования Российского государства. Другая не менее важная сторона этого процесса состояла в развитии самой феодальной государственной системы,

¹ См.: Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.

которая приобретала ряд новых форм. Правда, вряд ли можно усмотреть в конце XV или начале XVI в. крутой переворот в государственном устройстве — новые порядки единодержавия вырастали в общем из старинных, традиционных форм управления, существовавших в феодальных землях и княжествах. И тем не менее постепенно складывались весьма существенные черты государственного строя, которые не только связывали его с прошлым, но и принципиально отделяли от него.

Прежде всего необходимо отметить усиление власти самого великого князя и изменение его отношений с другими князьями. Великий князь становился уже не просто старшим или первым среди равных князей, а государем, намного превосходившим своей властью остальных русских князей. Княжение Ивана III прошло в упорной борьбе с мятежами, которые поднимали его братья — удельные князья, недовольные своим устранением от государственных дел и сосредоточением в руках великого князя огромных владений.

По-новому стали складываться отношения великого князя с боярством, хотя оно не только еще не было удалено от решения государственных дел, но, наоборот, оставалось ближайшей опорой великого князя. Прежде всего, изменился самый состав знати, в которую влились князья и бояре недавно еще бывших самостоятельными земель и княжеств. Складывалась система внутренней иерархии в среде боярства, вылившаяся в так называемое местничество — порядок замещения должностей в соответствии со знатностью происхождения. Это последнее, в свою очередь, определялось давностью службы и близостью того или иного рода к великому князю.

При великом князе постоянно действовал феодальный совет, известный под названием Боярской думы. Управление на местах поручалось также боярам, которые за выполнение судебно-административных функций собирали с подвластного ему населения «корм», откуда и произошло наименование «кормлений». Эта форма управления на местах была чисто феодальной и на практике означала бесконтрольность и произвол со стороны бояр-кормленщиков. Формально служащий великому князю наместник фактически чувствовал себя владельцем порученной ему территории. Феодальная автономия земель вновь возникала и под покровом объединенного государства. Иначе и быть не могло при том характере общественно-экономического строя, который господствовал тогда на Руси.

Чтобы установить единый порядок судебно-административной деятельности на всей территории обширного государства, в 1497 г. был составлен Судебник, установивший общие правовые нормы. Судебник был направлен прежде всего на защиту собственности и жизни феодалов. Характерно, что одна из статей Судебника (ст. 57) устанавливала в качестве общегосударственного

закона правило, согласно которому крестьяне могли уходить от своих владельцев только один раз в году — на Юрьев день. Эта норма, основанная на обычном праве, была введена в Московском великом княжестве еще в середине века¹. Объединительный процесс и закрепощение крестьян были, как отмечено, тесно связаны между собой.

Однако Судебник, несмотря на установленные им наказания за взяточничество, пристрастное рассмотрение дел и другие преступления, не мог предотвратить той фактической самостоятельности местных правителей-наместников, которая была неизбежным следствием господства феодального строя. Великокняжеская власть пыталась феодальными же методами добиться большей централизации всей системы управления. С этой целью из ведения крупных феодалов изымались особо важные дела, производилось ограничение судебного иммунитета. Но такая политика не могла быть осуществлена по отношению ко всем феодалам до конца, потому что великокняжеской власти приходилось считаться с силой крупных феодалов, лавировать между их группировками, привлекать на свою сторону тех или других, а это достигалось сохранением и расширением иммунитетных привилегий.

Другим, более надежным путем было распространение по всей стране дворянского, помещичьего землевладения. Зависимые от великокняжеской власти дворяне-землевладельцы могли составить ее надежную социальную опору, они были ее военной силой, а сама система поместного землевладения создавала возможность установления единых административно-судебных порядков на всей территории страны. Заметим, что в некоторых странах Востока государственная поместная система действительно сыграла решающую роль в установлении и сохранении государственного единства и была основой могущественной центральной власти.

Но для развития поместной системы и роста дворянства нужны были населенные крестьянами и обрабатываемые ими земли, между тем, как отмечено, на протяжении XIV—XV столетий основные земельные фонды оказались сосредоточенными в вотчинах крупных светских и духовных феодалов. Великий князь не мог пойти и на полную раздачу принадлежавших государству земель, хотя за счет этих так называемых черных земель была наделена землей часть дворянства. В этих условиях с особой остротой встал в конце XV в. вопрос о землевладении крупных феодалов. Во время присоединения Новгорода, Твери, Вятки, Пскова и других земель великий князь осуществлял «вывод» местного боярства в центральные районы страны, а конфискованные в пользу государства земли раздавал своим служилым людям —

¹ См.: А. Д. Горский. Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г.». Вильнюс, 1965.

дворянам. Тем самым подрывалась материальная сила соперничавшего с великим князем местного боярства и усиливалась социальная опора великокняжеской власти.

Однако полного решения проблемы это не давало, потому что далеко не у всех бояр можно было конфисковать земли — значительная часть боярства служила великому князю, а кроме того, приходилось изыскивать земли и для новых вотчин «выведенных» бояр в центре и на окраинах страны. Между тем огромные земельные владения находились в руках церкви. Если прибавить к этому, что между церковью и светской властью существовали отношения не только союза, но и соперничества, и что великокняжеская власть была заинтересована в лишении церкви самостоятельной силы и подчинении ее полностью интересам государства, то понятно, почему в целом проблема положения церкви в государстве заняла такое большое место в общественной жизни конца XV в. Об этом убедительно свидетельствует общественная мысль того времени, представленная рядом крупных публицистических произведений.

Положение церкви к концу XV столетия оказалось довольно сложным. После того как в 1453 г. Константинополь пал под ударами султанской Турции, русская церковь окончательно стала самостоятельной силой и перестала быть частью международной церковной организации. В урегулировании ее отношений со светской властью извне никто уже не мог помочь. В то же время великокняжеская власть значительно окрепла и представляла собой теперь большую силу.

С другой стороны, внутри страны авторитет церкви также был поколеблен. Обострение социальных противоречий, неизбежно происходившее в ходе развития феодальных общественно-экономических отношений, принимало самые разнообразные формы. Крестьяне активно сопротивлялись наступлению феодалов на их земли и труд, а так как церковные феодалы были едва ли не самыми активными захватчиками крестьянских земель, то народный гнев нередко и в самых открытых формах направлялся против монастырей. Известны случаи убийства монахов крестьянами и многие другие проявления народного сопротивления¹. Кроме того, в наиболее развитых русских городах XIV—XV вв. — Новгороде, Пскове, Твери, позднее в Москве — появились так называемые еретики, деятельность которых была особенно опасна для церкви. Еретические течения и движения представляют собой своеобразную форму социального протеста в религиозной оболочке и свойственны всему европейскому средневековью. Напомним известные слова Ф. Энгельса о том, что церковь в средние века занимала положение «наиболее общего синтеза и наи-

¹ См.: И. У. Будовниц. Монастыри на Руси в XIV—XVI вв. и борьба с ними крестьян. М., 1966.

более общей санкции существующего феодального строя», то «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь... должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси», потому что, «для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»¹.

Социальной базой еретических движений было развитие бюргерства, и не случайно то, что ереси на Руси появились именно в наиболее развитых городах. Отсталость русских городов сузила масштабы еретических движений и в конечном счете предопредила их неуспех. Еретики были смелыми вольнодумцами своего времени. Они усомнились в достоверности рассказов «священного писания» и подвергли его рационалистической критике. Самые крайние из еретиков доходили до отрицания одного из краеугольных догматов христианства — о загробной жизни. Еретики особенно резко выступали против церкви как учреждения, против церковного землевладения, существования особых церковнослужителей (они настаивали на том, что каждый человек без посредства священников должен «общаться» с богом). Смелая проповедь еретиков серьезно тревожила духовенство, и оно старалось всеми мерами подавить еретические выступления².

Вопрос о церкви и церковных богатствах стал предметом широкого обсуждения по свидетельству современника. В конце XV в. всюду, даже на дорогах и торжищах, люди рассуждали и спорили по этим вопросам. В этой обстановке церковники стали искать путей для укрепления авторитета церкви и ее общественного положения. Один из этих путей проповедовался основателем далекого северного монастыря на р. Сорке Нилом. Нил Сорский считал, что авторитет церкви надо поднять прежде всего путем решительного искоренения безнравственного поведения самих церковников. Он настаивал на необходимости строгого исполнения правил и обрядов, ведения аскетического образа жизни, отказа от мирских удовольствий. В этой связи Нил Сорский осуждал стяжение церковью богатств. Сторонники Нила получили наименование «нестяжателей».

Была и другая группа церковных деятелей, которая, наоборот, настаивала на необходимости для церкви иметь большие материальные средства, чтобы успешно выполнять функции проводника христианского учения. Во главе этой группы стоял игумен подмосковного Волоцкого монастыря Иосиф, сторонники которого назывались «осифлянами». Осифляне были воинствующими церковниками. Они требовали беспощадной расправы со всеми

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 361.

² См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—XV вв. М.—Л., 1955; А. И. Клибанов. Реформационные движения на Руси. М., 1960.

инакомыслящими, невмешательства светской власти в дела церкви, добивались сильной, богатой, независимой церкви, занимающей господствующее положение в духовной жизни страны.

Между нестяжателями и осифлянами развернулась борьба, продолжавшаяся почти до середины XVI в. В свою очередь, конфликт между нестяжателями и осифлянами и взаимная критика ими друг друга подрывали авторитет церкви, и еще более привлекали внимание к вопросу о ее положении в государстве¹.

Заинтересованная в приобретении земельных фондов и ослаблении церкви великокняжеская власть, естественно, склонна была поддержать нестяжателей и шла даже еще дальше — поддерживала еретиков. Между Иваном III и митрополитом Геронтием в конце XV в. возник довольно острый конфликт. После Геронтия на митрополии одно время оказался сторонник еретиков Зосима. В то же время Иосиф Волоцкий решительно поддерживал удельных князей в их борьбе против великокняжеской власти. Всеми средствами церковники старались добиться от великого князя защиты интересов церкви. Даже в имевших официальный характер московских летописях мы встречаем открытые выпады против великого князя и настойчиво проводимую мысль о недопустимости вмешательства светской власти в церковные дела, как это было, например, при Митяе.

В 1503 г. собрался церковный собор, на котором по инициативе Ивана III был поставлен вопрос об отказе церкви от землевладения. Однако воинствующие церковники оказали упорное сопротивление. Нестяжатели потерпели поражение. Следом усилились расправы над еретиками. Новгородский архиепископ Геннадий прямо ссыался на опыт католической испанской инквизиции в борьбе с еретиками. На льду Москвы-реки пылали страшные костры, на которых еретиков сжигали живыми.

Соотношение социальных сил в стране продиктовало великокняжеской власти неизбежность компромисса с церковью и по крайней мере временного отказа от попытки ее подчинения. Сильная церковь в качестве союзника была гораздо предпочтительнее церкви-соперника в условиях значительного сопротивления со стороны крупных светских феодалов. Ориентация на «нестяжателей» тем более оказалась ошибочной, что их идеи были использованы княжеско-боярской знатью. Последняя видела в «нестяжателях» средство уберечь свои земли от конфискации, направив поиски земельных фондов для великокняжеской власти в сторону церковного, а не светского землевладения. Между тем великокняжеской власти было особенно важно подорвать силы княжеско-боярской оппозиции, активно сопротивлявшейся укреплению единодержавия. В то же время «нестяжатели» действовали в на-

¹ См.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI вв. М.—Л., 1960.

правлении укрепления церкви, ее внутренней организации, а великокняжеская власть была намерена подчинить духовенство светскому суду. В итоге обнаружились большие разногласия между великим князем Василием III и митрополитом «нестяжателем» Варлаамом. Василий пошел навстречу «осифлянам» с их теорией сильной государственной власти, имеющей божественное происхождение. Пошли навстречу и церковники, которым поддержка централизованной светской власти сулила большие выгоды, нежели опора на терявших силу удельных князей.

После 1508 г. глава воинствующих церковников Иосиф Волоцкий перешел на позиции поддержки великого князя Василия III. Теперь великокняжеская власть повернула от поддержки «нестяжателей» к политике предоставления церкви широких имущественных привилегий¹. Тем самым был надолго сохранен едва ли не самый крупный пережиток феодальной раздробленности в едином государстве — самостоятельная в экономическом отношении богатейшая церковная организация со своей системой администрации, суда и управления. Конечно, большая сила идеологического воздействия, которой располагала тогда церковь, оказала немалую помощь укреплению власти великих князей. Но следует иметь в виду, что церковь, помогая великокняжеской власти, защищала и свои собственные интересы, которые не всегда и не во всем совпадали с интересами великокняжеской власти.

Так, проповедуя тезис о «божественном происхождении» великокняжеской (а затем царской) власти, церковь подчеркивала особую ответственность светской власти за сохранение и укрепление положения церкви. Свое содержание вкладывала в этот тезис великокняжеская власть, подчеркивая полную свою независимость от каких бы то ни было «земных» сил. Аналогичным было значение сформулированной монахом Филофеем в посланиях Василию III идеи о Москве как «третьем Риме» (первый Рим — центр раннего христианства — пал вследствие возврата к язычеству; второй — Византия отошел от истинного христианства через унию с католической церковью, за что и был взят вскоре турками; третий Рим — Москва, отказавшаяся от унии и свято хранящая чистоту веры; четвертому же Риму не бывать). Эта идея выдвигала Москву как международный центр христианства и упорочивала ее положение в православных странах. Но эта же самая идея проповедовала отказ от сношений с «латинским», «неверным» Западом как раз в ту пору, когда молодое Российское государство входило в систему европейских государств и когда вставала задача преодолеть утвердившуюся за столетия монголо-татарского ига отсталость. Утверждая принцип незыблемой верности старине как основы сохранения ведущего положения

¹ См.: С. М. К а ш т а н о в. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967, стр. 258.

Москвы в христианском мире, концепция «Москва — третий Рим» проповедовала застойность общественной жизни, консервацию старых порядков, что противоречило потребностям создания и развития единого государства. Союз церкви и государства, установившийся в начале XVI в., был внутренне противоречив. Многие консервативные черты политики и идеологии средневекового Русского государства были связаны в немалой степени с тем, что в нем сохранила свое господствующее положение в духовной жизни страны церковь, располагавшая громадными средствами влияния.

Возникшее в конце XV — начале XVI в. единое Российское государство во главе с Москвой основывалось, таким образом, на феодальных общественно-экономических отношениях. Оно было государством феодалов, светских и духовных, государством, развитие которого опиралось прежде всего на рост крепостничества в деревне и городе, на эксплуатацию масс населения крепостническими средствами. Крупной силой в этом государстве была церковь с ее консервативной идеологией. Светские и духовные феодалы имели большую самостоятельность, покоившуюся на их землевладении и хозяйстве, в то время как дворянство и горожане были пока относительно слабо развиты. Процесс образования экономического единства страны был еще делом будущего. Чисто феодальными методами великокняжеская власть добивалась единства системы управления в стране. Перевес материальных сил великого князя и союзной с ним церкви по сравнению с другими феодалами давал возможность великокняжеской власти справляться с сильными сепаратистскими устремлениями крупных феодалов.

При всем этом возникновение единого Российского государства имело крупное историческое значение. Уже сама по себе ликвидация политических перегородок на территории страны и прекращение феодальных войн создавали более благоприятные условия для развития народного хозяйства. Единая страна имела гораздо большие возможности для отпора внешним врагам, борьба с которыми отнюдь не завершилась свержением монголо-татарского ига и победами над Литвой и Ливонией. Оставались еще могущественные остатки бывшей Золотой Орды на юге и востоке — ханства Крымское, Астраханское, Казанское, Ногайская Орда; сложными были отношения с западными соседями. Украина и Белоруссия находились под властью Литвы, Россия не имела выхода к морскому побережью, который в средние века был особенно важен для развития страны. С образованием единого государства отчетливее определились основные направления и цели внешней политики России, направленной к обеспечению ее безопасности и прямым путям связи со странами Запада. Вопросы внешней политики постоянно занимали видное место в деятельности правителей средневековой России, однако внутренняя не-

развитость страны тормозила их разрешение. Только в условиях единого государства это разрешение стало возможным, хотя оно и затянулось надолго.

Уже к концу XV — в начале XVI в. международное положение России отличалось от того, какое занимали недавно еще Московское и другие княжества, фактически отрезанные от большинства европейских стран. По словам К. Маркса, «изумленная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвиты»¹. Некоторые европейские политики попытались воспользоваться образованием Российского государства, чтобы направить его силы на борьбу против Турции. В Москве появился, например, сначала под видом странствующего рыцаря, а потом и официально представитель Германской империи Николай Поппель, который хотел добиться вовлечения России в сферу имперской политики. Предложив Ивану III королевскую корону, которую московский великий князь должен был принять из рук германского императора, Поппель тем самым пытался поставить Москву в зависимость от империи. Иван III не принял этого предложения. В установлении связей с Россией были заинтересованы и другие державы — Венгрия в целях облегчения борьбы с Турцией и Польшей, Дания в целях ослабления Швеции и др.

Московское правительство также нуждалось в установлении и расширении своих международных связей, но оно менее всего шло на подчинение своей внешней политики интересам других держав. У России были весьма сложные задачи в области международных отношений, и отвлечение ее сил, например, на борьбу с Турцией могло лишь помешать осуществлению первоочередных задач внешней политики единого государства. Московская дипломатия была заинтересована, наоборот, в том, чтобы по меньшей мере нейтрализовать Турцию в борьбе России против остатков Золотой Орды, использовать противоречия между Крымом, ставшим в 1475 г. вассалом Турции, и Казанью, представлявшей собой большую опасность для центральных территорий России. В 1487 г. был совершен военный поход на Казань, в результате которого Казанское ханство на некоторое время стало в вассальную зависимость от Москвы. С Венгрией и Молдавией устанавливались тесные связи в целях совместной борьбы против Литвы и Польши, необходимой для завершения объединения русских земель и открытия путей связи с Западом.

Немаловажное значение для укрепления как международного, так и внутреннего положения великокняжеской власти имела

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по кн.: «История СССР», т. I. М., 1947, стр. 289.

вызвавшая недовольство некоторой части светской и духовной знати женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Вопреки обычаю московский великий князь отказался теперь вступать в родственные отношения с кем-либо из князей (первая жена Ивана III была дочерью тверского князя) и тем самым подчеркнул свою независимость от них. Брак с Софьей Палеолог придавал московскому государю большой авторитет среди европейских монархов, для которых по многовековой традиции считалось честью породниться с «порфирородными» византийскими правителями. С приездом Софьи московский великокняжеский двор стал приобретать невиданную ранее пышность и великолепие, а великий князь даже внешне резко отдалился от знати, что вызвало ее большое неудовольствие. На страницах летописи можно встретить резко враждебные выпады против Софьи, отражавшие настроения бояр и духовенства, недовольных сближением с «латинскими» странами (Софья приехала из Италии) и усилением власти великого князя.

Однако без «латинских» стран Российскому государству развиваться было невозможно. После двухсот пятидесяти лет тяжелого монголо-татарского ига страна остро нуждалась в разного рода мастерах и ученых — нужны были пушечные мастера, рудознаты, врачи, архитекторы. Даже перестройка Московского Кремля не могла обойтись без иноземных мастеров.

Но до уровня с передовыми европейскими странами было еще далеко. Страна сильно отстала за время монголо-татарского ига. И если мог быть возведен торжественный и великолепный ансамбль Московского Кремля, то городская жизнь в стране была развита еще слабо. Еще предстояло затратить огромные усилия на борьбу с внешними врагами, и случалось не раз, что вплоть до кремлевских стен докатывались волны опустошительных вражеских нашествий. В очень сложной и внешней и внутренней обстановке начинало свое развитие объединенное Российское государство, противоречива была его основа, и множеством острых конфликтов внутри и вне страны отмечена средневековая история России.

Л Е К Ц И И 5 И 6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVI в.

На протяжении XVI столетия, уже после того как присоединением Рязанской земли завершилось объединение русских княжеств, продолжался рост территории, подвластной Российскому государству. В ходе успешной борьбы с остатками Золотой Орды границы России перемещались все дальше на восток, юго-восток и юг. Если Иван IV унаследовал в 1533 г. от своего отца власть над территорией в 2800 тыс. км², то к концу столетия в границах России находилось уже 5400 тыс. км². В состав России вошли многие народы Поволжья, Урала, Западной Сибири, еще более усилился многонациональный характер страны.

Но если территория государства увеличилась почти вдвое, то население росло значительно медленнее. Всего 6 млн. человек составляли население Российского государства в середине XVI столетия; лишь на 2 млн. увеличилась эта цифра к концу столетия. Небольшое в абсолютных цифрах население распределялось очень неравномерно. Сравнительно густо были заселены центральные уезды, земли по берегам Волги от Твери до Нижнего Новгорода, южные новгородские пятины и Новгородская земля. В Новгородско-Псковской земле была самая высокая плотность населения в России середины XVI в. — около одного человека на квадратный километр (в странах Западной Европы того же времени плотность населения составляла от 10 до 30 жителей на

квадратный километр). Окраины России были заселены совсем редко. На громадном пространстве от Перми до Иртыша насчитывалось не более 10 тыс. жителей. Сотни верст можно было проплыть по многоводным уральским и сибирским рекам, не встречая жилья.

Неравномерно распределялось население также между различными видами поселений и внутри их. Едва ли 2% населения жило в городах, между которыми, в свою очередь, существовали резкие контрасты. Всего в России считалось в начале XVI столетия 96 городов, в конце века — 170. В Москве жило около 100 тыс. человек, следующие по величине города — Новгород и Псков отставали значительно — в них было примерно по 30 тыс. жителей, а за ними следовал опять большой разрыв — в Можайске 8 тыс. человек, в Серпухове и Коломне примерно по 3 тыс. Из 170 городов в конце столетия только в 16 насчитывалось более 500 посадских дворов, остальные города представляли собой небольшие крепости с малочисленными гарнизонами.

Если в первой половине столетия наблюдался более или менее равномерный прирост населения в центральных районах страны, то во второй половине века картина стала существенно меняться. Резкое ухудшение положения народных масс вследствие тягот Ливонской войны, мирового поветрия, вторжений крымских татар, опричнины, роста крепостничества и наличие большого количества свободных земель на окраинах страны привели к перемещению довольно значительных масс населения из центра на окраины. Произошло очевидное запустение центральных и северо-западных районов страны, о чем единодушно свидетельствуют и русские и иностранные источники. В 60—70-х годах произошло подлинное запустение многих территорий. При этом отлив населения происходил не только из деревень, но и из городов. Один из наиболее сильных переселенческих потоков устремился на плодородный юг, где стало складываться донское казачество, а также на Северную Украину, где еще не распространились крепостнические отношения.

Неравномерное распределение населения на территории страны, общая слабая ее заселенность, отлив во второй половине века людей из наиболее развитых районов — все это серьезно тормозило процессы социально-экономического развития средневековой России. Если в странах Западной Европы перемещение населения приобрело устойчивое направление из деревень в города, что способствовало имевшему столь важное значение для социально-экономического и культурного развития росту городов, то в России население двигалось также из центра на окраины и нередко — из города в деревню. Передвижка населения рассасывала социальные конфликты, ослабляла города, открывала новые возможности для развития феодального землевладения и хозяйства на вновь осваиваемых землях и тем самым создавала

новые перспективы упрочения и распространения феодального способа производства. Существует, правда, мнение, согласно которому формирование вольного казачества порождало условия для зарождения капиталистических форм эксплуатации¹ — поскольку речь шла в этом случае о лично свободных людях.

Несомненно, казачество переживало процесс глубокой социальной дифференциации, только судя по всем данным этот процесс, как и в черносошных деревнях севера, шел в направлении складывания опять-таки феодально-крепостнических форм зависимости, а не капиталистических.

При изучении социально-экономического развития России в XVI столетии обязательно следует иметь в виду неравномерность размещения населения и его передвижения на территории огромной страны.

Социально-экономическое развитие средневековой России вообще должно изучаться конкретно по землям, на которые страна тогда фактически еще распадалась, что было отмечено В. И. Лениным в его известной характеристике «московского царства». Последний крупный труд академика М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» убедительно показал плодотворность именно такого «поземельного» изучения средневековой России с ее весьма значительным разнообразием природно-географических условий и местных традиций, вытекавших из особенностей исторического развития различных земель и княжеств.

Далеко неодинаковым было, например, состояние сельского хозяйства в разных районах страны. Центральные районы страны, так называемый Замосковский край (территория исторического центра Северо-Восточной Руси — Владимирского, Суздальского, Ростовского, Переяславльского княжеств), Рязанская земля были областями высокоразвитого пашенного земледелия с устойчивой трехпольной системой, а также продуктового скотоводства. Начиналось освоение неоднородного чернозема на южных рубежах. Пахали землю также на западе и на северо-западе страны — в Новгородско-Псковской и Смоленской землях, но здесь уровень агротехники был ниже, урожайность меньше, а среди возделываемых культур больше места занимали лен и конопля. В Поволжских землях — от Углича до Кинешмы — большое значение имело скотоводство, зато земледелие было развито значительно меньше. Если в центре страны охота и звероловство отошли в прошлое, то на севере и северо-востоке добыча пушного зверя, а также морской промысел, рыбная ловля, солеварение занимали преобладающее место в хозяйстве. В Тверской и Новгородской землях часть сельского населения переходила от маловыгодного в тех условиях земледелия к занятиям торгами и промыслами,

¹ См., например: В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество Киев, 1957, стр. 48; его же О начале «нисходящей» стадии феодальной формации. «Вопросы истории», 1959, № 9, стр. 127—129, 135.

появлялись непашенные поселения, торговые села, так называемые рядки. На базе болотных руд вырастали центры железнорудного производства — такие, как Устюжна Железопольская.

Различной была производительность труда в сельском хозяйстве, но это зависело уже не только от природно-климатических условий. Наиболее развитыми, как и всюду в Европе, были монастырские хозяйства, в которых использовались разные технические усовершенствования. Так, в Соловецком монастыре были устроены каменная мельница, соединены системой каналов 52 озера и использована для вращения мельничных колес разница уровней воды островных озер и моря. Здесь же были применены веяльные механизмы, действовавшие силой ветра. Эти и другие нововведения были произведены за время тридцатилетнего игуменства Федора Колычева. Мельницы были и в каждой деревне, но они были преимущественно ручные, с низкой производительностью труда. Основными орудиями обработки земли были сохи, в некоторых местах, как, например, во Владимирской земле с ее суглинистыми почвами, применялся плуг.

Еще более существенными были различия в формах земледелия, определявших собой характер общественно-экономических отношений. В центре и Замосковном крае земля находилась в основном в руках бояр, князей, церкви. В пограничных Новгородско-Псковской, Смоленской, Рязанской землях господствовало дворянское, поместное землевладение. На севере преобладали государственные дворцовые и «черносошные» земли, где практически земля принадлежала крестьянам. На юге и востоке во второй половине столетия формировалась казачья вольная община. У нерусских народов Приуралья и Западной Сибири господствовали еще дофеодальные формы общественных отношений.

Следовательно, степень развития феодально-крепостнической системы была неодинаковой в разных районах страны. По-разному осуществлялась и эксплуатация крестьянских масс. В центре превалировала барщина, в Новгородской земле ее удельный вес увеличивался, но все же главное место занимали оброки, крестьяне черносошных и дворцовых земель выполняли комплекс натуральных и денежных повинностей в пользу государства. В современной исторической литературе нет единого мнения по вопросу о том, являлись ли черносошные крестьяне феодально зависимым населением. Недостаток материала не дает возможности определенно решить эту проблему для XVI в. в целом (тем более для XV столетия), но нельзя не заметить ни того, что степень личной зависимости черносошных крестьян была вначале гораздо более мягкой, ни того, что к концу века система крепостнических отношений распространилась и на государственные земли.

При всей пестроте состояния хозяйства и производственных отношений в сельском хозяйстве страны XVI в. можно все-таки

определенно констатировать нарастающее воздействие крепостничества, усиление феодально-крепостнической системы в целом, вовлечение в нее новых масс трудящегося населения. Даже там, где не было ни помещичьего, ни боярского, ни иного феодального землевладения, — на окраинах страны, где скапливалась масса лично свободных людей, — процесс имущественной и социальной дифференциации захватывал и эту массу, а отношения, складывавшиеся между богатыми и бедными, все более приобретали характер личной зависимости. Следовательно, развитие повсюду шло по феодальному пути. Это стало особенно заметно позднее, когда в XVII и XVIII столетиях остро раскрылись социальные противоречия на окраинах и оттуда хлынули к центру страны мощные потоки всенародных крестьянских войн.

Господство феодально-крепостнического строя оказало прямое влияние на развитие ремесла, торговли, городов в России XVI в.

Сами по себе масштабы развития ремесленного производства были довольно значительными, особенно когда речь идет о таких крупных городах, как Москва, Новгород, Псков, Тверь, Устюжна Железопольская и др. Обработка металла, кожи, дерева, глины, производство продуктов питания были глубоко специализированы. В Новгороде только среди кожевников было 25 самостоятельных профессий, 8 специальностей было у скорняков, 22 — у мастеров кузнечного дела. Сохранивший в XVI в. значение передового центра ремесла Новгород был средоточием развивавшегося мелкотоварного производства¹. Но картина новгородского ремесла не может быть расценена как типичная для всех городов России. Даже в таком крупнейшем центре ремесла, как Москва, среди ремесленных мастеров было очень много феодально зависимых людей, живших на землях и во дворах монастырей, бояр, князей и других феодалов. Они работали прежде всего, если не исключительно, на своих владельцев. Другая же часть ремесленников не порывала в массе своей с сельским хозяйством или огородничеством и, таким образом, еще не стала полностью товаропроизводителем.

Не следует забывать и того, что многие крупные строительные работы производились не наемными мастерами-ремесленниками, а в порядке феодальной повинности окрестных крестьян, как это делалось издавна. Именно таким путем создавались многие крепостные сооружения в городах XVI в. Организация такого крупного для своего времени производства, как, скажем, Пушечный двор в Москве, была делом государственного предпринимательства и носила опять-таки феодальный характер. Масса дворцовых мастеров-ремесленников, наполнявших улицы Москвы, рабо-

¹ См.: А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 239.

тала не на рынок, а по заказу государева двора, потребности которого в связи с выполнением государственных функций были весьма обширными. Для оценки уровня экономического развития важно прежде всего не то, что произведено в то или иное время, а как произведено, какими методами. Поэтому ни большое количество тех или иных изделий (например, кирпича для постройки крепостных стен), ни техническая и художественная их ценность (например, произведения мастеров прикладного искусства — ювелиров, золотошвей, или «Царь-пушка» Андрея Чохова) сами по себе еще не дают ответа на вопрос об уровне экономического развития, который определяется прежде всего глубиной общественного разделения труда и степенью развития товарного производства.

Что большинство городских жителей не было в XVI в. товаро-производителями и что они еще тесно были связаны с сельским хозяйством и огородничеством, являвшимся тогда гораздо более надежным источником существования, свидетельствует и внешний вид русских городов, в которых много места занимали сады, луга и огороды. Иностранцев поражала дешевизна сельскохозяйственных продуктов на городских рынках, что явно указывало на весьма небольшой спрос на них.

Однако все это не означает, что товарного производства в ремесле XVI в. не существовало вообще. Оно было у городских хлебников, пирожников, сапожников, замочников, горшечников и многих других. На рынок работали и монастырские мастера, изготавливавшие мелкие предметы культа и другие вещи. Речь идет о том, что масштабы товарного производства в ремесле подавляющего большинства городов были еще незначительны, что товарное производство в XVI столетии, как и в более ранние времена, играло роль вспомогательного явления в экономике страны, дополняющего безраздельно господствующее натуральное хозяйство и далеко не колеблющее еще его устоев.

Это относится и к промысловому крестьянскому и монастырскому хозяйствам. Появление частично или полностью «непашенных» сел и рядков в Тверской, Новгородской и других землях, которое отмечается в XVI в. само по себе является фактом примечательным, но они не выходят за рамки феодального строя. Аргументация некоторых исследователей, в том числе и советских (Б. Д. Греков, например), полагающих, что вообще появление денежных отношений и товарного производства противоречит феодальному строю и является свидетельством начавшегося его разложения и генезиса капиталистических отношений, основана на неточном понимании природы товарно-денежных отношений вообще и при феодализме в особенности. Товарное производство — денежное обращение, купеческий и ростовщический капиталы — существует с отдаленнейших времен разложения первобытнообщинного строя. «Денежное и товарное обращение могут

опосредствовать сферы производства самой разнообразной организации, сферы, которые по своей внутренней структуре все еще направлены главным образом на производство потребительной стоимости»¹, — писал К. Маркс.

С этой позиции необходимо подходить и к оценке состояния и значения торговли в России XVI в. Ее масштабы значительно возросли по сравнению с предшествующим столетием. В работе С. В. Бахрушина² собран обширный материал, свидетельствующий о торговых связях внутри России того времени. Центрами местных («областных») рыночных связей становились Нижний Новгород и Москва, Холмогоры и Великий Новгород. Из центра в северные земли везли хлеб, а оттуда доставляли пушнину, рыбу, соль. Начинали расходиться по стране изделия ярославских кожевников и устюжских железных дел мастеров. Нетрудно заметить, что этот торговый обмен базировался прежде всего на естественно-географическом разделении труда. Далее было бы неверным (как это делал С. В. Бахрушин) видеть в торговле как бы автоматическое свидетельство уровня развития товарного производства. К. Маркс обращал внимание на то, что в ряде случаев при господстве способов производства, направленных «главным образом на производство потребительной стоимости» (к которым относится и феодальный строй), «продукт становится... товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю»³.

Как и в предшествующее время, наиболее крупной силой во внутренней торговле выступали феодалы. Северные монастыри закупали большие партии хлеба и сами торговали рыбой и солью. Крупным торговцем выступал сам великий князь. Это относилось не только к внутренней, то также и к внешней торговле. Внешнеторговые связи России расширились в XVI в. Едва ли не основным направлением внешней торговли было восточное, которое стало в благоприятные условия после ликвидации Казанского и Астраханского ханств и перехода всего волжского пути под власть России. С Востока везли китайские ткани, фарфор, драгоценности, на Восток шли меха, пенька, воск. Связи с Западом, осуществлявшиеся ранее сухопутными дорогами через Смоленск и Новгород, были особенно важны для развития экономики страны. После экспедиции англичан Уиллоби и Ченслера в 50-х

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 360.

² См.: «Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начале XVII в. К вопросу о предпосылках всероссийского рынка». В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I. М., 1952.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 360.

годах XVI в. был открыт морской путь в Англию через Белое море. На Запад отправлялись продукты русского промыслового хозяйства и лес. Покорявший моря английский флот был в немалой степени выстроен с помощью русского леса и пеньки. С Запада в Россию шли промышленные товары — сукна, оружие, металлы. Русское купечество было еще не в состоянии противостоять сильным английским торговым компаниям, покупавшим в царской казне привилегии на продажу товаров. В этом свидетельство сравнительной слабости русского купечества, хотя в области внешней торговли купцам принадлежала большая роль, нежели во внутренней. Когда русское купечество окрепло, оно сумело добиться передачи внутреннего рынка в свои руки, но это произошло лишь во второй половине следующего столетия. А в XVI в. торговля с иностранцами была в значительной степени монополией царской казны.

Из этого никак нельзя делать вывода, что самодержавие было «торговым капиталом в шапке Мономаха», как долго утверждал М. Н. Покровский. Далеко не всякая торговля и даже не всякий торговый капитал противоречат феодальному общественно-экономическому строю. Обратимся еще раз к анализу роли торговли в экономическом развитии, данному К. Марксом: «Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые... направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к нему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на месте старого,— это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства»¹. Даже в XIX в. русская торговля на Востоке, «в противоположность английской», оставляла «незатронутой экономическую основу азиатского производства», но это стало меняться «с тех пор, как Россия стала предпринимать крайне судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на соседний азиатский рынки»².

Из этих положений К. Маркса и Ф. Энгельса следует, что торговля в условиях господства феодальных общественно-экономических отношений сама по себе не является ни предвестником разложения этих отношений, ни свидетельством уровня развития товарного производства. Относительно высокий по сравнению с предшествующим периодом уровень торговых связей внутри и вне страны не противоречил господству феодального строя, а,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 364.

² Там же, стр. 367 и примечание Ф. Энгельса.

наоборот, укреплял его. Что касается проблемы «предпосылок формирования всероссийского рынка» в XVI в., то нужно еще раз напомнить, что в XVII в. всероссийский рынок не сложился, а только примерно с этого времени начал складываться, что процесс складывания всероссийского рынка есть процесс образования буржуазных связей, процесс генезиса капитализма. Рост же торговых связей в XVI в. имел отношение пока еще не к генезису капитализма, а к развитию феодального землевладения и хозяйства. Прежде всего его продукты вовлекались в рыночный оборот, а образовывавшиеся в результате этого денежные капиталы содействовали укреплению положения как отдельных феодалов, так и в особенности феодального государства.

Вот почему при всех свидетельствах о развитии торговли в России XVI в. В. И. Ленин с полным основанием относил «действительно фактическое слияние» областей, земель и княжеств в одно целое только к новому периоду русской истории, начавшемуся «примерно с 17 века». Как бы ни были велики масштабы внутренней торговли, ее природа была такова, что она не могла еще преодолеть того распада государства на отдельные земли, частью даже княжества, с их живыми следами прежней автономии, которое было свойственно «московскому царству» в XVI и даже в немалой мере в XVII в.

Господство феодально-крепостнических отношений оказало большое влияние и на развитие русских городов. Выше было уже сказано о количестве городов, удельном весе городского населения и тех условиях, в которых оказались наиболее развитые русские города во второй половине XVI в. вследствие передвижения значительной части населения из центра страны на окраины. К этому надлежит прибавить, что даже в самых крупных русских городах значительная часть дворов и населения приходилась на долю феодальных владений. Города и в XVI в. сохраняли свое значение укрепленных центров феодального властвования. Что касается черного населения, свободных от личной зависимости ремесленников и торговцев, то его почти или вовсе не было во многих пограничных городах — крепостях на южной и юго-восточной границах государства. Имелись города, где удельный вес феодальных владений был особенно высок — таков, например, старинный центр церковных феодалов Ростов Великий. Были города, являвшиеся собственностью отдельных феодалов, Венев, Епифань и др., принадлежавшие Мстиславским, Романовым, Шереметьевым. Более половины дворов принадлежало феодалам даже в Москве. Но встречались и другие городские центры, где подавляющая масса населения состояла из ремесленников и торговцев и где было мало феодального землевладения. Таковы некоторые города и погосты Севера вроде Устюжны Железопольской и торгово-промышленные села вроде Медны в Тверском уезде. Даже не относившиеся формально к категории

городов торгово-промышленные поселения на севере и северо-западе страны гораздо ближе по своей социально-экономической характеристике подходили к городам, нежели многие из упомянутых выше крепостей и феодальных центров.

Дело, однако, в том, что, во-первых, и в торгово-промышленные центры устремлялись феодалы и обзаводились там владениями. Во-вторых, немалая часть доходов, получавшихся городскими людьми от своих промыслов, ремесел и торговли, отбиралась в виде даней и пошлин как феодальным государством, так и отдельными феодалами, которые получали право сбора тех или иных торговых или проездных пошлин в свою пользу. Например, пошлина за перевоз через реку в Костроме шла Ипатьевскому монастырю. В-третьих, дух крепостничества все более проникал в города и распространялся на массу черного тяглого населения. Это стало особенно заметно к концу XVI столетия, когда были введены сначала «заповедные годы», а затем «урочные лета». Все туже затягивалась петля государственной эксплуатации горожан, и процесс этот, достигший завершения в XVII столетии, развивался и в XVI в., составляя характерную черту политики единогодержавного государства по отношению к городам.

В литературе, однако, можно встретить с утверждением, что в первой половине XVI в. имел место союз великокняжеской власти с горожанами, что великокняжеская власть стремилась содействовать горожанам и поддерживать города. В пользу этого говорят как будто факты ограничения имущественных привилегий феодалов в городах. Если мы проследим этот процесс до конца, то придем к ликвидации не только имущественных, но и самих феодальных владений в городах, что произошло в середине XVII в. Но и конечный результат этой политики самодержавия и его начальные стадии преследовали прежде всего интересы укрепления самодержавной власти и ослабления крупных феодалов. В какой-то степени объективно эта политика могла отвечать интересам развития городов, если бы не то, что ослабление власти феодалов в городах сопровождалось усилением власти центральной правительственной администрации, которая все более подчиняла себе города, интересовавшие ее как важнейший источник денежных средств для почти постоянно пустой государственной казны. В огромной малолюдной стране, со сравнительно слабо развитым хозяйством очень трудно было набрать средства, необходимые для ведения долгих войн с сильными и многочисленными внешними врагами. Как и прежде, в XIV—XV вв. города подвергались систематическому ограблению со стороны великокняжеской власти. И это, наряду со всеми другими обстоятельствами, не могло не тормозить их развития. Более того, во второй половине XVI в. произошел отлив населения из городов. Правительство ответило распространением крепостнических порядков и на городское население.

Пути развития русских городов и в XVI в. оставались сложными, а процесс формирования буржуазных элементов все так же, если не более по сравнению с предшествующим периодом, заторможен.

В этой связи надо заметить, что отдельные явления, близкие по своему содержанию к зародышам капиталистических отношений, вроде вольного найма, могли, конечно, существовать в XVI столетии, но они с таким же успехом могли возникать и возникали гораздо раньше. Представления, согласно которым в XVI в. якобы уже началось развитие капиталистических отношений, а затем было прервано насильственным путем, сверху, «введением» крепостничества, ошибочны потому, что они базируются на произвольно (а чаще всего тенденциозно) выбранных и истолкованных фактах при полном игнорировании всей совокупности явлений, характеризующих общественно-экономическое развитие страны¹. Россия XVI в. была не только феодальной страной — во многих ее областях феодальному строю еще принадлежало будущее, его резервы были далеко не исчерпаны. Еще долго народное хозяйство должно было базироваться на крепостном труде, потому что не было тогда объективных предпосылок и возможностей для перехода к буржуазному развитию. Именно поэтому развитие страны в хозяйственном, политическом и культурном отношениях шло в средние века так медленно, именно поэтому все более накапливалось отставание России от тех стран Запада, которые втягивались на путь капиталистического развития.

Главное внимание великокняжеской политики обращалось не на города, а на землевладение. Вопрос о земле, о том, кто ею должен владеть и на каких условиях, был главным в феодальной России XVI в. Обеспечение государственных потребностей могло быть достигнуто — при тогдашнем уровне экономического развития — прежде всего наделением земель государевых служилых людей. Проблема ограничения землевладения крупных феодалов и сосредоточения всей земли в руках государства с тем, чтобы «земля из службы не выходила», была главной задачей феодального правительства. Естественно, что с этим был неразрывно связан и вопрос об обеспечении земли рабочей силой, т. е. вопрос о закрепощении крестьян и вообще всей массы трудящегося населения страны.

Важным средством разрешения этой главной проблемы феодального государства была его иммунитетная политика. В соответствии с политической ориентацией великокняжеской власти в начале XVI в. заметна тенденция к ограничению привилегий церковных феодалов. Их земли перестали освобождать от уплаты

¹ См., например: Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1960; рецензия Г. А. Новицкого и А. М. Сахарова «История СССР», 1962, № 2; его же. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967.

государственных налогов, а из судебных прав изымались дела о наиболее крупных преступлениях — «разбое» и «душегубстве», которые подлежали только великокняжескому суду. Однако вскоре политика по отношению к церкви переменилась, и начиная примерно с 1511 г. церковь стала получать широкие иммунитетные привилегии. Большие права получил в первую очередь Волоцкий монастырь, где игуменом был Иосиф, а после того, как на митрополии «нестяжателя» Варлаама сменил активный «иосифлянин» Даниил, началось расширение привилегий митрополичьего землевладения («митрополичьего дома»).

Усиление феодального иммунитета церковников означало не только то, что в объединенном государстве сохраняется и крепнет немалый элемент феодальной раздробленности в лице независимой в своих владениях мощной церковной организации. Оно было вместе с тем средством подавления сопротивления народных масс, укрепления власти феодалов. Из-за роста всякого рода повинностей и притеснений со стороны властей крестьяне все чаще уходили из центральных районов страны на окраины. Бегство от феодалов на окраины стало в России едва ли не самой распространенной формой проявления недовольства. Силой, которая могла бы обеспечить прикрепление крестьян к земле, государственная власть тогда еще не обладала. Да и «украинные» помещики нуждались в притоке рабочих рук из центра. Поэтому церковь добивалась привилегий для подвластных ей земель, чтобы удержать необходимое ей количество крестьян. Освобождение от государевых налогов создавало преимущества для населения монастырских и других церковных земель, а сосредоточение полноты судебной власти в руках церковных феодалов давало им возможность закрепить полнее власть над зависимым населением их владений.

В этих условиях идеология «нестяжательства» приобретала двоякое социальное содержание. Она была, с одной стороны, проявлением протеста феодальной оппозиции, недовольной усилением церкви и поддерживавшейся ею великокняжеской власти. С другой стороны, критика церковного «стяжательства» и указание в связи с этим на тяжелое положение крестьян на церковных землях перекликались с антикрепостническими настроениями народных масс. Поэтому борьба против «нестяжателей» в первой половине XVI в. приобрела более решительный характер.

Среди «нестяжателей» этого времени выделялось несколько крупных деятелей — бывший князь Вассиан Патрикеев, насильно постриженный в монахи и удаленный тем самым от политической деятельности, высокообразованный греческий монах Максим Грек, прибывший в Россию для исправления богослужебных книг. Максим Грек оставил много публицистических произведений с обличением косности, застоя официальной церкви в России, ее стяжательства, произвола со стороны великокняжеской вла-

сти. «Нестяжатели» были тесно связаны с противниками великого князя, вроде большого боярина Берсеня-Беклемишева, очень недовольного тем, что Василий III вместо совета с Боярской думой «запершись сам-третей у постели все дела делает». В 1525 г. был собран специальный собор, осудивший Максима Грека (его отправили в монастырскую тюрьму). Берсень-Беклемишев был осужден «главною казною» (ему отрубили голову), а его единомышленнику Федору Жареному отрезали язык.

Жестокость расправы, свойственная средневековому суду, свидетельствовала вместе с тем и о напряженности борьбы великокняжеской власти и ее противников. О том, насколько непрочным было тогда единодержавие, говорит еще одно дело, обсуждавшееся на церковном соборе 1525 г. Это было дело о разводе великого князя Василия III с Соломонией Сабуровой, вышедшей из знатного боярского рода. Причиной развода было объявлено «бесплодие» великой княгини. У Василия III, действительно, спустя двадцать лет после вокняжения не было наследников. Создавалась угроза раздела Великого княжества Московского после смерти Василия III между его братьями. Отношения с братьями у великого князя были весьма обостренными. Братья стремились к соучастию в управлении Великим княжеством, в то время как Василий III, утверждая новые государственные порядки, стремился низвести их на положение своих подданных. Опасаясь в будущем раздела единого Российского государства, Василий III не разрешал братьям жениться, пока у него самого не будет наследника. Все это, а также желание порвать родственные отношения с боярской знатью предопределило решение Василия III о разводе с Соломонией Сабуровой, Митрополит-осифлянин Даниил, в отличие от своего предшественника «нестяжателя» Варлаама, не дававшего согласия на развод, помог в этом щекотливом деле великому князю. Соломония была пострижена в монахини и отправлена в Суздаль, а Василий III женился на иноземке (из великого княжества Литовского) Елене Глинской. Кое-кто из князей и бояр высказал недовольство этими действиями великого князя, за что и угодил в тюрьму. Лишь после рождения наследника — будущего Ивана IV Грозного — в 1530 г. они были выпущены из тюрем. Какое значение придавалось рождению наследника, можно судить по тому, что оно было ознаменовано строительством великолепного каменного храма Вознесения в подгороднем дворцовом селе Коломенском, явившимся настоящим шедевром не только русского, но и мирового средневекового зодчества. Так остро переживалась ситуация, связанная с перспективой сохранения или грозившего расчленения Российского государства в XVI в.

В этой связи нужно отметить, что представления некоторых историков о том, будто бы уже при Василии III власть московского государя была доведена до степени абсолютной монархии,

основаны на смешении понятий «централизованное государство» и «произвол», «деспотические действия», против чего, как отмечено выше, предостерегал В. И. Ленин. Произвол и деспотизм были свойственны многим феодальным правителям и в значительно ранние времена, однако из этого не следует, что это было проявлением «абсолютизма». Ибо абсолютизм есть определенное политическое явление, возникающее на позднем этапе развития феодализма и характеризующее свойственное этой эпохе соотношение социальных сил.

В России XVI в. до абсолютизма было еще далеко — прежде всего потому, что не было условий зарождения раннебуржуазных элементов. Поэтому столь критическим и было положение недавно сложившегося Российского государства, над которым висела реальная угроза утраты политического единства. То фактическое распадение страны на отдельные земли, частью даже княжества, те «живые следы прежней автономии», о которых писал применительно к XVI в. В. И. Ленин, постоянно давали себя знать в острых политических конфликтах того времени.

После смерти Василия III в 1533 г. вспыхнула борьба между феодальными группировками. Группа знати во главе с удельными князьями — братьями Василия III — составила заговор с целью свержения формально провозглашенного великим князем малолетнего Ивана IV и регентши — его матери Елены Глинской — и возведения на великое княжение дмитровского удельного князя Юрия Ивановича. Среди заговорщиков видную роль играли потомки князей Шуйских. Заговор не удался. Юрий Иванович и его бояре были арестованы. Вскоре выступил другой брат Василия III Андрей Иванович Старицкий, требовавший увеличения своего удела. Его домогательства успеха не имели, однако заговоры возникали один за другим. В 1534 г. образовался заговор во главе с дядей великой княгини Михаилом Глинским, опиравшимся на удельных князей Бельских, Воротынских, Трубецких. Однако и этот заговор был разоблачен, а Михаила Глинского посадили в тюрьму.

Фактические правители страны, среди которых были противники удельных князей, стали проводить ряд мероприятий, направленных на укрепление централизации в государственном управлении. Маневрируя между различными группировками феодалов, правительство Елены Глинской сохраняло и даже иногда расширяло иммунитетные привилегии некоторых церковных феодалов. В то же время оно вело в целом линию на сужение податного и судебного иммунитетов церковных владений, осуществляло контроль над ростом монастырского землевладения, запретило покупку земли у служилых людей, чтобы не допустить выхода этой земли «из службы». С целью укрепления рубежей развернулось строительство многих крепостей и городов — каменных и деревоземляных. Специальные «городовые приказчики» органи-

зовывали сбор средств и привлечение населения к оборонительным работам. Повинность «городового дела» распространялась на все население, не освобождались от нее и феодальные хозяева¹. Создание крепостей (в том числе Китай-города в Москве) способствовало привлечению населения в защищенные от нападений врагов города и росту ремесла и торговли в них. Что опасность внешних вторжений была вполне реальной, свидетельствовали нападения крымских татар, дошедших в 1521 г. до Москвы, и казанских татар, разоривших в 1537 г. все Поволжье.

Строительство городских управлений организовывалось государственной властью, и в него были вовлечены не только сами горожане; оно происходило в порядке феодальной повинности и таким образом способствовало росту городов как экономических центров, но не было прямым его выражением и следствием. Относительная слабость русских городов сказалась и в этом факте, который иногда трактуется в литературе как стремление великокняжеской власти к союзу с горожанами — горожане тогда еще не представляли собой самостоятельной политической силы, как это было во времена существования Новгородской или Псковской республик. Несомненно, что великокняжеская власть была заинтересована в создании более благоприятных условий для развития городов, но лишь для того, чтобы получить побольше с городских жителей денег в свою казну. На город смотрели прежде всего как на объект нещадной эксплуатации, как на источник денежных средств, которых постоянно нехватало казне феодального государства, где безраздельно господствовал средневековый феодальный строй с его натуральным хозяйством. Вряд ли можно расценивать политику великокняжеской власти по отношению к городам как проявление тенденции к «союзу» с ними.

Стремлением упрочить финансовое положение государства была вызвана и денежная реформа 1535 г. Уменьшив вес монеты, реформа упразднила разноречие между московской и сохранявшейся до тех пор новгородской денежной системами.

Но враждебные государственной централизации силы были далеко не сломлены. Они располагали большими материальными средствами и продолжали вести борьбу за сохранение и реставрацию прежних порядков государственного устройства с их ограниченной властью государя и большой самостоятельностью феодалов. Свои надежды они связывали с Андреем Ивановичем, князем Старицким, братом Василия III. Его попытались удалить, поставив во главе отправлявшегося на оборону южных границ войска. Но удельный князь чувствовал себя настолько уверенно, что не пошел с войском. Готовя выступление с целью захвата власти в государстве, он рассчитывал на поддержку Новгорода.

¹ См. Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства в первой половине XVI века. М.—Л., 1957.

Однако новгородские дворяне сообщили о полученных ими грамотах Андрея Старицкого в Москву. Новгород закрыл ворота перед Старицким, изменили ему и старицкие дворяне. Московским правителям удалось заманить князя Старицкого в Москву, где он был «уморен под железной шапкой» а участников заговора повесили вдоль дороги из Москвы в Новгород.

Борьба приняла формы заговоров, убийств, жестоких расправ с противниками, как это обычно бывало в средние века. В начале 1538 г. внезапно умерла Елена Глинская. Иностранцы, оставившие записки о своем пребывании в то время в России, свидетельствуют о том, что великая княгиня была отравлена. Власть перешла к одной из феодальных группировок, возглавлявшихся Шуйскими. Началось быстрое расширение их земельных владений. Спустя год у власти оказалась другая группировка — Бельских. В борьбе боярско-княжеских группировок раскололись и церковники, активно поддерживавшие соперничающие силы. В январе 1542 г. произошел новый переворот, и у власти снова оказались Шуйские. По мнению И. И. Смирнова, теперь это была объективно антибоярская группировка, потому что князья Шуйские воспользовались для захвата власти выступлением дворян¹. Вряд ли возможно, однако, найти более или менее точное определение социальной природы соперничавших феодальных группировок — какая из них была боярская, а какая дворянская. Таких попыток, правда, в литературе предпринято немало, и сами по себе они способствовали более глубокому изучению материала. Но такого четкого противопоставления дворянства и боярства, какое иногда встречается в литературе, не было в жизни России середины XVI в. Класс феодалов находился в состоянии внутреннего развития, различные его слои складывали нередко причудливые политические комбинации. Даже в XVII в. термин «дворянство» еще не мог быть безусловным свидетельством определенной политической позиции — разные слои дворянства по-разному относились к политическим событиям. Тем более в XVI столетии соперничавшие феодальные группировки искали себе опору во всех кругах, которые по тем или иным причинам могли оказать данной группировке поддержку.

Важнее другое. Ожесточенная борьба княжеско-боярских группировок за власть, сопровождавшаяся произволом и насилиями со стороны бояр-кормленщиков, привела к новому обострению классовых противоречий в стране, где росло глухое народное недовольство бесконечными и тяжело ложившимися на плечи народа боярско-княжескими распрями. Источники дают достаточно определенные свидетельства на этот счет. Помимо

¹ См.: И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства до 50-х годов XVI века. М.—Л., 1958.

обычного в таких случаях ухода крестьян и горожан на окраины, подальше от властей и господ, увеличилось количество «татейных» и «разбойных» дел, т. е. нападений на жизнь и имущество феодалов. Ферапонтов монастырь жаловался в 1546 г. на то, что крестьяне «вступаются у них в монастырские починки, перелезши за межу, землю пашут и лес секут, и пожни косят, а называют они те земли, и лес, и пожни, и починки своею землею». Аналогичные свидетельства усилившегося сопротивления крестьян имеются и по многим другим территориям.

Борьба между соперничавшими группировками убедила господствующий класс — не только дворянство, но и многих крупных светских и духовных феодалов — в необходимости государственной централизации. Усиления государственной власти требовали также интересы обороны от внешних врагов.

По мнению ряда историков, в том числе И. И. Смирнова, значительная роль в укреплении самодержавия принадлежала ставшему в марте 1542 г. митрополитом энергичному и дальновидному Макарию. Вокруг Макария стали группироваться заинтересованные в централизации власти феодальные круги. Их надежды возлагались на подраставшего Ивана IV, формально находившегося на великокняжеском столе. Уже в годы ранней молодости Иван IV проявил властный и жестокий по отношению к противникам характер. В декабре 1543 г. произошло падение Шуйских, а затем, по-видимому, под влиянием Макария молодой Иван IV начал отправлять в опалу и казнить некоторых бояр. Летом 1546 г. внутреннее положение в стране стало накаляться. В Коломне произошли волнения присланных по насильной разверстке из Новгорода так называемых пищальников — воинов, приставленных к огнестрельным орудиям «пищалам». Государевых людей, приехавших к пищальникам с приказом от великого князя, новгородцы закидали грязью, а потом стали стрелять по ним из своих пищалей, мстя за сопровождавшуюся конфискациями имущества принудительную мобилизацию из Новгорода в Коломну. Затем выяснилось, что к волнениям пищальников имели отношение некоторые бояре — Воронцовы и Кубенский. Им отрубили головы. Появилось недовольство и во Пскове. Псковичи прислали к молодому великому князю послов с жалобой на действия московского наместника. Иван велел поджечь жалобщикам бороды свечами, а затем облить их горячим вином. В непримиримую и беспощадную борьбу с противниками государственной централизации, которые отнюдь не стеснялись сами в средствах, Иван вносил немало патологического изуверства. Сын своего времени и своего класса, Иван IV был неодинок в своих действиях среди государей средневековой Европы, боровшихся за укрепление королевской власти. Давно уже было замечено сходство между Иваном IV и Людовиком XI. Единые государства, бывшие носителями исторического прогресса своей эпохи, формировались и

укреплялись повсюду в кровавой борьбе, а в отсталой России эта борьба приняла особенно тяжелые формы.

После расправы над Воронцовыми и Кубенским у власти укрепились родственники молодого царя — Глинские. Вскоре Иван IV женился на нетитулованной Анастасии Романовой, отказавшись тем самым от вступления в родственные связи со знатью. В январе 1547 г. по задуманному митрополитом Макарием ритуалу произошло торжественное венчание Ивана IV на царство. Впервые московский великий князь наделялся титулом царя, что по тогдашним понятиям резко возвышало его над всей русской знатью и уравнивало в положении с западноевропейскими государями. Но был в венчании Ивана IV на царство и другой смысл. Царскую корону он получал из рук главы церкви, от него же выслушивал напутственное слово, и все это подчеркивало особое положение церкви в государстве, которая выступала в качестве гаранта самодержавной власти. Тем самым царская власть обязывалась заботиться о сохранении прав и привилегий церкви. Укрепляя самодержавную власть, церковь преследовала и свои собственные интересы.

Начало царствования Ивана IV ознаменовалось открытым обострением давно уже накапивавшихся классовых противоречий. В июне 1547 г. в Москве произошел колоссальный пожар. Город был уничтожен полностью, тысячи людей погибли в огне и дыму. С большим трудом удалось спасти митрополита Макария. Иван IV уехал в подгородное село Воробьево. Поползли ловко пущенные соперниками слухи о том, что Москву подожгли родственники царя — Глинские, занимавшиеся колдовством. Иностранное (из Литвы) происхождение Глинских было подходящим обстоятельством для такого рода слухов, которым в средние века верили весьма охотно.

Как и в давние времена вновь раздался звон колокола, и москвичи, возрождая древний обычай, сошлись в Кремле на вече и потребовали выдачи Глинских. Народ ворвался в Успенский собор и убил там Юрия Глинского во время службы. Восставшие двинулись в Воробьево к царю, и ему пришлось обещать произвести розыск и наказать виновных. Гнев народа умело направлялся боярской группировкой против «иноплеменных» — это был самый сильный «козырь» для удаления Глинских и самого Ивана IV от власти. Много лет спустя Иван Грозный вспоминал об этих потрясших его событиях: «И вниде страх в душу моя и трепет в кости моя».

Восстание в Москве было не единственным событием, показавшим рост народного недовольства. Волнения произошли в том же году в Опочке и Устюге. Вновь оживились в середине XVI в. еретические движения.

В этой обстановке молодой царь и поддерживавшие его круги начали проведение ряда реформ, направленных к укреплению

централизованного государства и его главной опоры — служилого дворянства. Характерно, что содержание этих реформ так во многом совпало с «челобитными» царю, написанными дворянином Иваном Пересветовым, что у некоторых историков вызвала сомнение сама личность Пересветова — казалось, что «челобитные» эти написаны задним числом от вымышленного лица, чтобы оправдать реформы, проведенные Иваном Грозным. Теперь, после исследования А. А. Зимина¹, можно считать окончательно установленным, что Иван Семенович Пересветов — реальное лицо, человек со сложной биографией, побывавший в разных странах, в том числе в Турции, и «выехавший» затем на службу к московскому царю.

В «челобитных» Пересветова содержится целая программа действий, в которых были заинтересованы служилые люди — дворяне. Пересветов решительно осудил боярское правление, насилие и произвол со стороны «ленивых богатинов», которые менее всего беспокоятся о государстве, а думают лишь о своих собственных интересах. В соответствии с принятым в то время литературным приемом Пересветов выражался иносказательно, говоря о том, как турецкий султан укрепил свою власть и добился многих побед в борьбе с врагами. Дело в том, что в XVI в. в Европе проявляли большой интерес к Османской империи, захватившей много стран на юго-востоке Европы и в Азии и угрожавшей европейским странам. Иван Пересветов в качестве идеала государственного строя рисовал именно турецкую монархию, хотя в действительности далеко не все, о чем писал он, существовало в Турции. Но такой прием давал ему возможность рассуждать о положении дел в Московском государстве, не называя его, а делая вид, что речь идет о другой стране. Пересветова нисколько не смущало то, что в качестве образца он выводил «иноверных» государей, «басурман», а это находилось в прямом противоречии с позицией русской церкви в отношении «иноверных». Но вряд ли на этом основании, как это делают некоторые исследователи, можно судить о каком-то «вольномудстве» Пересветова — если оно и было, то состояло лишь в весьма практическом образе его мыслей и отнюдь не выражало какого-либо сомнения в догмах религии и церкви.

Пересветов доказывал, что государь должен опираться на служилых людей, которые преданы государю и служат ему за деньги. Все остальные порядки в государстве должны быть построены так, чтобы обеспечить служилых людей всем необходимым. Деньги для уплаты жалованья дворянам надо брать с горожан, причем Пересветов рекомендует царю самому устанавливать цены на рынках и под страхом строжайших наказаний

¹ См.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

запретить отступать от них. В этом рассуждении Пересветова сказались его дворянская ограниченность, полное непонимание им роли городов в экономическом развитии страны, типичный для феодалов взгляд на город только как на источник доходов — обстоятельства, серьезно противоречащие имеющей хождение в литературе версии насчет не только «вольнодумства», но даже и «гуманизма» Пересветова. Настоящим гуманистам XVI в. был свойствен куда более широкий взгляд на перспективы экономического и культурного развития их стран наряду с критическим отношением к религии и церкви, чего у Пересветова нет.

Пересветов был идеологом поднимавшегося дворянства со всеми его сильными и слабыми сторонами, практичностью и ограниченностью, которая консервировала существующие общественные отношения и на практике вела к расцвету крепостничества. Иван Пересветов настаивал на сильной, централизованной власти. «Государство без грозы, что конь без узды», — писал он, требуя беспощадных наказаний всем противникам царской власти. Сочинения Пересветова дают представление о том, какие именно социальные силы были заинтересованы в «грозной» государственной власти — ими был новый, поднимавшийся слой класса феодалов, служилые люди, в число которых мог попасть всякий лично свободный человек. Они рвались к земле, к богатству, ненавидели своих недавних притеснителей — крупных вотчинников, бояр, бывших полновластными хозяевами в округе их вотчин, они хотели оттеснить этих «ленивых богатинов» от власти, пробиться самим к государству, трону и обратить власть московского царя на служение их собственным, дворянским интересам, обещая взамен надежную опору царю в борьбе с его противниками.

Но правительство Ивана IV никак не могло обойтись и без феодальной аристократии, княжеско-боярской знати, представляющей собой крупную силу в стране. Знать в целом поддерживала идею единства страны под одной властью, но настаивала на широком соучастии во власти, сохранении своих привилегий, ограничении самодержавия. Как ни тяготела царская власть к дворянству, она все же не могла отбросить феодальную аристократию. Поэтому оформившийся в середине XVI столетия государственный строй был самодержавием с боярской думой и боярской аристократией, как характеризовал его В. И. Ленин¹. Этот строй защищал интересы господствующего класса в целом, он был его орудием в классовой борьбе и имел заметные черты компромисса между различными слоями господствующего класса — служилыми людьми, светской феодальной аристократией и церковью. Формы этого компромисса и соотношение взаимодействовавших в нем сил менялись, но сущность оставалась прежней: в течение

¹ См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 346.

довольно длительного времени, пока не определились черты нового этапа в развитии феодальной монархии — перехода ее к абсолютизму. Компромиссный характер государственного строя характерен не только для начала правления Ивана Грозного, хотя тогда он был выражен довольно ярко, — даже в самый разгар опричнины царь не мог обойтись без Боярской думы и Земских соборов, не говоря уже о первой половине XVII столетия.

Выражением компромисса между разными слоями господствующего класса в начале правления Ивана IV была так называемая Избранная рада — небольшой круг приближенных к царю лиц, точный состав которого не вполне ясен. Само выражение «избранная рада» было употреблено князем А. М. Курбским в одном из его посланий к Грозному. И. И. Смирнов считал, что под «Избранной радой» надо понимать узкий круг советников царь известный обычно под названием «ближней думы». В составе «Избранной рады» оказались представители служилых людей, каким был А. Ф. Адашев, выходец из незнатных землевладельцев; духовенства, каким был духовник царя, протопоп кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, известный также своими публицистическими произведениями, в том числе «Домостроем» — сборником правил ведения хозяйства и поведения в быту; княжеско-боярской знати, какими были молодой князь Андрей Курбский, князь Михаил Воротынский и др.

Программа действий Ивана IV и его окружения была высказана на собранном в феврале 1549 г. совещании членов Боярской думы и представителей других кругов феодалов, в том числе духовенства и служилых людей. Это был первый Земский собор, положивший начало непериодическому созыву таких совещаний представителей сословий, которые высказывали свои позиции по предлагавшимся царем вопросам¹. Земские соборы не ограничивали власть царя, но они были его необходимой опорой. Политика компромисса между различными слоями господствующего класса нашла в Земских соборах одно из наиболее ярких проявлений.

На соборе 1549 г. Иван IV выступил с резким осуждением боярского правления в годы, предшествовавшие его воцарению, и призвал к совместным усилиям для укрепления государства. Сразу же были приняты меры к улучшению положения дворян, которые освобождались от подсудности боярам-наместникам и по всем судебно-административным делам перешли в ведение непосредственно царской власти. Эта мера одновременно укрепляла царскую власть и ослабляла позиции бояр-наместников. Митрополит Макарий поддержал царя. Было решено приступить к составлению нового Судебника, который должен был установить

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения в России XVI века. «Вопросы истории», 1958, № 5.

твердый порядок суда и управления в Российском государстве. (Заметим, что в средние века функции эти не разделялись.) То обстоятельство, что понадобилось составлять новый Судебник, хотя существовал уже великокняжеский Судебник 1497 г., свидетельствует о том, что за годы боярского правления вся система суда и управления была основательно расшатана и что нормы старого Судебника были, по-видимому, забыты и на практике мало выполнялись. Поэтому Судебник 1550 г. во многом повторил Судебник 1497 г., хотя внес и ряд новых моментов, отразивших процесс развития общественно-экономических отношений и государственного строя.

По Судебнику 1550 г. власть наместников ограничивалась. В разбирательстве дел на местах теперь обязательно должны были принимать участие выборные земские старосты — из числа местных служилых людей. Отменялись податные льготы монастырей, что также укрепляло централизованную власть и ослабляло материальную опору церкви. По отношению к крестьянам была повторена норма предшествующего Судебника о Юрьевом дне — с увеличением размера уплаты уходящими крестьянами так называемого пожилого — своеобразная компенсация феодалу за потерю рабочей силы. В этом отношении, как и в других, Судебник служил компромиссом между различными группами феодалов, часть которых была по-прежнему заинтересована в переманивании крестьян и приеме беглых. Следует вспомнить при этом, как остро стоял вопрос о рабочих руках в малонаселенной огромной стране.

Тогда же, в 1550 г., была предпринята еще одна мера централизации управления — на время военных походов ограничивалось местничество при назначении на командование войсками. Другой важной мерой по укреплению военных сил государства являлось создание постоянного наемного войска стрельцов. Это была вооруженная огнестрельным оружием пехота — три тысячи человек, сведенных в 6 «приказов» (полков) по 500 человек в каждом. Значительно усилилась артиллерия, стали применяться лафеты. Одновременно решили «испоместить» в центре страны, в Московском уезде, «избранную тысячу» — 1070 дворян, которые должны были составить ядро дворянского ополчения, опору самодержавной власти. Согласно исследованию А. А. Зимина, проект этот полностью осуществлен не был. Для содержания войска вводились новые налоги, заново описывались земли для определения налогов и повинностей, в связи с чем была установлена единая для всего государства мера определения доходности земли (в зависимости от ее качества и величины) — «соха». В том же году был нанесен еще один удар привилегиям крупных феодалов — вновь основываемые ими слободы в городах лишались иммунитета льгот. Таким образом, в 1550 г. был предпринят ряд значительных реформ, направленных к укреплению цент-

рализованной государственной власти, усилению дворянства и ослаблению позиций крупной феодальной знати¹.

Процесс централизации государственной власти неизбежно вновь выдвигал вопрос о положении церкви в государстве. В 1551 г. был собран церковный собор, на котором опять обсуждался вопрос о церковном землевладении. Церковь, как и прежде, отнюдь не собиралась отказываться от своих владений, в то время как крепнущая царская власть рассчитывала на увеличение необходимых ей государственных земельных фондов за счет церкви. Дело кончилось и тут компромиссным решением: отдать прежним владельцам земли, приобретенные церковью после 1533 г., а впредь приобретать или продавать земли только с разрешения царя. Тем самым был установлен контроль царской власти над движением церковных земельных фондов, хотя сами по себе владения оставались в руках церкви. Так же компромиссно был решен вопрос и о городских владениях церкви — они сохранялись, но из них «выводились» перебравшиеся туда посадские люди, которым велели вернуться в свои посады и слободы и выполнять там все положенные им повинности в пользу государства. Забота правительства о сохранении посадских людей в слободах и посадах и непереходе их в состояние личной зависимости от тех или иных феодалов — владельцев городских дворов и слобод — была продиктована, как отмечено, потребностями государственной казны.

Церковь сохранила свои владения после собора 1551 г. Вместе с тем она также централизовала свою внутреннюю жизнь. Был подвергнут пересмотру перечень местных культов «святых» и установлен единый общерусский их «пантеон». Эта мера имела не только религиозно-церковное значение — она содействовала укреплению политического единства русских земель, так как многие местные культы были связаны с традициями независимости и самостоятельности различных земель.

Реформы во внутреннем положении государства и укрепление централизованной власти создали условия и для активизации в области внешней политики. Самой важной задачей была ликвидация постоянной угрозы вторжений в центр страны со стороны Казанского ханства. Как и в батыевы времена, вновь разорялись дочиста города и села, люди угонялись в плен. Около ста тысяч русских пленников находилось в Казани. Активность со стороны казанских феодалов поддерживалась извне. К середине XVI в. образовалась мощная коалиция татарских государств — наследников Золотой Орды и Ногайского ханства, находившихся под влиянием со стороны Османской империи. Подобно тому как странам Юго-Восточной и отчасти Центральной Европы пришлось отражать напор со стороны турецких феодальных завое-

¹ См.: А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1963.

вателей, так и Россия должна была вести тяжелую борьбу против сил, поддерживавшихся той же Турцией. Борьба с внешней опасностью вновь вставала как первоочередная, важная задача, от разрешения которой зависели существование и развитие недавно возникшего единого Российского государства.

Вторая половина 40-х годов прошла в дипломатических и военных попытках добиться ликвидации очага агрессии в Казани либо путем восстановления вассальной зависимости, чего можно было достигнуть утверждением в Казани сторонника Москвы, либо путем завоевания Казани. Однако попытки эти были неудачными. Ставленнику Москвы Шиг-алею не удалось удержаться в Казани, а два похода русских войск в 1547—1548 и 1549—1550 г. были безуспешными. На рубеже 50-х годов началась серьезная подготовка к решительному удару по Казани. Предпочтение военного разгрома дипломатическим путем решения этой проблемы было не случайным — оставалась нерешенной проблема землевладения, и Казанское ханство с его «подрайской землицей» манило служилых людей. Иван Пересветов, употребивший это выражение, прямо призывал царя завоевать Казань. Овладение Казанью было важно и для развития торговли — оно открывало путь по Волге на юг, к странам Востока, манящим европейцев своими богатствами в XVI в.

Весной 1551 г. на правом берегу Волги недалеко от Казани была поставлена заранее срубленная и спущенная по течению реки деревянная крепость Свияжск, ставшая опорным пунктом для ведения военных действий против Казани. Талантливый инженер Иван Выродков руководил созданием систем боевых сооружений. Продвижение русских войск к Казани способствовало тому, что среди нерусских народов волжского правобережья усилилось стремление перейти под власть Москвы и найти защиту от своих опасных соседей — казанских феодалов. В то же время наступление России на Казань встревожило турецко-татарскую коалицию. По распоряжению султана крымский хан Девлет-гирей нанес удар с юга, намереваясь вторгнуться в центральные области России и тем самым сорвать наступление России на Казань. Но московские политики предвидели возможность такого нападения, и в районе Каширы — Коломны на древнем окском рубеже расположили войска. Это было неожиданностью для крымского хана, и он ушел обратно. Во второй половине 1552 г. стопятидесяти тысячное русское войско осадило Казань. В боевых действиях участвовали стрельцы, артиллерия поддерживала осаду. Сооруженные по замыслу Ивана Выродкова минные подкопы и осадные приспособления должны были разрушить стены казанской крепости. Наконец, в результате штурма 2 октября 1552 г. Казань была взята.

Затем последовало присоединение Башкирии к России, а в 1556 г. была взята Астрахань. После этого вассальную зависи-

мость от России признала орда Больших Ногаев, кочевавших в заволжских степях. Вся Волга оказалась теперь под властью России. Это был огромный успех Российского государства. Помимо ликвидации опасных очагов агрессии на Востоке, укрепления безопасности страны, победа над Казанью и Астраханью открывала возможность освоения новых земель и развития торговли со странами Востока. Недаром победа была ознаменована созданием шедевра русского и мирового зодчества — знаменитого Покровского собора на Красной площади в Москве, известного под названием «Василия Блаженного». Десятикупольный храм символизировал величие и силу объединенной вокруг Москвы России, одержавшей победу над опаснейшим вековым врагом.

Однако внутреннее положение государства оставалось далеко непрочным. Княжеско-боярская оппозиция, разделяя политику Ивана IV на Востоке, не хотела мириться с установлением самодержавия в стране, и по-прежнему претендовала на сохранение своих привилегий и на разделение власти с царем. Внезапная болезнь царя в 1553 г. привела к резкому обострению противоречий: в то время как на случай возможной кончины царя было велено присягнуть на верность его малолетнему сыну Дмитрию, часть знати стала присягать сыну казенного еще в период боярского правления старицкого князя Владимиру Андреевичу. Среди присягнувших последнему оказались и некоторые члены «Избранной рады», в том числе духовник царя Сильвестр. Иван IV, однако, выздоровел. Его подозрительность и жестокость еще более усилились после эпизода с присягой, но не они были первопричиной конфликта. Самый факт ориентации на потомка удельного князя красноречиво свидетельствовал о политической позиции определенной части знати в вопросах централизации государства. Были наложены опалы и учинены казни. Борьба принимала все более острый характер.

Одновременно продолжалось осуществление ряда новых реформ, направленных к еще большей централизации управления. Самой крупной из них была отмена кормлений, произведенная в 1555—1556 гг. Вместо бояр-кормленщиков, на практике бывших независимыми правителями в порученных им землях, в пограничные города назначались теперь служилые люди — воеводы, которым давалась судебно-административная власть. Во всех других местах вводилась система своеобразного самоуправления. Из местного дворянства, зажиточных черносошных крестьян («лучших людей»), верхушки торговых людей выбирались «губные старосты», «излюбленные головы», которые и должны были заниматься раскладкой налогов и повинностей и разбирать судебные дела. Новый порядок ослаблял роль феодальной знати в управлении страной и усиливал позиции дворянства. О самоуправлении в прямом смысле слова говорить в данном случае нельзя потому, что выборные люди были подчинены правительствен-

ным учреждениям и являлись на практике низшими звеньями центрального государственного аппарата.

В самом этом аппарате также произошли заметные изменения. Получила развитие система приказов — функциональных учреждений, которые ведали различными сторонами управления. Вопрос о времени возникновения приказов, а также о путях их образования вызвал разногласия в литературе¹. Несомненно, однако, что в середине XVI в. приказная система стала основной формой государственного управления. Она имела немало архаических черт и полностью отражала феодальную структуру общества. Приказы были территориальные и ведомственные, дворцовые и общегосударственные. Никакого четкого плана их организации или структуры не было. Они возникали от случая к случаю. Но при всем этом в них формировался новый элемент государственного управления — приказные люди, незнатные по происхождению, но оказывавшие все большее влияние на ход государственных дел. И хотя во главе приказов по старине назначались бояре, монопольного влияния на решение государственных дел в середине XVI в. они уже не имели.

Правительство стремилось также улучшить военную организацию. Особое «Уложение о службе» определило порядок несения службы дворянами. Производились периодические смотры дворян с целью проверки их готовности к участию в военных действиях. На эти смотры служилые люди должны были являться «конны, людны и оружны» (т. е. с конями, слугами и оружием, которые они должны были приобретать и содержать за свой счет), а «нетчики» (кого нет на смотре) подлежали особому разбирательству — «ленивы за бедностью» или же нет, в последнем случае дворянин мог лишиться своего поместья.

Усиление централизованной системы нашло свое выражение также и в том, что с 1554 г. была прекращена выдача иммунитетных грамот светским феодалам. Таким образом, после середины XVI в. церковь осталась единственной самостоятельной силой в государстве.

Задачи укрепления централизованного государства выдвигали необходимость усиления его связей со странами Западной Европы. Теперь, когда решена была проблема безопасности на Востоке, можно было приступить к борьбе за выход на морское побережье, что имело особенно важное значение. Именно вдоль морских берегов и по течению больших рек распространялась в средние века «буржуазная цивилизация», как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс². Выход к морю был нужен для развития торговли, для укрепления дворянства, которому богатые прибал-

¹ См.: А. К. Леонтьев. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 472.

тийские земли были не менее нужны, чем «подрайская» казанская земляца.

В 1547 г. Ливонский орден задержал свыше ста западных специалистов, приглашенных на русскую службу. Случай этот еще более ясно показал необходимость разрушения преград между Российским государством и странами Западной Европы.

Самый факт активной политики Ивана IV в Прибалтике иногда истолковывается как свидетельство силы русского купечества, которое выдвинуло задачу выхода к морям, но вряд ли с этим можно согласиться. К выходу на море Ивана IV толкали интересы укрепления государственной власти; торговля понималась им, как об этом свидетельствует вся его политика по отношению к купечеству и городам, как средство обеспечения государства деньгами. Опыт стран Европы показывал, как важно развитие торговли.

Во второй половине 50-х годов сложилась благоприятная обстановка для начала войны за Ливонию. Между Швецией и Данией отношения обострились, и эти страны не могли тогда вмешаться в события в Прибалтике. Противоречивыми были также отношения между Литвой и Польшей. Крымское ханство было обессилено после походов русских войск в 1555—1556 гг., кроме того, там происходили голод и бескормица скота — с этой стороны Русское государство пока могло не ожидать удара. Со Швецией был заключен договор в 1557 г. о взаимной торговле. В том же году на берегу Нарвы была заложена крепость с совершенно определенной целью — «для пристанища морьского корабленого».

После тщательной дипломатической и военной подготовки в 1558 г. Иван IV начал Ливонскую войну. Война началась серией успехов русского войска¹. Пали Нарва и Дерпт и уже летом 1558 г. русские воины стояли на балтийском берегу. Войска наступали на Ревель и Ригу, дошли до границ Восточной Пруссии и Литвы. Ливонский орден, давний враг прибалтийских народов, разваливался под ударами русского оружия. Латышские и эстонские крестьяне помогали русской армии. Но вскоре под влиянием внутренних и внешних обстоятельств ход войны изменился. Внутри страны по отношению к Ливонской войне не было того единодушия, которое имело место в борьбе с татарами на Востоке. Феодалную знать мало интересовали балтийские берега. Гораздо больше ее волновала судьба тех вотчин, которые подвергались татарским опустошениям, почему они и поддержали походы на Казань и Астрахань. Борьба против татар была традиционным направлением внешней политики. Казалось, что война на Западе лишь отвлекает от решения главной задачи. Эта задача рисовалась как удар по Крымскому ханству и обеспечение безопасности

¹ См.: В. Д. Корольков. Ливонская война. М., 1954.

богатых плодородных степей, составляющих нынешнюю Центральную черноземную зону России. Тогда же это все еще было «Диким полем», где люди боялись селиться из-за опасности крымских набегов. Роль морских путей и торговли для развития государства в целом недопонималась не только боярской знатью (вспомним, как относился дворянский идеолог Пересветов к вопросу о торговле и городах); служилые люди поддерживали Ивана IV в его борьбе за Прибалтику прежде всего из-за желания новых земельных «дач» на плодородной прибалтийской земле.

Однако под влиянием ближайшего советника А. Ф. Адашева и, видимо, учитывая внутреннюю обстановку, Иван IV в самый разгар успехов в Прибалтике согласился за перемирие в течение лета 1559 г.¹ В это время был предпринят окончившийся безрезультатно поход против Крымского ханства. Тем временем в Прибалтике обстановка изменилась.

Успехи России встревожили соседние государства, не желавшие допускать ее к морскому берегу. Кроме того, разваливающийся Ливонский орден представлял собой легкую поживу. Польский король Сигизмунд поспешил взять под свой «протекторат» Ливонию, остров Эзель оккупировала Дания. Весной 1560 г. когда возобновились военные действия, Ливонский орден окончательно прекратил существование, а его престарелый магистр Фюрстенберг оказался в русском плену. Раздел территорий ордена тем временем продолжался. Северная Эстония оказалась под властью шведского короля, ему же подчинился Ревель. Возникло герцогство Курляндское, вставшее в вассальную зависимость от Литвы. В результате перед Россией вместо слабого Ливонского ордена в Прибалтике оказались сильные противники — Литва, Швеция, Дания. Теперь удар был перенесен против Литвы. В 1563 г. русские войска вошли в Полоцк. Но дальше дела пошли хуже.

В январе 1564 г. у Полоцка русская армия была разбита войсками литовского гетмана Радзивилла Рыжего. В апреле изменил и перешел на заранее согласованных условиях в Литву один из ближайших к царю военачальников участник «Избранной рады» и взятия Казани князь А. М. Курбский. Летом под Оршей последовало новое поражение русских войск и одновременно произошел набег крымских татар с юга. Положение резко обострилось.

Измена Кубского и переход его на сторону врага не были случайностью — они выявили всю сложность внутривнутриполитического положения Российского государства в период установления самодержавия. Война с Литвой вызывала особенное недовольство

¹ См.: С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. «Ученые записки» МГУ, вып. 167. М., 1954.

знати, видевшей в политическом строе Великого княжества Литовского тот образец, который противостоял московской государственной централизации. Литва в течение нескольких столетий включавшая русские земли считалась как бы вторым Русским государством. Курбский уехал в Литву открыто и постарался как можно яснее объяснить причины своего поступка, прислав послание Ивану IV из литовского города Вольмара. Курбский недвусмысленно указал на то, что является причиной его расхождения с царем: установление единодержавия, оттеснение от власти княжеско-боярской знати. Аргументируя событиями недавних лет, Курбский утверждал, что дела государства шли хорошо, пока Грозный действовал вместе с мудрыми советниками — во время «Избранной Рады», и что полоса неудач и поражений началась с тех пор, как Грозный стал налагать опалы на ближайших сотрудников и подвергать их всяческим гонениям и казням. Близкий к «несчастителям» князь Курбский обвинял царя в том, что он слишком слушает церковников¹.

Иван Грозный ответил обширным посланием, в котором видны незаурядный ум и необузданный характер его автора. Грозный резко отверг всю концепцию Курбского. Во-первых, он ссылаясь на опыт боярского правления в 30—40-х годах, доведший страну до развала. Во-вторых, обвинял своих недавних советников в корыстолюбии и непонимании государственных интересов. В-третьих, формулировал идею «божественного происхождения» своей власти, настаивая на своей личной, индивидуальной ответственности перед богом за врученное ему государство. Поэтому власть царя должна быть неограниченной, никто, в том числе и церковники, не могут вмешиваться в дела светской власти. Все люди в государстве — холопы царя, который волен их и жаловать, и казнить. Интересы государства требуют сосредоточения всей полноты власти в одних руках.

Эту идею Грозный проводил настойчиво. Она красной нитью проходит через другое его послание Курбскому, написанное десять лет спустя, когда русским войскам удалось взять тот самый город Вольмар, откуда Курбский писал свое первое послание, и в ряде других его посланий. В духовном завещании, датированном обычно 1572 г., Иван IV последовательно развивает мысль о том, что государь должен сам в совершенстве знать все области государственного управления, чтобы иметь возможность контролировать ход государственных дел и принимать решения со знанием дела, а не по подсказке советников. Остро впечатлительный ум Ивана IV формировался в обстановке жестоких княжеско-боярских междоусобиц, и идея единовластия запала ему на всю жизнь как самое верное средство спасения государства от разорительных распрей знати. А особенности его характера — жесто-

¹ См.: А. М. Курбский. Соч., т. 1, СПб., 1914.

кость, подозрительность, садистские наклонности — придали борьбе Ивана IV за укрепление самодержавия самые ужасные и кровопролитные формы. Чтобы не впасть в ошибку при оценке событий в России в начале второй половины XVI в., нужно не забывать феодального характера страны, того, что государство все еще «распадалось на отдельные земли, частью даже княжества», как это пронизательно заметил В. И. Ленин в своей характеристике «московского царства», что еще очень сильны были «живые следы прежней автономии» и «бояре ходили на войну со своими полками».

Особенности как объективного положения государства, так и субъективных качеств его правителя привели к новому этапу внутренней борьбы, который связан с так называемой опричниной.

После некоторой подготовки царь принял необычное решение. Он покинул Москву, а в январе 1565 г. из Александровой слободы прислал в столицу два послания. В одном из них, адресованном Боярской думе, Иван IV заявлял о своем отказе от власти ввиду измен со стороны бояр и князей и просил выделить ему особый удел — так называемую опричнину. В другом послании, обращенном к московским посадским людям, царь говорил о том же и прибавлял, что на посадских людей у него гнева нет. Это был точно рассчитанный политический маневр. Используя царистские настроения народа и его ненависть к боярской знати, Иван IV хотел, чтобы его попросили вернуться на царство, а тогда можно будет продиктовать чрезвычайные условия. Что бояре побоятся принять отставку царя, когда московский народ взволнован его посланием, Иван IV не сомневался. Но ему нужно было, чтобы его именно попросили остаться царем, потому что только так можно было получить ту самую неограниченную власть, которой он домогался и которая никак не могла быть достигнута, ибо не считаться с Боярской думой и боярской аристократией было все же невозможно.

Когда же так и случилось, как рассчитывал Иван IV, он объявил об учреждении особого государева удела — «опричнины», в который отбирал земли по своему усмотрению. В опричнине устраивалось особое войско, которое помещалось на отошедших в государев удел землях. В опричнину были взяты не только лучшие в земледельческом и промысловом отношении земли, но и особо важные в военно-стратегическом отношении территории. Значительная часть Замосковского края и Новгородско-Псковской земли (непосредственно связанной с театром военных действий) попали в опричнину¹.

Чисто феодальным методом хотел справиться Иван IV с феодальной раздробленностью страны. Уничтожить удельную

¹ См.: Р. С. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966.

систему и ее пережитки Иван IV решил путем устройства нового, своего собственного удела, в который он отобрал самые важные в государственном отношении территории. На удел же феодалы не могли претендовать, поскольку они сами отстаивали удельный, вотчинный порядок.

Опричнина серьезным образом подрывала княжеско-боярское землевладение, хотя и не упраздняла его. С отошедших в государев удел земель вотчинники выселялись и получали земли на территории «земщины».

Вместе с тем, опричнина стала мощной военно-карательной организацией в руках царя. Обложив «земщину» огромным налогом в 1 000 рублей на заведение опричного войска, Иван IV создал своего рода полумонашеский, полурыцарский орден, основанный на щедрых земельных и денежных пожалованиях и беспрекословном повиновении царю. В черном одеянии, с притороченными к седлам собачьими головами и метлами (что должно было символизировать собачью преданность царю и готовность смести с лица земли его врагов) опричники клялись, вступая в службу, отречься даже от родителей и подчиниться только воле царя и поставленных им начальников. Никаких других законов для них не существовало. Опричники готовы были убивать, грабить, разорять любого, кто будет им указан¹. Возможность безнаказанного и легкого обогащения привлекла в ряды опричников немало свободных людей.

Учреждая опричнину, Иван IV выговорил себе право казнить бояр без суда Боярской думы, что и было главной целью всей этой меры. Сразу же после учреждения опричнины началась полоса казней бояр, ссылок их в монастыри. Удел старицкого князя Владимира Андреевича был ликвидирован. Опричный террор ударил не только по знати, но и по населению ее владений. Но прежде всего опричнина вызвала недовольство и озлобление против царя среди феодальных верхов. Митрополит Афанасий не захотел связывать себя поддержкой царя и оставил свое место главы церкви «по болезни». Другой представитель высшего духовенства — казанский епископ Герман попытался протестовать против опричных князей и был выслан. На митрополию был возведен призванный из Соловецкого монастыря игумен Филипп, бывший боярин Колычев.

К этому времени зашли в тупик мирные переговоры с литовскими послами. Иван IV настойчиво требовал перехода Риги под его власть, соглашаясь даже на уступку некоторых занятых русскими войсками территорий. Значение Риги как морского порта было ясно. Кроме того, московские дипломаты требовали воссоединения с Русским государством Украины и Белоруссии.

¹ См., например: Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

Литовская сторона соглашалась лишь на перемирие при сохранении существовавшего в то время фактического размежевания владений.

В сложной внутренней и внешней обстановке Иван IV был вынужден собрать Земский собор для обсуждения вопроса о продолжении Ливонской войны. На этом соборе, происходившем в 1566 г., дворяне решительно поддерживали правительство в отношении продолжения Ливонской войны. Такая позиция дворянства в немалой степени объясняется тем, что при овладении прибалтийскими землями там сразу же устанавливалось землевладение русских дворян¹, которые теперь, естественно, не желали расставаться со своими новыми владениями. В соборном приговоре содержалась также ссылка на интересы торговых людей, для которых отказ от ливонских городов означал бы «тесноты великие». Сложнее обстояло дело с вопросами внутренней политики. На соборе отчетливо прозвучало недовольство опричниной и даже осуждение ее. Ответом были новые смертные казни недовольных.

Но казни и репрессии лишь усиливали сопротивление враждебных царю сил. Осенью 1567 г. был раскрыт заговор боярина И. П. Федорова, подготавливавшего арест царя и выдачу его польскому королю. И. П. Федоров и другие заговорщики были казнены. Теперь против царя выступил сам глава церкви митрополит Филипп, отказавший царю в благословении. Ивана IV не остановил высокий сан церковного деятеля. Филипп был сослан в тверской Отрочь монастырь в нищенском одеянии, а потом во время похода через Тверь на Новгород ближайший сподручник царя по опричнине Малюта Скуратов убил Филиппа в монастырской келье. Положение внутри страны все более обострялось, а внешнеполитические дела были также безуспешными — переговоры о союзе с Англией и Швецией для завершения Ливонской войны ни к чему не привели.

Одновременно стали распространяться слухи о том, что Новгород снова, как и в конце XV столетия, замышляет отдаться под власть противника Российского государства в Ливонской войне — Великого княжества Ливонского². Иван IV сначала повторил ту же меру, что и его дед, осуществив массовый «вывод» из Новгорода и Пскова местной знати. Затем, после того как в Москву вызвали и там отравили князя Владимира Андреевича Старицкого, на которого уже в 50-х годах рассчитывали против-

¹ См.: Г. А. Новицкий. Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558—1582). «Вопросы истории», 1953, № 4.

² А. А. Зимин склоняется к тому, что слух об изменнических сношениях новгородцев с Литвой был «вымышленным предлогом» для карательных действий Ивана IV. См.: А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 304.

ники Ивана IV, царь в декабре 1569 г. отправился с опричным войском походом на Новгород.

Этот поход Ивана Грозного по собственной стране был одним из самых тяжелых проявлений опричнины. Города и села по пути были разграблены, жители подвергнуты разным казням, пыткам, насилиям. Разгрому подверглись Клин, Тверь, Торжок. Особенно лютовал Малюта Скуратов. Затем Иван IV вступил в Новгород и в течение сорока дней подвергал его разгрому. Были взяты все ценности в новгородских церквях и монастырях, над новгородским архиепископом учинили публичное поругание, возя его на коне в лохмотьях, с шутовским бубном, а потом заточили в монастырь. Опричники врывались в дома новгородцев, били и грабили всех подряд. Аресты и ссылки были массовыми. Во время этого похода погибли десятки тысяч людей, и не только бояр и церковников — крестьяне и горожане составляли главную массу истребленных и разоренных людей. Потом царь подошел к Пскову, но ограничился лишь взятием контрибуции и казнями нескольких заподозренных в измене лиц.

Что разгром Новгорода и других территорий, по которым прошло опричное войско, был проявлением жестокости Грозного, а также разгула его слуг-опричников, сомневаться не приходится. Несомненно также и то, что поход 1570 г. нанес громадный урон наиболее развитой части России и ухудшил положение в войне. Но вместе с тем приписать этот разгром одной только бессмысленной жестокости Ивана IV нельзя. М. Н. Тихомиров справедливо отметил, что, «игнорируя сведения об особой новгородской старине и вольностях XVI в., историки не могут объяснить крайнюю свирепость Ивана Грозного по отношению к новгородцам в 1570 г. и относят ее целиком к ненормальным психическим свойствам. Но гнев Ивана Грозного был проявлением не только его ненормальной жестокости, но и определенных политических тенденций. Повесть о разгроме Новгорода в 1570 г. прямо пишет, что царь ополчился на «градских жителей». Среди них указаны и владычные дети боярские, та категория служилых людей, которая всеми своими корнями была связана с новгородским прошлым. У новгородских горожан, несомненно, существовало оппозиционное настроение, направленное против самого царя и продолжения Ливонской войны, разорявшей в первую очередь Новгород и подрывавшей его торговлю с зарубежными странами»¹. Этот вывод М. Н. Тихомирова указывает на большую сложность проблемы опричнины в целом, на ее значение в борьбе против весьма сильных пережитков феодальной раздробленности.

Существует в литературе и другое мнение о том, что опричина была направлена не против пережитков раздробленности, кото-

¹ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 281.

рых, якобы, уже не существовало во второй половине XVI в., а против крестьянства, что опричнина была подобно английским «огораживаниям» XVI в. «чисткой земель под крепостничество», что, следовательно, основной целью опричнины было разорение крестьян для того, чтобы затянуть на крестьянстве петлю крепостного права¹. Не останавливаясь на бесспорном факте существования более чем значительных «живых следов прежней автономии», отметим, что параллель с английским «огораживанием» не может быть принята по той причине, что в Англии разорение крестьянства подготавливало почву для утверждения капиталистического производства, которое требует освобожденного от средств производства пролетария. Для крепостничества же разорение крестьян бессмысленно, потому что «безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации»². Наделение непосредственного производителя орудиями и средствами производства являлось, как многократно подчеркивал В. И. Ленин, необходимым условием крепостнического хозяйства, без которого невозможно получение прибавочного продукта. Разорение крестьян не могло быть поэтому самоцелью опричной политики. Даже с точки зрения обеспечения государственных доходов подрыв крестьянских хозяйств, учиненный опричниками, был делом совершенно бессмысленным и вредным, противоречащим интересам самого крепостнического государства.

Но в опричных казнях и расправах над народом цель все же была. Она заключалась в том, чтобы крайними террористическими мерами подавить сопротивление народных масс, запугать и сломить народ. Народное недовольство давало себя знать и в неповиновениях крестьян своим владельцам, и в так называемых разбоях и татьбах, и в распространении вновь еретических учений, среди которых особенно выделялись проповеди бывшего холопа Феодосия Косого. Феодосий требовал равенства всех людей на земле, отказывался признавать власть и богатство, отрицал церковь и церковнослужителей. Его проповедь, гневно названная церковниками «рабьим учением», нашла немало последователей. Есть данные, свидетельствующие о целых общинах сторонников этого учения. Когда же их стали подвергать преследованиям, то в 60-е годы Феодосий ушел в Литву³. Был или не был заговор у новгородцев, но связи оппозиционных элементов с Литвой во второй половине XVI в. оставались таким же фактом, как и раньше и позднее этого времени.

¹ См. изложение доклада С. М. Дубровского в журнале «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 195; см. так же: С. М. Дубровский. Против идеализации деятельности Ивана IV. «Вопросы истории», 1956, № 8.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 17 стр. 72.

³ См.: В. И. Корецкий. К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого. «Вестник МГУ». М., 1956, № 2.

Опричный террор был попыткой силой подавить сопротивление не только боярской знати, но и народных масс, опричнина была направлена против пережитков феодальной раздробленности и против антифеодальных выступлений народа; он имел целью укрепить феодальный строй в форме централизованного самодержавного государства. Объекты, по которым опричнина наносила удар, были не вымышленными, а вполне реальными — они лежали в плоскости классовых и внутриклассовых отношений в России второй половины XVI в. Но так как это была попытка грубой силой сломать то, что покоилось на определенных экономических основах, свойственных тому же самому феодальному способу производства, то опричнина могла дать лишь временный, неустойчивый эффект и привести затем к еще большему обострению противоречий. Законы экономического развития нельзя преодолеть никакими казнями и репрессиями.

Что касается крестьянства, то опричная политика привела к разорению массы крестьян, к бегству их из центральных и северо-западных уездов, а, следовательно, к подрыву феодального хозяйства в наиболее важных районах страны. Кроме того, опричный террор вызвал ответное сопротивление народа, вылившееся со временем в восстания еще невиданного ранее на Руси масштаба.

Относительно же господствующего класса надо сказать, что и здесь опричная политика окончилась в общем провалом. Мало того, что в опричнине скоро оказались многие крупные феодалы и монастыри, желавшие таким образом спастись от истребления, и что из среды опричников выростала новая знать, не отличавшаяся по своим замашкам от старой. Уже в 1570 г. Иван IV обнаружил измену среди самих опричников. Ближайшие к царю опричники — Басмановы и Вяземские были биты кнутом и сосланы.

Не дала опричнина результатов и для ведения Ливонской войны. Положение еще более осложнилось тем, что силы противников России увеличились, когда в 1569 г. Литва и Польша объединились в одно государство — так называемую Речь Посполитую (по Люблинской унии). Дипломатические усилия Ивана IV, вплоть до проектов создания Ливонского королевства под протекторатом России и выдвижения собственной кандидатуры на пустовавший одно время польский королевский трон, не давали результата. Осада Ревеля в 1570 г. оказалась безуспешной. В 1571 г. последовал новый удар — на этот раз с юга. Крымский хан Девлет-Гирей, находившийся в связи с Речью Посполитой, вторгся в самый центр России и сжег Москву. Опричное войско, храброе во время грабежей и казней беззащитных людей, оказалось никуда не годным в боевых действиях и не смогло противостоять крымским татарам. Крымский хан уже строил планы восстановления татарского ига над Русью, отторжения Казани и

Астрахани. В следующем году Давлет-Гирей повторил набег, но на этот раз его встретили войска под командованием князя М. И. Воротынского. На реке Молодь, близ Серпухова, татары потерпели поражение.

Все это привело к тому, что в 1572 г. Иван IV не только отменил опричнину, но даже запретил под страхом смертной казни упоминание этого слова. «Земщина» была вновь объединена с бывшей опричниной под одной властью, хотя и до этого Иван IV фактически правил и той, и другой частями страны. Началась новая перетасовка земель. Часть земель была возвращена их прежним владельцам — Иван IV метался от одних лиц и группировок к другим, ища поддержки и в то же время видя повсюду заговоры и измены. Казни продолжались — были казнены князья Воротынский и Мстиславский.

Между тем, Ливонскую войну все еще не удавалось закончить. Во второй половине 70-х годов началось новое наступление русских войск в Прибалтике, приведшее к овладению почти всей ее территории. Но успехи были недолговременными. Уже в 1578 г. русские войска потерпели ряд поражений. В 1579 г. шведы вторглись в Новгородскую землю, а новый польский король Стефан Баторий штурмом взял Полоцк. В следующем году положение стало еще хуже — Баторий взял Велиж и Усвят и осадил Великие Луки, а с юга снова совершили нападение крымские татары. В 1581 г. Стефан Баторий подошел к Пскову. Только героическая оборона псковичей против стотысячного польско-литовского войска изменила исход войны. 31 штурм был отбит псковичами, 46 раз они совершали смелые вылазки в стан осаждающих. Неудача осады Пскова вынудила Стефана Батория заключить в 1582 г. мир с Россией, по которому прежние границы России оставались неизменными. О заключении мира хлопотала католическая церковь, представитель которой Антонио Поссевино явился в Москву и всеми силами старался использовать трудное положение Российского государства к выгоде католической Речи Посполитой. Но героическая оборона Пскова позволила сохранить территориальные пределы России.

В следующем, 1583 г. было заключено перемирие со Швецией, которая получила Ям, Копорье, Ивангород; в руках России оставался лишь небольшой участок балтийского берега с устьем Невы, где не было крепостей и городов.

Неудача в Ливонской войне была следствием прежде всего отсталости экономики средневековой феодальной России, которая не могла выдержать длительного напряжения и обеспечить военные силы всем необходимым. Эта неудача была также результатом неблагоприятно развернувшихся международных событий, а также острой внутренней борьбы в Российском государстве. Силы страны были подорваны опричниной. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что одновременно пришлось

вести борьбу с татарскими нападениями — из 24 лет войны 21 год отмечен вторжениями крымских татар — опасность вторжений и в XVI в. по-прежнему грозила России и отвлекала ее силы¹.

Спустя год после перемирия со Швецией, в 1584 г., Иван IV умер.

Уже со времен правления Ивана Грозного был начат его современниками и продолжается донныне историками, писателями, художниками — в нашей стране и за ее рубежами — спор об оценке его личности и значении его деятельности. Крайне противоречивы мнения, высказанные в литературе и искусстве об Иване Грозном, так же, как противоречива и контрастна его политика, как полна противоречий вся эпоха становления и укрепления единого Российского государства. Умный и подозрительный, жестокий и дальновидный, образованный и суеверный, настойчивый и непоследовательный, энергичный и знавший полосы депрессии, Иван IV был, по всей видимости, душевно неуравновешенным человеком, а с годами патологические особенности его психики сказывались все более.

Но был бы глубоко неправ тот, кто захотел бы оценить весь ход исторического развития России XVI в., связав и обусловив его только личностью Ивана IV — даже такой властной и сильной. Историческая наука давным-давно отказалась от мысли, что ход истории определяется волей царей, королей, полководцев и прочих властителей. Признавая и отнюдь не сбрасывая со счета то большое влияние, какое оказывала та или иная личность на ход событий в государстве, мы не можем признать это влияние определяющим, решающим фактором исторического процесса. Иван IV действовал в тех исторических условиях и в той обстановке, которая зависела не от его произвола, а имела объективное происхождение. Он мог действовать «лучше» или «хуже» с точки зрения интересов своего класса, выразителем интересов которого он был, он мог содействовать или мешать объективным процессам исторического развития, но создать или отменить эти процессы он не мог. А процессы эти в середине и второй половине XVI в. в конечном счете сводились к развитию и укреплению централизованной феодальной монархии, единого Российского государства, создание которого было фактором исторического прогресса.

В этом отношении большой интерес представляют суждения такого глубокого и проницательного мыслителя, каким был К. Маркс, об Иване Грозном. Он основывал свои суждения на труде Н. М. Карамзина, отрицательно относившегося к Грозному за гонения на боярскую аристократию. К. Маркс в соответствии с приведенными Карамзиным материалами отметил два периода

¹ См.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948 (гл. 1).

в правлении Грозного: период успехов в области внешней политики, «так же как и в области законодательства», который «совпадает со временем управления Адашева и влияния Сильвестра», и «период сумасбродств Ивана», который «начался с падения Адашева и Сильвестра». К. Маркс упоминает о «кровавой бане», устроенной Иваном IV в Новгороде и Твери, но окончательный вывод делает такой: «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр I им восхищался»¹.

Ни идеализация образа Ивана Грозного, получившая распространение в 40-х годах, особенно в художественной литературе и киноискусстве, ни огульное осуждение его деятельности, вплоть до рассуждений о том, что в России и не нужно было укреплять централизованное государство и что развитие «лучше» могло бы пойти по пути, свойственному Речи Посполитой с ее шляхетской «демократией», — не могут быть приняты наукой, которая должна оценивать исторические явления во всей их сложности и противоречивости и избегать догматического раскладывания их по «полочкам» однозначных оценок. Шестнадцатый век был трудным в истории России, но он был временем движения вперед — мучительного, сопряженного с кровью, войнами, насилиями, гнетом. Иначе в обществах, построенных на классовом антагонизме, в истории и не могло быть — движение вперед сопровождалось угнетением народных масс, ухудшением их положения. Это общая закономерность, только принявшая в России XVI в., как и в ряде других стран, более жестокие и тяжкие формы, что тоже объяснимо условиями исторического развития страны.

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII. М., 1946, стр. 165.

Л Е К Ц И Я 7

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И БОРЬБА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XVII в.

Если вторая половина XVI столетия прошла в острых внутренних кризисах и длительных войнах с внешними врагами, то последовавший затем период характеризовался еще большим обострением внутренних и внешних противоречий в Российском государстве. Сложный комплекс этих событий был назван современниками, а за ними и дореволюционными историками «смутным временем», но название это отражает лишь внешнюю сторону событий, и то неполно. В действительности это был важный, в ряде отношений переломный этап развития и укрепления Российского государства, когда неразрывно сплелись и достигли большого обострения несколько групп противоречий, свойственных всему периоду формирования и развития средневекового Российского государства. Это были противоречия классовые, внутриклассовые и международные. Как и на других этапах развития средневековой России, антифеодальная борьба переплелась неразрывно с борьбой против внешних врагов, за независимость страны, а борьба между группировками господствующего класса оказала прямое воздействие на ход классовой борьбы и борьбы с внешними врагами.

Но если сами по себе противоречия внутреннего и внешнего развития средневековой России выявились уже давно, то этап их развития в конце XVI — начале XVII столетий весьма существен-

но отличался от предыдущих. Рассмотрим теперь эти противоречия в конкретных условиях и проявлениях того времени.

Первая и самая важная проблема — новый этап в развитии системы крепостного права. Крепостничество как система отношений между феодальными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами установилось еще во времена Киевской Руси. Именно в этом смысле — как синоним понятий «феодализм», «феодальный строй» — часто употреблял понятия «крепостничество», «крепостное право» В. И. Ленин. Когда же мы говорим об установлении крепостного права и системе закрепощения населения России в XVI—XVII вв., то мы имеем в виду ту юридическую форму феодально-крепостнических отношений, которая сложилась в России указанного времени. Здесь речь идет не о возникновении нового типа общественно-экономических отношений, а о новой форме этого типа, существовавшего издавна. На многообразии форм феодальной зависимости неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма, говоря, что они могут варьироваться от тяжелых порядков крепостного права до легких оброчных обязанностей — сущность тут одна, хотя формы и степень развития этих отношений разные. Существует, правда, мнение С. М. Дубровского о том, что феодализм и крепостничество — это разные формации, но оно не получило поддержки у историков, как необоснованное ни с теоретической, ни с конкретно-исторической стороны.

Та система крепостного права, которая оформилась в России на рубеже XVI—XVII вв., складывалась постепенно. Еще в период объединения русских земель вокруг Москвы в 50-х годах XV в. правило Юрьева дня стало закрепляться в качестве привилегии феодалов, которые получали право разрешать выход своих крестьян только раз в год (в Новгородской земле таким сроком было «Филиппово заговенье» — 14 ноября). Затем Судебник 1497 г. установил это правило в качестве общегосударственного закона, а Судебник 1550 г. закрепил его. Полное запрещение крестьянского выхода было, однако, невыгодно феодалам, нуждавшимся в рабочей силе, да и не было реальным при отсутствии достаточно сильного государственного аппарата, могущего обеспечить розыск и возврат беглых крестьян.

Ливонская война и опричнина привели к хозяйственному упадку и запустению наиболее развитых северо-западных и центральных областей России. Население массами бросало обжитые места и устремлялось на окраины, подальше от помещиков и царских властей. Переселение на окраины становилось тем более возможным, что за время правления Ивана Грозного южная граница России передвинулась далеко от окского берега. Теперь засечные черты проходили в верховьях Дона, охраняя плодородную черноземную степь от внезапных вторжений. Хотя нападения крымских татар еще не раз случались, тем не менее южная

«украина» государства стала заселяться, а помещенные на укрепления государевы служилые люди были заинтересованы в притоке рабочей силы.

Из беглых крестьян и отчасти горожан с конца XVI столетия на Дону стало формироваться свободное казачество. Оно явилось не только питательной средой, но и организующим центром массовых антифеодальных выступлений. Объясняется это тем, что казачество было военной силой. Оно вело постоянную борьбу против турецко-татарских набегов на юге. Казачество имело организацию демократическую, но военную. Власть была выборной, но подчинение этой власти было беспрекословным.

Бегство населения из центра ставило основную массу феодалов и государство в трудное положение, так как они лишались рабочих рук, плательщиков налогов. Тяжесть восстановления разрушенного войной и опричниной хозяйства землевладельцы и государство рассчитывали переложить на плечи народа. Для того чтобы обеспечить сохранение контингента рабочей силы и плательщиков налогов, правительство стало начиная с 30-х годов XVI в. временно налагать «заповедь» на право выхода крестьян в Юрьев день. Годы, в которые отменялось это право, назывались «заповедными». Эта мера повторялась год за годом и фактически свела на нет правило Юрьева дня, вследствие чего и родилась, видимо, горькая поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». Не вполне ясно, были ли заповедные годы введены сразу для всей страны или же они первоначально устанавливались как временная мера для определенных территорий. Скорее предположить последнее. Важно обратить внимание на другое обстоятельство, обычно остающееся незамеченным в литературе: «заповедные годы» распространялись не только на частновладельческих (помещичьих, боярских, монастырских, митрополичьих) крестьян, но и на государевых — черносошных и дворцовых. И не только на крестьян — населению городских посадов и слобод тоже запрещено было в эти годы покидать свои места. Таким образом, закрепостительная политика распространялась на все слои населения страны, что соответствует всему направлению правительственной политики Российского государства с самого начала его формирования.

Вопрос о том, как дальше шло оформление системы крепостного права, вызвал большие разногласия в литературе. Известен царский указ 1597 г., повелевающий разыскивать и возвращать прежним владельцам всех беглых и вывезенных насильно крестьян в течение пятилетнего срока — о Юрьевом дне в таких условиях не могло быть и речи. На этом основании давно уже было высказано предположение, что, по всей видимости, в 1592 г. должен был появиться указ о запрещении выхода крестьян, и если текст его не обнаружен, то это объясняется лишь состоянием архивов. По-другому подходил к этому вопросу В. О. Ключев-

ский, полагавший, что указа этого не нашли по той простой причине, что его никогда не было. Закрепощение крестьян совершилось, по мнению Ключевского, без прямого вмешательства государства, на основе долговой зависимости крестьян от землевладельцев и распространения на таких зависимых крестьян привычного правового положения, в котором издавна находились кабальные холопы. Советский историк В. И. Корецкий обнаружил документы, в которых упоминается о существовании пятилетнего срока розыска и возврата вывезенных крестьян уже в середине 90-х годов, до указа 1597 г.¹ И хотя полная картина развития законодательства по крестьянскому вопросу в конце XVI в. еще не вполне ясна, не приходится сомневаться ни в том, что именно в это время произошло коренное изменение положения крестьян, лишенных права выхода от своих владельцев, ни в том, что это было сделано при активном участии государства, которое не только выражало интересы массы феодалов в этом вопросе, но и преследовало свои цели. Оно выступало само как феодальный эксплуататор крестьян и горожан.

Оформление крепостной зависимости крестьян привело к новому обострению классовой борьбы. Уже в 80-х годах, как свидетельствуют источники, участились нападения крестьян на помещиков. Монастыри стали усиленно приобретать в городах оружие для защиты «от лихих людей». Массы разоренных людей, не хотевших попадать в вечное прикрепление к земле, уходили в леса, нападали на помещиков, монастыри, грабили и убивали феодалов. В 1591 г. произошло восстание горожан в Угличе, был раскрыт заговор холопов в самой столице, которую доведенные до отчаяния холопы намеревались поджечь. В 1594—1595 гг. большие волнения произошли в вотчинах близкого от Москвы Иосифова Волоколамского монастыря. Крестьяне перестали выполнять повинности, убивали монастырских управителей. Волнения происходили также во вновь осваиваемых юго-западных районах страны.

Обострение классовой борьбы оказывало прямое воздействие и на внутриклассовые отношения, и на международное положение Российского государства.

Как было отмечено, опричнина Ивана Грозного не разрешила противоречий внутри господствующего класса и дала лишь временный, но крайне дорого обошедшийся эффект в укреплении централизованной самодержавной власти. Что силы, враждебные самодержавному правлению из числа феодальной знати, не были сломлены, ясно свидетельствуют события, происшедшие после смерти Ивана IV.

Его преемником стал сын Федор Иванович (старший сын —

¹ См.: В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XV — начале XVI вв. «История СССР», 1957, № 1.

Иван — был убит отцом в припадке гнева в 1581 г.). Выросший в обстановке опричных ужасов, царь Федор был слабоумным. Власть вскоре фактически перешла к шурина царя Федора — боярину Борису Федоровичу Годунову, вышедшему из опричнины, политику умному и хладнокровному. Борьба за власть и влияние при царе продолжалась с той же ожесточенностью, что и прежде, как будто и не было физического истребления противников единодержавия, на что так надеялся Иван IV. В ту же ночь, как умер Иван Грозный, приверженцы Федора Ивановича арестовали и отправили в ссылку родственников царя Ивана по его последней, седьмой жене — Нагих. Малолетнему сыну Ивана от Марии Нагой, царевичу Димитрию, потенциально могшему стать знаменем борьбы противников царя Федора за трон, был дан «в удел» город Углич, куда он и был удален.

Борис Годунов продолжал ту же политику, что и Иван Грозный, хотя и не прибегал к массовым казням и кровопролитиям. Он издавал указы, укреплявшие положение служилых людей, предпринимал меры к укреплению границ и городов. При нем были изданы те указы о прикреплении крестьян и отмене Юрьева дня, о которых шла речь выше. Так называемое посадское строение Бориса Годунова (когда учитывалось население посадских слобод и сотен и была предпринята попытка вернуть в них людей, ушедших на частновладельческие дворы и слободы в городах) было одним из звеньев все той же политики феодального государства, стремившегося закрепить массу населения в деревнях и городах, чтобы обеспечить устойчивое выполнение государственных повинностей и уплату налогов, — политики крепостнической и по целям, и по методам ее осуществления. Была принята важная мера по отношению к церкви — в 1589 г. учреждено патриаршество, и русская церковь стала совершенно самостоятельной по отношению к другим православным церквям силой.

В 1590 г. Б. Ф. Годунову удалось несколько укрепить международное положение Российского государства, когда в результате непродолжительной войны со Швецией Россия вернула то, что было утеряно по перемирию 1583 г. и закреплено Тязвинским миром. Тут же пришлось отбивать вторжение крымского хана Казы-Гирея, дошедшего в 1591 г. до самой Москвы.

Но внутреннее положение у Б. Ф. Годунова было крайне непрочным ввиду продолжавшегося сопротивления знати централизаторской политике, проводимой им, и стремления различных ее группировок к власти. В 1591 г. царевич Димитрий погиб в Угличе при не очень ясных обстоятельствах. Тотчас стал распространяться слух о том, что царевича убили (что и послужило поводом к упомянутому восстанию в Угличе) люди, подосланные Годуновым, который желал избавиться от последнего сына Ивана Грозного, чтобы расчистить себе в будущем дорогу к трону.

Те, кто являлся непосредственным свидетелем гибели царевича, были заподозрены в убийстве и тут же убиты. Следственная комиссия во главе с боярином В. И. Шуйским составила заключение так хитроумно, что толковать его можно было по-всякому. Официально же было объявлено, что Димитрий погиб в результате несчастного случая, напоровшись во время припадка эпилепсии, которой он страдал, на нож. Скоро, однако, к слухам о смерти Димитрия прибавился еще более будораживший слух о том, что царевичу удалось спастись и что убит был не он. Все это колебало положение Годунова.

Тем не менее Годунов продолжал серию мероприятий по укреплению государства и его границ. Замечательный мастер-градостроитель Федор Конь возвел по поручению Годунова новые крепости в Москве (Белый город) и в Смоленске. Строительство крепостей производилось, как обычно, путем феодальной повинности, таким же способом обеспечивалось и производство кирпича.

В 1598 г. царь Федор Иванович умер, и после трехкратного отказа и нарочито подстроенных «опрашиваний» народа Борис Годунов согласился венчаться на царство. Процедура отказов и уговоров нужна была ему для того, чтобы приобрести необходимую силу в будущем — не принадлежа к царскому роду, он, по средневековым понятиям, не имел права на занятие трона. Только «подчинение просьбам» оправдало избрание его на царство, что было осуществлено Земским собором. Возведение Годунова на царский трон, однако, не только не разрешило, но еще более усилило противоречия среди феодалов, часть которых продолжала упорно бороться за сохранение давних привилегий, ликвидацию тех порядков, которые установились при Грозном и оттеснили на задний план все более усиливавшихся служилых людей — дворян. Обострение классовых противоречий в стране в связи с закрепощением послужило противникам Годунова подходящим стимулом для того, чтобы направить против него, издававшего крепостнические указы, народное недовольство и добиться своих целей.

Благоприятствовало их замыслам и осложнение внешнеполитического положения России. Исход Ливонской войны не разрешил конфликта между Россией и Речью Посполитой. Русское государство было заинтересовано в завершении государственного объединения всей русской территории, значительная часть которой все еще находилась под властью Речи Посполитой. На Украине и Белоруссии также усиливалась ориентация на Россию, в особенности после того, как вслед за Люблинской унией 1569 г. на этих землях стало устанавливаться жесткое господство польских магнатов и шляхты, а после Брестской церковной унии 1596 г. началось усиление католической церкви. Магнаты и шляхта и стоявшая за ними католическая церковь стремились к даль-

нейшему расширению своих владений на Востоке. Их привлекала богатая Смоленская земля, Северские земли, находившиеся около столетия тому назад в составе Великого княжества Литовского. Кроме того, католическая церковь была серьезно озабочена проблемой восстановления источников своих доходов, после того как реформация середины XVI в. увела ряд европейских стран из лона католической церкви в протестантизм. Отсюда резко усилилась активность католической церкви на Востоке Европы, где она намеревалась компенсировать понесенные ею недавно потери.

Вскоре после окончания Ливонской войны Стефан Баторий стал готовиться к новому походу на Россию, но в разгар подготовки к этому походу в 1586 г. он умер. Начавшееся обычное в Речи Посполитой длительное бескорольеве с конфликтами разных группировок шляхты и магнатов временно отвело угрозу нового нападения. Затем, как было уже отмечено, Борис Годунов сильно укрепил западную границу созданием мощной Смоленской крепости — великолепного образца крепостного зодчества. Наконец, в 1600 г. Годунову удалось добиться важного дипломатического успеха заключением «перемирных лет» с Речью Посполитой, что связывало агрессию польско-литовских правителей. Одновременно на последовавшее с польско-литовской стороны предложение об объединении обоих государств — России и Речи Посполитой — был дан отказ, потому что такое объединение могло быть выгодно только польско-литовским магнатам и католической церкви, которые вновь, как и столетием назад, желали переложить на Россию главную тяжесть борьбы против султанской Турции, а заодно и проникнуть на привлекавшие их русские земли.

Но противоречия не были устранены, и очень скоро все они выявились с новой силой, сплетаясь в сложный и острый узел глубоких потрясений, охвативших Россию с первых лет XVII столетия.

Уже в 1598 г., вступая на престол, Борис Годунов освободил заключенных, сложил недоимки по налогам и податям, предоставил некоторые льготы служилым и посадским людям в выполнении государственных повинностей. Все это должно было смягчить остроту классовых противоречий и предотвратить явно назревавшее народное восстание. А то, что оно назревало, было ясно современникам. Англичанин Джильс Флетчер, бывший в то время в России, прямо писал об этом.

События ближайших лет показали, что никакими мерами предотвратить народные выступления было уже нельзя. Положение в стране еще более ухудшилось в связи с голодом. В 1601 г. в центральных областях России более двух месяцев шли непрерывные дожди, а потом очень рано, в середине августа, ударил мороз. Скоро выпал снег, и весь урожай пропал. Быстро под-

нялись цены на хлеб — в шесть и более раз. Попытка Годунова установить предельную цену на хлеб была, разумеется, безуспешной, хотя и была подкреплена репрессивными мерами. Спекулянтов публично били кнутом на площадях, но попадались только мелкие из них, в то время как крупные феодалы придерживали хлеб, ожидая дальнейшего повышения цен. Толпы голодных людей ходили по дорогам, собирались в городах, нападали на обозы. В ноябре 1601 г. Борис Годунов временно отменил запрет крестьянам уходить от своих владельцев.

На следующий год положение стало еще хуже. Посев семенами предыдущего года не дал хороших всходов, а летом опять ударил мороз. Цены на хлеб продолжали расти и теперь превышали прежние в сто и более раз. К голоду прибавились эпидемии, и началось массовое вымирание населения. По улицам городов и на дорогах лежало множество мертвых и умирающих от голода людей. Ели кошек и собак, местами началось даже людоедство. Две трети населения вымерло на севере страны. Только на трех кладбищах Москвы было похоронено 127 тыс. человек, а всего в Москве погибло, по-видимому, около полумиллиона человек (десятки и сотни тысяч голодных людей пришли в те годы в столицу, надеясь найти там спасение. Были организованы государственные работы, в том числе завершение строительства колокольни Ивана Великого в Кремле, но спасти огромную массу людей они не могли).

Между тем хлеб в стране был. Большие запасы хлеба хранились в монастырях. В Кирилловом Белозерском монастыре было 250 тыс. пудов свободного хлеба, что хватило бы на прокормление 10 тыс. человек в течение года. Соловецкие монахи занимались спекуляцией — покупали хлеб по рублю за четверть (около 200 кг; до голода она стоила 15—16 коп.), а продавали по полтора, так же поступали и троицкие монахи. Сам патриарх Иов ждал повышения цен и не продавал свой хлеб, хотя возносил молебны и составлял поминальнички умершим от голода. Монастыри пользовались народным бедствием и закабалили в эти годы множество обнищавших крестьян. Только осенью 1061 г. Иосифов Волоколамский монастырь раздал 548 так называемых долговых кабал¹.

Правительство Годунова предприняло частичную раздачу хлеба в «милостыню», в то же время пыталось усилением репрессий по «татебным и разбойным делам» погасить уже вспыхивавшие очаги нового народного восстания. В 1602—1604 гг. происходило много волнений крестьян в дворцовой Комарицкой волости, вотчинах Ново-Печерского Свенского, Болдина Доро-

¹ См.: В. И. Корецкий. Голод 1601—1603 гг. в России и церковь. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. VII. М., 1959.

гобужского, Новодевичьего и других монастырей. Зимой 1602 и 1603 гг. карательные отряды дворян действовали во многих подмосковных районах, охваченных массовыми «татьбами и разбоями».

Рост народного недовольства старались использовать в своих интересах те феодальные группировки, которые были враждебны Годунову. Духовные феодалы — церковь — проповедовали, что голод — это наказание за грехи, за Годунова, за преследования бояр, а также за то, что холопы не слушаются своих господ. Тем самым церковь стремилась не допустить размаха народного движения и подорвать, если не свергнуть, власть Годунова. В свою очередь, Годунов разрешил холопам уходить от своих господ, если те не могли их прокормить. Тем не менее в 1604 г. все Подмосковье было охвачено массовым движением холопов под предводительством Хлопки. Посланный во главе войска против холопов царский воевода И. Ф. Басманов был убит в сражении с ними. Восстание было, однако, подавлено, а Хлопка, захваченный раненым в плен, казнен в Москве.

Народное восстание, однако, только еще поднималось. Опять тесно сплетались различные по характеру социальные противоречия, и снова народное возмущение, как и всегда в средневековье, старались направить в свою пользу соперничающие феодальные группировки. Теперь они решили использовать свойственные тогда народу царистские настроения, его наивную веру в «доброго царя», чтобы силой народа свергнуть Годунова.

Давно уже распространялись слухи о том, что царевич Димитрий жив. Теперь этими слухами воспользовались для выдвижения самозванца, объявившего себя «Димитрием», «чудесно спасшимся». По всей видимости, человек этот был беглым монахом Чудова монастыря в Москве Григорием Отрепьевым. Появился самозванец в Польше, вошел в тесные сношения с польскими магнатами, с королем и представителем римского папы — нунцием в Варшаве. Было заключено несколько тайных соглашений — о том, что по достижении с помощью католической церкви московского престола «Димитрий» поможет Речи Посполитой в войне со Швецией, отдаст Северскую землю, сверх того Псков, Новгород и половину Смоленской земли, а также большие суммы денег магнатам Мнишкам, с представительницей которых Мариной он обручился. Самозванец тайно перешел в католическую веру и обещал папскому представителю содействовать распространению католицизма в России. Таким образом авантюрист не скупился на обещания и готов был нанести огромный ущерб национальным интересам России, лишь бы дорваться до власти.

Но дело было в том, что авантюра «Димитрия» не была его личным делом. По меткому замечанию В. О. Ключевского, он был «лишь испечен в польской печке, а закован в Москве». Идея выдвижения самозванца принадлежала определенным кру-

гам феодальной знати, недовольной продворянской политикой Годунова и решившей за отсутствием действительного прямого наследника царя Ивана Грозного заменить его подставным. При этом знать откровенно ориентировалась на иноземные силы, на Речь Посполитую — подобно тому, как это делал в свое время А. М. Курбский, а еще раньше соперники московского великого князя, постоянно входившие в сношения с Литвой и искавшие у нее поддержки в борьбе против московского единодержавия. С другой стороны, вариант с самозванцем более чем подходил для магнатско-шляхетских кругов в Польше, потому что он давал возможность осуществить агрессивные замыслы под вполне пристойным флагом поддержки «законного» царя.

В конце лета 1604 г. войско самозванца двинулось из Львова. «Димитрий» избрал путь не через сильно укрепленный Смоленск, а через охваченные крестьянскими волнениями юго-западные Северские земли. Расчет на царистские настроения народа первоначально оправдался вполне. Не только крестьяне и казаки, но и значительная часть служилых людей перешли на сторону самозванца. Последние надеялись с его помощью избавиться от засилья бояр — все связывали свои интересы с этой авантюрой. Город за городом сдавались «Димитрию». Но в начале 1605 г. Годунову удалось разбить самозванца. Самозванца укрыли местные крестьяне, а потом снова собрались силы под его знаменем и двинулись на Москву. В столице народ с нетерпением ждал прихода «Димитрия», веря, что с ним установится «справедливый» порядок. Казни и пытки заподозренных в сочувствии самозванцу еще более накаляли обстановку. Если народ верил, что самозванец — «настоящий», законный царь, то знать, конечно, очень хорошо знала, с кем имеет дело, и тем не менее — или именно поэтому — переходила на сторону «Димитрия», связывая с ним свои расчеты. Внезапная смерть Бориса Годунова (апрель 1605 г.) ускорила развязку событий. Вскоре поднялось восстание против его наследника, сына Федора, которого убили, и в июне 1605 г. Лжедимитрий триумфально вступил в Москву. На глазах у людей произошла инсценированная встреча его с Марией Нагой, «признавшей» в нем своего сына.

Воцарившись в Москве, Лжедимитрий, однако, не спешил с выполнением обещаний. Он и не мог их выполнить, потому что слишком разнородны были силы, поддерживавшие его, и цели у них были разные. Все же некоторые меры для укрепления своей власти Лжедимитрий предпринял. Он осыпал милостями отесненных Годуновым родственников первой жены царя Ивана Грозного — Романовых, которые были возвращены из ссылки, а Филарет Романов поставлен ростовским митрополитом. Были даны новые привилегии служилым людям. Уход крестьянам разрешался теперь только в случае угрозы голодной смерти, пятилетний же срок сыска беглых крестьян восстанавливался, что

было на руку южным помещикам, которые по истечении пяти лет могли не беспокоиться о пришедших к ним крестьянам. Город Путивль, активно поддержавший самозванца, на десять лет освобождлся от всяких налогов и повинностей. Лжедмитрий понимал, что наиболее реальной опорой власти являются служилые люди и верхушка посада, и действовал сообразно этому.

Все это вызвало недовольство московской знати. Стольник Иван Безобразов тайно приехал к польскому королю Сигизмунду с жалобой на «Димитрия» и просьбой дать на Москву в царя человека более «разумного» — яркое свидетельство тому, что авантюра самозванца была устроена знатью. На московский трон посланец просил сына короля — Владислава. Сигизмунд от прямого ответа уклонился, но дал понять, что мешать осуществлению таких планов не будет. Между тем и духовные феодалы тоже стали враждебно относиться к Лжедмитрию, потому что тот обложил налогами монастыри и находился в очевидных связях с католической церковью. Но главной силой, решившей судьбу Лжедмитрия, были народные массы, которые довольно скоро распознали в нем насильника и защитника интересов господ. Терпение народа иссякло еще в связи с тем, что польские шляхтичи, прибывшие в Москву, глумились над национальными обычаями русских. Это особенно проявилось во время многодневных торжеств в мае 1606 г. по случаю необыкновенно пышной свадьбы Лжедмитрия и Марины Мнишек.

Новый подъем народного недовольства знать опять решила использовать в своих интересах — теперь уже против Лжедмитрия. На рассвете 17 мая 1606 г. над Москвой зазвучал набатный колокол. Началось поднятое Шуйским восстание. Лжедмитрий был убит. Сидевшая в монастыре инокиня Марфа — бывшая Мария Нагая — призналась, что Лжедмитрий не был ее сыном, а настоящий Димитрий давно погиб в Угличе. Было убито свыше тысячи поляков, Марину спасли бояре. Трупы Лжедмитрия и его сподручного Басманова предали публичному поруганию на Лобном месте, потом сожгли, а прах смешали с порохом, зарядили пушку и выстрелили в ту сторону, откуда явился в Москву авантюрист. С самозванцем было покончено, а на престоле оказался боярин, князь Василий Иванович Шуйский.

Новый царь действовал прежде всего в интересах боярской знати. Он дал так называемую крестоцеловальную запись, которой гарантировал сохранение всех привилегий боярства, и прежде всего клялся не отнимать вотчин и не судить бояр без Боярской думы.

Скоро, однако, ему пришлось столкнуться с еще большим народным восстанием, которое по размаху превзошло все до сих пор происходившее. Крах иллюзий, связанных с «Димитрием», тяжесть положения измученного народа создали благоприятную обстановку для начала нового всенародного движения против

феодалных господ, против всех властей и угнетателей. Это движение началось на Северской Украине, давно уже охваченной народными волнениями, и возглавил его бывший холоп Иван Исаевич Болотников.

То, что восстание началось на Юго-Западной «украине» в районе Путивля, было вполне закономерно. Здесь скопилась масса населения, бежавшего в предшествовавшие годы из центральных и северо-западных районов страны. В то же время сюда стали также проникать крепостнические порядки. Атмосфера ненависти к угнетателям в этом районе была господствующей, а отдаленность от центра, слабость правительственной администрации, наличие организованной военной силы в лице казачества создавали благоприятные условия для того, чтобы именно здесь, на окраине, началось огромное народное движение. Эта особенность — начало движений на окраинах — будет свойственна и другим крестьянским войнам в России XVII—XVIII вв., меняться будут только районы.

Социальный состав движения под предводительством Болотникова был сложный. Недовольством были охвачены различные общественные слои, и под знамена Болотникова собрались крестьяне и холопы, посадские люди и казаки, были среди восставших стрельцы и служилые люди. Сам путивльский воевода князь Шаховский оказал поддержку Болотникову в начальном периоде восстания. Понятно, что восставших объединяло только недовольство существующим положением, а цели у них были весьма различными. Как и прежде, притягательную силу имело имя все того же царевича Димитрия, о котором распространили слух, что он не погиб в Москве, а еще раз чудесным образом спасся и уж на этот раз он даст все, что народу нужно. От имени царевича Димитрия и рассылал Болотников свои грамоты с призывом к борьбе против Василия Шуйского. Скоро восставшие одержали большую победу над посланными Шуйским войсками под Кромами и двинулись на Калугу. От Ельца на соединение с Болотниковым двигался большой отряд дворян во главе с Истомой Пашковым.

В сентябре 1606 г. Болотников еще раз разбил правительственные войска на устье реки Угры. В движение влились отряды рязанских и тульских крестьян, а также рязанские дворяне под предводительством Прокопия Ляпунова. Пал Серпухов, и 7 октября войска Болотникова подошли к самой Москве. Затем, соединившись с отрядом Истомы Пашкова, пришел в село Коломенское сам Болотников. Его войско насчитывало в тот момент свыше 100 тыс. человек. 70 городов были верны Болотникову. Не только центр и юг страны, но также Поволжье, Западный Урал, Псков, Астрахань были на стороне Болотникова. Никогда еще народные движения в России не достигали такого размаха. Это была настоящая всенародная крестьянская война, подобная по

масштабам аналогичным событиям в Германии первой половины XVI в.

Такой подъем классовой борьбы в России был закономерным ответом народных масс на закрепощение, происшедшее в конце XVI в. Как отмечено, в движении были втянуты и некоторые слои господствующего класса феодалов, но они преследовали свои собственные интересы и стремились использовать силу народного выступления для своих целей¹.

Различие целей ярко проявилось в кульминационный период движения. В то время, когда войско Болотникова было уже под Москвой, а в столице происходили волнения, когда вся страна была охвачена пламенем народной войны, дворянские отряды Ляпунова и Сумбулова перешли на сторону Шуйского. Им был страшен размах народного движения, и они пошли на соглашение с теми, против кого поднимали оружие.

Болотников решил тогда не брать Москву штурмом, а блокировать ее, но в ходе боя потерпел неудачу. В разгар сражения на сторону Шуйского перешел еще один отряд дворян, которым руководил Истома Пашков. Измена дворян серьезно ухудшила положение армии Болотникова, и ему пришлось начать отход. Восставшие долго держались потом в Калуге, а в стране еще бушевало пламя народного движения. С Терека двигался по Волге большой отряд под предводительством Ильи Горчакова, который выдавал себя за никогда не существовавшего сына царя Федора «Петра Федоровича». Вместе с русскими поднялись против своих угнетателей народы Поволжья — марийцы, мордва, татары. Восставшие осадили Нижний Новгород, и только в 1607 г. правительственным войскам удалось нанести поражение восставшим в Поволжье. В феврале этого года царские войска одержали победу под Калугой, но вслед за этим они были разбиты воеводой «Петра Федоровича» — князем Телятевским. Болотников перешел в Тулу и укрепился здесь.

Правительство Шуйского принимало все меры, чтобы расколоть восставших и погасить крестьянскую войну. Пленных было велено отдавать в холопы, наоборот, перебежчикам давалось освобождение от зависимости. Привлекая на свою сторону землевладельцев центральных районов страны, Шуйский издал указ о продлении срока розыска и возврата беглых крестьян до 15 лет, еще туже завязывая петлю крепостного права. К Туле Шуйский двинул большие силы. Последние четыре месяца Болотников провел в обороне, укрепившись в тульском Кремле. Даже тогда, когда специально построенной плотиной на реке Упе была затоплена Тула, болотниковцы все еще держались. Тогда Шуйский пошел на хитрость. Он повел переговоры с Болотниковым, по-

¹ См.: И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966.

клявшись сохранить ему и другим участникам движения жизнь и свободу. Когда ворота Кремля открылись, предатели из числа осажденных схватили Болотникова и «Петра Федоровича» и выдали их. Илью Горчакова повесили в Москве у Данилова монастыря, а Болотникова сослали на север в далекий Каргополь, там ослепили и утопили.

Крестьянская война закончилась поражением — иначе и не могло быть в то время. Слишком неясны были цели восставших, слишком неразвита была политическая идеология народных масс, слишком много было стихийности, неорганизованности в их действиях.

Характеризуя причины поражения крестьянского восстания в России начала XX в., В. И. Ленин писал: «Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, неосознательной массы, восстание без определенных, ясных *политических* требований, т. е. без требования изменить *государственные* порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было *не подготовлено*... Крестьяне поднялись несознательно, просто потому, что им стало невтерпёж, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления. Крестьяне так исстрадались от всякого грабежа, угнетения и мучительства, что они не могли хоть на минуту не поверить темным слухам о царской милости, не могли не поверить, что всякий разумный человек признает справедливым раздел хлеба между голодными, между теми, кто всю свою жизнь работал на других, сеял и убирал хлеб, а теперь умирает от голода подле амбаров «господского» хлеба»¹. Сказанное о причинах выступления и поражения крестьян тем более относится к средневековью, когда уровень сознательности и идеологии крестьянства, разумеется, никак не мог быть выше, чем в начале XX столетия. Но и тогда много было мужества и героизма, велика была ненависть к существующему строю, глубоко проникла в народную толщу мысль об открытой, вооруженной борьбе. Ленинские слова о том, что «крестьяне не боялись зверских преследований правительства», что «крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом»², относятся ко всей эпохе крепостного права, в том числе и к семнадцатому столетию.

Поражение Болотникова не означало окончания народных движений, которые еще долго продолжались по всей стране. Положение правительства Шуйского было по-прежнему очень неустойчивым ввиду продолжавшейся борьбы между различными слоями феодального класса, в которую активно вторгались иноземные силы. Польско-литовские магнаты и шляхта, а также

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 7, стр. 196.

² Там же, стр. 194.

католическая церковь не оставляли надежд воспользоваться обострением противоречий в России. Провал авантюры самозванца «Димитрия» не остановил их, и летом 1607 г. в городе Стародубе объявился еще один «Димитрий», «чудесно спасшийся» в 1606 г. в Москве. К нему собралась часть польской шляхты, восставшей против собственного короля и надеявшаяся участием в походе Лжедмитрия II (как его называют в литературе) загладить вину перед королем. Недовольство правительством Шуйского также толкало к Лжедмитрию II (личность которого так и осталась неустановленной) многих в России. На Северной Украине, в Рязанском уезде, в Пскове, Астрахани и других местах продолжались массовые волнения. На все это рассчитывал Лжедмитрий II, но главную роль в его войске играли польские шляхтичи. А в грамотах смоленского воеводы М. Б. Шеина сопредельному литовскому старосте Лжедмитрий II был назван «вором, которого Роман Ружинский да Вишневецкий за собою водят».

Тем не менее в обстановке массового недовольства в стране Лжедмитрию II удалось одержать некоторые успехи. Весной 1608 г. войска, высланные Шуйским, потерпели поражение. Ряд городов присягнул на верность Лжедмитрию. Летом 1608 г. он оказался под Москвой. В боях у Химок и на Пресне Лжедмитрий был остановлен. Он обосновал свой лагерь в Тушине (отчего и получил прозвище «Тушинского вора»). Почти одновременно отряд шляхты под командованием Сапеги начал безуспешную осаду Троице-Сергиева монастыря, за стенами которого мужественно оборонялись собравшиеся из окрестности крестьяне.

В Тушине же произошла встреча с отправлявшимися в Польшу, но попавшими вместо этого к Лжедмитрию II Мнишками. Пообещав им 300 тыс. золотых рублей и Северскую землю с четырнадцатью городами после воцарения в Москве, Лжедмитрий II получил «признание» Мариной себя в качестве ее супруга и «царевича Димитрия». Было совершено тайное венчание по католическому обряду. Лжедмитрий получил наказ от католической церкви — ввести в России унию католической церкви с православной подобно тому, как это было уже сделано на Украине и в Белоруссии, а также перенести столицу Российского государства из Москвы в один из городов поближе к Польше. Пока Лжедмитрий стоял в Тушине, отряды интервентов рассыпались по всей стране, грабя, насилая, притесняя жителей. В ответ все чаще вспыхивали народные восстания против интервентов. Поволжский Север стал центром массового народного движения. Создавались ополчения, которые скоро выбили интервентов из Костромы и Галича, успешно выдержал осаду и отбил их атаки Ярославль, поднялись восстания в Муроме и Владимире.

В то время как народные массы разрывали борьбу против интервентов, феодалы искали соглашения с ними, чтобы скорее погасить опасный для них огонь народной войны. В Тушино пе-

решили немало служилых людей и даже представителей знати, недовольных правительством Шуйского. Лжедимитрий охотно принимал их, раздавал им в награду земли и крестьян, повышал в чинах. Некоторые потом возвращались обратно к Шуйскому и получали за это еще более высокие чины и новые вотчины. «Тушинскими перелетами» называли в народе этих перебежчиков, которые в тяжелый для страны час думали только о собственном обогащении и продвижении по служебной лестнице.

Для упрочения своего положения правительство Шуйского решало задачу сговора с иноземными силами по-иному. Оно обратилось за помощью к шведскому королю, который сам давно вынашивал замыслы отторжения от России Новгородской земли и Карелии. Опереться на массовое народное движение против интервентов, развившееся в стране, правительство Шуйского не решалось, так как в этом движении переплетались и национально-освободительная, и антифеодалная борьба. Соглашение со Швецией было достигнуто тяжелой ценой — Шуйский отказывался от условий Тязвинского мира и вообще претензий на Балтийское побережье, отдавал город Корелу с уездом и разрешал свободное обращение шведской монеты на территории России.

Это вызвало большое волнение среди населения северо-западных русских земель, в Новгороде, в Карелии, а псковичи в этой обстановке предпочли даже присягнуть Лжедимитрию II, но не подчиняться правительству Шуйского, пускавшего шведских интервентов в страну. Политика Шуйского еще более усложняла и запутывала обстановку в стране. Как и в давние времена, все более четко вырисовывалось классовое размежевание в вопросе о защите целостности и независимости России. Господствующий класс занимал либо колеблющуюся, либо прямо враждебную национальным интересам страны позицию, в то время как народные массы выступали наиболее последовательной и решительной патриотической силой.

Весной 1609 г. вспомогательный шведский отряд во главе с молодым полководцем князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским нанес удар польско-литовским интервентам и, опираясь на массовое народное движение, освободил от них север страны. Однако шведы вскоре отказались продолжать участие в военных действиях, потребовав уплаты обещанного жалованья. Денег у Шуйского не было, и он обложил народ новыми тяжелыми налогами. Это привело к новым волнениям и восстаниям против феодалов. В Рязанском уезде, Поволжье и в других местах появились новые отряды восставших. Под Москвой действовал большой крестьянский отряд под предводительством Салова.

В то же время появление на территории России шведских войск давало возможность польско-литовским панам начать открытое вторжение в Россию, не прикрываясь флагами поддержки

«законных» царей, потому что Речь Посполитая и Швеция находились в состоянии войны. Летом 1609 г. польский король Сигизмунд III во главе большого войска двинулся на Смоленск. Войск в нем было очень мало, потому что Шуйский отводил их для борьбы с Тушиным.

Так правительство Шуйского, боявшееся народного движения и стремившееся прежде всего к его ликвидации, открыло дорогу и шведской, и польской интервенции. Наступило тяжелое время для Российского государства. И снова со всей силой раскрылся высокий патриотизм народных масс. Это показала героическая оборона Смоленска, не сдавшегося неприятелю и державшегося почти исключительно силами посадских людей и собравшегося в городе крестьянского населения. Оборона Смоленска, которую возглавлял воевода Михаил Борисович Шеин, не только надолго сковала главные силы польско-шляхетской армии на ее пути к Москве, но и послужила вдохновляющим примером для подъема всенародной борьбы за освобождение страны от интервентов. Рассыпался скоро Тушинский лагерь и Лжедмитрий II с кучкой приверженцев бежал в Калугу. Сапеге пришлось отступить от Троице-Сергиева монастыря, ничего не добившись.

Зато феодальные круги по-прежнему искали путей соглашения с иностранными силами для сохранения своего господства в охваченной массовыми народными движениями стране. Оставшиеся в затруднительном положении после бегства Лжедмитрия II «русские тушинцы» отправили посольство к королю Сигизмунду во главе с боярином Салтыковым с просьбой «отпустить» на московский престол его сына — королевича Владислава. Соглашение было зафиксировано в договоре в феврале 1610 г. Договор предусматривал воцарение Владислава, союз с Речью Посполитой, сохранение привилегий боярства в России и укрепление крепостнических порядков. Классовый характер политики феодальной знати по отношению к интервентам выразился вполне отчетливо.

По пути ориентации на внешние силы продолжало идти и правительство Василия Шуйского, с той только разницей, что свои надежды оно возлагало не на Речь Посполитую, а на поддержку со стороны Швеции. Но как Смоленск сопротивлялся польско-шляхетскому войску, так и жители Корелы, которую Шуйский отдал шведскому войску за помощь в борьбе с Тушиным, сопротивлялись шведам. Только в 1611 г., когда в живых осталось не более ста человек защитников Корелы, город был сдан. А шведское войско оказалось, как и следовало ожидать, ненадежным. Летом 1610 г., когда большие силы польско-литовских войск, потеряв надежду на овладение Смоленском, двинулись к Москве, в сражении под Клушином шведский отряд изменил Шуйскому. Его войска потерпели поражение. Вскоре Василий Шуйский был свергнут с престола другой боярской группировкой и насильно

пострижен в монахи. У власти оказались так называемые седьмочисленные бояре во главе с Ф. И. Мстиславским.

Эта группировка вырвала власть у Шуйского не для того, чтобы организовать сопротивление интервентам — наоборот, они хотели договориться с ними по-своему, чтобы не допустить полного оттеснения русской княжеско-боярской знати от власти. «Семибоярщина» также заключила в августе 1610 г. договор с Сигизмундом о пригласении королевича Владислава на русский престол. Более того, новое правительство тайно ночью впустило польско-литовские войска в столицу. Москва оказалась захваченной интервентами. Изменническая боярская группировка встретила, однако, немало препятствий на пути осуществления своих планов: король требовал сдачи Смоленска и до тех пор не соглашался отпустить Владислава в Москву, а жители Смоленска упорно оборонялись, совершали дерзкие вылазки из осажденной крепости и сумели даже взять у осаждающих их знамя.

Народное движение против интервентов развивалось теперь по всей стране. Из Москвы расходились по городам грамоты с призывом к борьбе. Ярким патриотическим произведением была разбрасывавшаяся по столице анонимная «Новая повесть о преславном Российском царстве», содержащая горячий призыв к вооруженной борьбе с врагами и указывавшая на пример «крепкостоятельного града Смоленска».

Подъем освободительного движения был подготовлен предшествовавшими событиями антифеодальной борьбы и являлся непосредственным ее продолжением и развитием. Как и во времена монголо-татарского ига, народный гнев справедливо обрушивался и на иноземных захватчиков, и на «собственных» правителей, феодалов, искавших путей соглашения с завоевателями и предававших интересы национальной независимости страны. Антифеодальная и национально-освободительная борьба естественно и органически переплетались, хотя состав социальных сил, участвовавших в движениях, был пестрым, а соотношение их интересов — сложным и противоречивым. Однако главная, решающая роль принадлежала народным массам, а разные слои господствующего класса, примыкая к народным движениям, видели в них лишь средство достижения своих классовых целей.

Классовая, антифеодальная борьба народных масс, создавшая вначале обстановку, использованную внешними силами для осуществления агрессивных замыслов в отношении России, в конечном счете закономерно переросла в борьбу не только против внутренних, но и против внешних врагов.

Зимой 1611—1612 гг. создается народное ополчение в Рязанской земле, в которое вошли крестьяне, посадские люди, дворяне, казаки. В марте 1611 г. поднялось восстание в Москве, когда отряды рязанских ополченцев стали приближаться к столице. По совету предателей-бояр интервенты подожгли Москву и тем прек-

ратили атаки восставших. В бою на Сретенке был тяжело ранен воевода передового отряда ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Тем не менее ополчение продолжало осаду Кремля и Китай-города, за стенами которых укрывались интервенты и их боярские пособники.

Однако первое ополчение не выполнило своей задачи. Оно распалось летом 1611 г. ввиду обострившихся противоречий между разнородными группами его участников. Зафиксированное в так называемом земском приговоре 30 июня стремление дворян-участников ополчения к сохранению крепостнических порядков (возврат беглых после освобождения страны к своим владельцам) вызвало большое недовольство среди казачества, в немалой части состоявшего из беглых крестьян. Этим воспользовались интервенты, в тайной связи с которыми находились авантюристически настроенные руководители казачества. С помощью подложных документов было вызвано негодование массы казаков против руководителя ополчения Прокопия Ляпунова. Он был убит казаками, после чего ополчение распалось.

Интервентам удавалось еще добиваться некоторых успехов только благодаря изменнической позиции правящих слоев. При помощи верхушки казачества они спровоцировали распад первого ополчения. Шведским интервентам помогли новгородские бояре, которые летом 1611 г. впустили шведов в Новгород, дали королю согласие на отторжение Новгородской земли от России и вступление Новгорода в войну против Польши на стороне Швеции. Так снова ожили старинные сепаратистские тенденции, уцелевшие и после учиненного Иваном Грозным разгрома Новгорода. В Смоленске один дворянин перешел на сторону врага и указал ему слабое место в укреплениях, через которое интервентам удалось, наконец, ворваться в город. Но и на улицах города обесиленные длительной осадой защитники сражались до последней возможности. Уцелевшие из них заперлись в каменном соборе, служившем хранилищем пороха, и взорвали себя.

Несмотря на позицию значительной части феодалов, народные массы все упорнее боролись за освобождение страны от интервентов. Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде начало формироваться второе народное ополчение, во главе которого стали посадский староста Кузьма Минин и воевода князь Дмитрий Пожарский. В ополчение вошли мелкие дворяне, посадские люди, крестьяне, в том числе многие из числа нерусских народов Поволжья. Был проведен сбор средств для ополчения. Его цель была сформулирована отчетливо и категорично — освобождение Москвы от интервентов и создание нового русского правительства.

Весной 1612 г. ополчение двинулось из Нижнего Новгорода. Первоначально оно остановилось в Ярославле и очистило от интервентов, опираясь на местное движение, поволжский север страны. Отклонив предложения англичан о помощи в освобождении

страны и изолировав предводителя казаков Ивана Заруцкого, пытавшегося организовать в Ярославле покушение на Пожарского, руководители ополчения укрепили его созданием «Совета всей Земли» — нечто вроде Земского собора. На этом Совете была обсуждена и принята программа действий. В конце июля 1612 г. ополчение подошло к Москве. В августе произошли решающие бои с интервентами, в которых проявились массовый героизм ополченцев, мужество и полководческий талант Минина и Пожарского. В октябре сдались не выдержавшие длительной осады оголодавшие остатки интервентов в Китай-городе и Кремле. Народное ополчение выполнило свою задачу — Москва была освобождена.

Затем по стране были разсланы грамоты о созыве Земского собора для выборов нового государя. Собор собрался в январе 1613 г. Это был самый представительный Земский собор за всю историю средневековой России, отразивший в немалой степени соотношение сил, сложившееся в ходе освободительной борьбы. Разумеется, на соборе не было представителей зависимых крестьян, но от черносошных крестьян представители были, так же как и от казаков. Преобладали на соборе дворянство и посадские — те активные социальные силы, которые давали более надежную опору самодержавной власти. Участвовали в соборе, как обычно, бояре и высшее духовенство.

Вокруг кандидатуры будущего царя разгорелась борьба. Бояре предлагали польского королевича Владислава или шведского Карла-Филиппа. Эти кандидатуры были отвергнуты собором. Казацкие руководители предложили сына Марины Мнишек, которого все называли «воренком». Но и «воренок» не прошел. Сошлись на кандидатуре 16-летнего Михаила Федоровича Романова, родственника первой жены Ивана Грозного, как бы по основной линии продолжавшего прежнюю династию. Но это было лишь благовидным обоснованием выбора, который в действительности был определен соотношением сил на соборе. Дворянство и посадские люди не хотели ни боярских кандидатов, ни иностранных, ни русских. Боярство согласилось на избрание Романова потому, что, как выразился один из представителей знати, «умом Миша молод, не дошел». С малоумием и неопытностью молодого царя знать связывала свои надежды на фактическое главенство в государстве. Что касается героев освободительной борьбы, то они были оттеснены на задний план. Пожарского, правда, возвели в боярский чин, но вскоре отправили из Москвы воеводой в Можайск. А Минин получил сравнительно незначительный чин думного дворянина. Из числа дворян быстро выдвигалась новая аристократия. Если мало оставалось старых боярских родов, частью истребленных Грозным, частью скопрометировавших себя сотруничеством с интервентами и потому удаленных от власти, то из вчерашних служилых людей поднимались новые боя-

ре, по замашкам и настроениям своим ничем не отличавшихся от старой знати. Во главе России опять стал царь-самодержец — ничего другого и не могло тогда произойти. На той стадии общественного развития государственная власть еще не могла изменить своего характера и была восстановлена опять-таки в форме феодальной монархии, несмотря на то, что главной силой, приведшей к освобождению страны, были народные массы. И сами они в те времена не мыслили никакого иного политического строя, кроме как с царем во главе.

Однако при всем этом события начала XVII в. нельзя считать бесследными в истории развития Российского государства. Главным внутренним итогом событий явилось превращение дворянства и посадских людей в значительную политическую силу. Напор классовой борьбы заставил господствующий класс принять ряд мер по укреплению государства. Классовая борьба отчетливо выступает перед нами и здесь как движущая сила истории. Без событий начала века нельзя объяснить происшедших в XVII в. изменений в социальной структуре общества, дальнейшего развития феодального общественного строя.

Л Е К Ц И Я 8

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII в.

XVII век является одним из наиболее сложных периодов русской истории, когда, по словам современников, боролась «старина и новизна» и который они называли «бунташным».

В самом деле, две крестьянские войны, серия городских восстаний, движение раскольников и вместе с тем появление мануфактурного производства, полков иноземного строя, громадное расширение пределов Русского государства — много нового, необычного было в русской истории XVII в., после того, как страна была потрясена бурными событиями народной войны против феодалов и иностранных захватчиков.

События начала XVII в. привели к громадному разорению и опустошению значительной части страны, в том числе тех земель, которые только-только начинали оправляться после не менее страшного разорения Ливонской войны и опричнины. Поэтому ущерб, нанесенный народному хозяйству России в конце XVI и начале XVII столетия, был чрезвычайно велик.

Еще в 40-х годах XVII столетия в четырнадцати центральных уездах распаханная земля составляла всего 42% ранее возделывавшихся земельных угодий, и лишь к 70-м годам эта цифра поднялась до 60% с лишним. Процесс восстановления разрушенной экономики был медленным в центре. Быстрее шло дело на юге, где земли были гораздо лучшего, чем в нечерноземном центре,

качества и давали соответственно большие урожаи. Заметно стало расширяться земледелие и в Сибири¹. Поэтому можно говорить об известном подъеме земледелия в XVII в., хотя подъем этот осуществлялся преимущественно не за счет применения более совершенных методов обработки земли, а за счет простого расширения площадей обрабатываемых земель.

По-прежнему основным орудием обработки земли оставалась соха, плуг внедрялся медленно, чаще всего он встречался в хозяйствах крупных феодалов. Урожайность зерновых культур в центре страны состояла обычно сам-3, несколько выше она была в хозяйствах монастырей и крупных феодалов.

Зато промысловое хозяйство стало приобретать большее значение, чем прежде. На основе его развития усиливался обмен между областями страны с различными природно-климатическими условиями. Из Поморья везли соль, рыбу, с Белого моря — тюленей и моржей, с Печоры, Двины, северных отрогов Уральского хребта, из Сибири — меха; соль добывали в Новгороде и Старой Руссе, Соли Камской, Перми и Тотьме, Астрахани и на Соловках²; продолжало сохраняться еще кое-где бортное хозяйство; кроме того, во многих местах делали деготь, селитру.

В хозяйстве крупных феодалов появились винокуренные поташные кожевенные заводы. 24 тыс. рублей в год получал дохода от продажи поташа боярин Б. И. Морозов, 40 тыс. рублей получал от торговли солью Соловецкий монастырь, немалые деньги шли к другим крупным владельцам, среди которых были и монастыри, и патриарх, и сам царь, торговавшие разными продуктами своего хозяйства. Тем не менее натурально-хозяйственная основа экономики еще оставалась неповрежденной. Большинство денег, которые приобретались в результате торговли, по-прежнему шло на покупку земель и на употребление в качестве ростовщического капитала. У Б. И. Морозова 80 тыс. рублей было роздано по кабалам. Кириллов Белозерский монастырь получал 8 тыс. рублей за продаваемую им соль ежегодно, но на покупку хлеба денег тратить не хотел и предпочитал расширять свою запашку. Товарное производство и обращение лишь дополняли натуральное хозяйство и содействовали укреплению могущества феодальных господ и светских, и духовных.

XVII век ознаменовался значительным укреплением феодального класса в целом. Оно базировалось прежде всего на росте земельной собственности. Старая знать была оттеснена на задний план событиями начала XVIII в., но на ее место выходила новая знать, которая по социальной природе ничем не отличалась от старой и даже превосходила по масштабам землевладения. На-

¹ См.; В. И. Шунков. Очерки истории земледелия в Сибири. XVII век. М., 1956.

² См.: Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.

пример, Б. И. Морозов имел более 300 сел и деревень (9 тыс. дворов) в 19 уездах — 80 тысяч десятин. 7012 дворов имел дядя царя Н. И. Романов, 7819 дворов было у князя Я. К. Черкасского, 2791 двор — у Ф. И. Шереметьева и т. п.

По-прежнему крупным было церковное земледелие. Троице-Сергиевский монастырь имел около 17 тыс. дворов в 40 уездах. 9 тыс. крестьянских дворов находилось в вотчине московского патриарха¹, а всего во владении церкви находилось около 120 тыс. дворов².

Заметно выросло землевладение дворян в результате массовой раздачи земли дворянам со стороны различных правителей в начале XVII в. и особенно правительством первых Романовых. Дворянские земли росли главным образом за счет крестьянских общин, а в центре за счет конфискации боярских вотчин, принадлежавших тем, кто служил Лжедмитриям и интервентам.

В Тульском уезде — на юге, или в Шелонской пятине Новгородской земли дворяне владели свыше чем 90% всех земель. Однако многие дворяне были совсем безземельными или мелкопоместными. Например, по данным одной переписи, в Елецком уезде из 878 дворян было 133 безземельных, а 296 владели всего одним двором. Немало обедневших дворян попало в кабалу к боярам.

Поэтому дворянство с большей энергией добивалось земель и уравнивания в правах с боярством, освобождения от гнета и произвола со стороны бояр, уравнивания поместий с вотчинами.

Уже в начале XVII столетия правительство, нуждаясь в денежных средствах, продавало дворянам поместья в вотчины. Ряд земель получили дворяне на вотчинном праве в награду как за участие в борьбе с интервентами, так и за доносы о землях, захваченных кем-либо без разрешения правительства. В 1678 г. в Замосковном крае уже 59% дворян владели землей на вотчинном праве.

По тем же данным более 13% всех тяглых дворов принадлежало церкви (после Уложения 1649 г. церковное землевладение значительно сократилось), свыше 9% находилось в ведении дворцового ведомства, 10% принадлежало боярству, 57% — другим светским феодалам. И всего лишь 10% дворов, как в селах, так и городах, было так называемых черных, т. е. свободных от частновладельческой зависимости.

Эти данные свидетельствуют о том, что Россия XVII столетия была чисто феодальной страной, с высоким удельным весом феодального землевладения в различных его видах и формах.

В соответствии со структурой земельных отношений сложилась социальная организация общества. По официальной терми-

¹ См.: А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. М., 1966.

² См.: Н. В. Устюгов и Н. С. Чаев. Русская церковь в XVII в. В кн.: «Русское государство в XVII в.». М., 1961.

нологии того времени общество делилось на служилых людей, тяглых людей и холопов. Но классовое деление общества было иным.

К служилым людям относились как служилые люди «по отчеству» — городовые (провинциальные), дети боярские, так и служилые люди «по прибору» — стрельцы, казенные мастера, пушкарки, городовые казаки. «Приборные» служилые люди жили своим трудом и были близки к массе эксплуатационного населения страны. Тяглые люди выполняли комплекс натуральных и денежных повинностей в пользу государя. Это были горожане и крестьяне, как зависимые, так и лично свободные. Среди них были и богатые «большие» люди и беднота — «меньшие». Зажиточные горожане и черносошные крестьяне, хотя и были сами тяглыми, эксплуатировали и притесняли членов посадских и крестьянских общин.

Одним из важных явлений в классовом развитии русского общества XVII в. было то, что господствующий класс феодалов стал приобретать сословную замкнутость, в то время как прежде движение между классом эксплуатируемых и классом эксплуатирующим было сравнительно свободно и господствующий класс поднялся за счет выходцев из народных масс.

В 1642 г. был издан указ о том, чтобы вернуть записавшихся в службу холопов в прежнее состояние, а в 1675 г. запрещалось записывать черносошных крестьян в дворян. Эта линия ограничения доступа в господствующий класс нашла затем завершение в петровских указах, а позднее в «Жалованной грамоте дворянству» Екатерины II.

Все это свидетельствует о зрелости феодального строя в XVII в., его значительном укреплении.

Другой основной класс феодального общества тоже постепенно изживал прежнее деление на многочисленные категории, вроде серебрянников, старожильцев, новоприходцев и т. д. Все это отступило перед единым понятием тяглых людей, закрепленным Соборным уложением. Все более сближались с крестьянами по своему положению и холопы, число которых в XVII в. оставалось еще довольно значительным. Повинности владельческих крестьян оставались по-прежнему многообразными, а экономическое положение их в целом ухудшалось. Об этом выразительно говорится во многих челобитных крестьян, жалующихся на то, что «будучи на издѣлье (на барщине) своих пашнишек во время спяхать не успеем, и погнбли мы, бедные, до конца стали бесхлебные и бесконные и долгами хлебными и денежными обдолжались»¹. В Замосковном крае крестьянская запашка на душу уменьшилась на протяжении XVII в. на 20—25%.

¹ Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII веке. М.—Л., 1959, стр. 125.

Наряду с крестьянами частновладельческими существовала еще довольно значительная группа крестьян черносошных, насчитывающая около 50 тыс. дворов. Черносошные крестьяне жили преимущественно на севере страны, где они образовывали общины, волости, имели свое самоуправление. В центральной части давно уже было ликвидировано крестьянское землевладение и вся земля была сосредоточена в руках феодалов.

Однако и черносошные крестьяне подвергались все более усиливавшейся эксплуатации со стороны феодального государства не только в форме многочисленных налогов и податей, но также в прямом административно-полицейском вмешательстве государственных органов в деле черной волости.

Академик Н. М. Дружинин, изучавший вопрос о государственных крестьянах, пришел к выводу, что в России создалась система «государственного феодализма», т. е. феодальной эксплуатации населения со стороны государства¹. Поэтому не случайным было массовое бегство черносошных крестьян, которые, как писали из Тотьмы с 1663 г. царю, бегут «от многих податей и от великих немерных протяжей (взыскания недоимок), от солдатских кормов, от запасных денег (налог для создания военных запасов продовольствия), от ямских отпусков (подводная повинность), от судовые немерные кортомы (аренда судов), от сошного и вытного письма (раскладки налогов)», т. е. от всего комплекса тяжелых феодальных повинностей.

В ряде случаев черносошные крестьяне оказывали прямое сопротивление правительству, когда оно налагало на них разные государственные повинности. Например, Соломенская волость в 1672 г. воспротивилась приписке к мануфактуре Марселиса.

Вместе с тем происходило заметное расслоение среди крестьянства, вызванное обеднением его значительной массы. Росло количество бобылей — крестьян, которые не имели своего хозяйства и не могли поэтому выполнять тягло. Во владениях Троице-Сергиевского монастыря в конце XVI в. бобыли составили всего 11% к общему количеству населения, а в 1640 г. — свыше 43%. Кроме того, появились и распространились такие категории, как захребетники, подсосудники, т. е. люди, которые, лишившись своего хозяйства, жили в других хозяйствах. Росло количество половников-крестьян, бравших ссуды и отдававших за это половину своего урожая. Хозяйство половников было подчинено интересам феодалов².

Между историками идут споры, чем объяснить и что означает это расслоение крестьян в XVII столетии. Ряд исследователей

¹ См.: Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.—Л., 1946.

² См.: З. А. Огризко. Зерновое хозяйство половников Троице-Гledenского монастыря в XVII веке. «Материалы по истории земледелия в СССР», вып. III. М., 1960, стр. 39.

полагает, что расслоение крестьян в XVII в. является началом буржуазного расслоения и свидетельствует о зарождении капитализма в деревне. Другая часть исследователей объясняет расслоение крестьян в XVII столетии неслыханным усилением эксплуатации — тяжелыми налогами и поборами со стороны государства и феодалов.

Следует вспомнить, что Россия в этот период почти непрерывно вела войны, которые тяжелым бременем ложились на плечи народных масс. Немалая часть крестьян вынуждена была искать заработков, уходя в бурлаки на Волгу или на какие-нибудь иные промыслы. Наемных людей стало, действительно, немало, но значительная часть их в конечном счете снова попадала в феодальную зависимость. Наемный труд как явление был еще весьма неустойчивым и чаще всего был путем в личную, т. е. феодальную зависимость. Правда, во второй половине XVII в. наемный труд в некоторых вотчинах заметно усилился.

Примечательно, что именно среди черносошных крестьян, наряду с образованием массы так называемых гулящих людей, стали появляться и зажиточные крестьяне, которых называли тогда «капиталистами». Эти зажиточные крестьяне покупали участки земли или приобретали их по закладным кабалам, давая денежные ссуды под залог земли и тем закабаливали других крестьян вели ростовщические и торговые операции, нанимали вместо себя работников для выполнения феодальных повинностей. Из среды зажиточного крестьянства вышли многие крупные купцы XVII в. — Босые, Глозовы, Ревякины и другие. Однако расслоение черносошных крестьян нередко приводило опять-таки к образованию не капиталистических, а феодальных форм зависимости и эксплуатации. И сами «капиталисты» крестьяне, а затем купцы приобретали едва ли не более черт феодалов-крепостников, нежели «буржуа».

Объясняется это тем, что, если в каких-то сферах общественно-экономического развития России и завязывались ранние буржуазные связи — в силу объективных закономерностей, то условия для них оставались, как и прежде, крайне неблагоприятными. В стране не только не разлагался, а еще более укреплялся феодально-крепостнический строй. Это обстоятельство решало судьбу зарождавшихся раннебуржуазных элементов в деревне и городе.

В свою очередь, укрепление феодально-крепостнического строя в России XVII в. нельзя понять, если не учитывать того места, которое занимало государство в общественных отношениях того времени. Государство было не только исполнителем воли господствующего класса феодалов в целом, оно еще и само выступало в качестве феодального эксплуататора по отношению к массе трудящегося населения страны. И в том, что в конце XVI — середине XVII в. в России оформилась система крепостного права, государственные интересы сыграли немалую роль, приходя иногда

в противоречие с интересами отдельных групп феодалов, которым было выгодно сохранение старых порядков, когда можно было принимать беглых или даже силой вывозить крестьян. В борьбе за рабочие руки государство участвовало всеми силами и постаралось обеспечить прежде всего выполнение своих потребностей, возложив на землевладельцев ответственность за выполнение государственных повинностей зависимым от них населением.

В свое время либерально-буржуазная историография («государственная школа») выдвинула тезис о «закрепощении сословий» государством как надклассовой силой, заботившейся о соблюдении интересов общества в целом. Дворяне, согласно этой концепции, должны были служить государству, чтобы охранять его территорию от внешних врагов, а крестьяне были закрепощены, чтобы обеспечить дворян — служилых людей всем необходимым. Советская историография убедительно показала, что крепостное право носило отнюдь не «надклассовый», а, наоборот, ярко выраженный классовый характер, закрепляя систему феодальной эксплуатации массы крестьянского населения. Государство никак не было подклассовым учреждением — оно было не только орудием класса землевладельцев-феодалов, но и само являлось крупной феодальной организацией, оно владело громадными землями, держало в зависимости многие тысячи людей в городе и деревне. Феодальное государство было в XVII в. главной силой, двигавшей распространение крепостничества во всех областях общественно-экономической и социально-политической жизни. Дух крепостничества проникал везде и всюду — от помещичьей барщины до порядков в судах и приказах. И против этой государственной силы крепостничества трудно было бороться зарождавшимся буржуазным элементам.

Соборное уложение 1649 г., окончательно оформившее систему крепостной зависимости и завершившее в этом отношении законодательство Русского государства, начиная со статьи Судебника 1497 г. о Юрьевом дне, не только закрепило частновладельческих крестьян за помещиками, боярами, монастырями и другими владельцами. Оно также закрепило на местах черносошное крестьянство и установило зависимость частновладельческих крестьян как от феодалов, так и от государства. На эти два важных аспекта Уложения обычно не обращается внимания, а между тем без них нельзя понять всю систему крепостного права, утвердившуюся окончательно в России в середине XVII в.

Создание государственной системы крепостного права было попыткой предельной мобилизации народных сил для укрепления государства, подъема его экономики, усиления вооруженных сил — без отказа от крепостнических порядков, от привилегий и прав господствующего класса, от феодальной системы землевладения и хозяйства. На какое-то время государственная система крепостного права могла обеспечить подъем производительных

сил и решение внешнеполитических задач, как свидетельствуют об этом события начала XVIII в. Правительство Петра I до предела использовало возможности, созданные государственной системой крепостного права, оно построило мануфактуры, освоило Урал, «основой процветания» которого, по словам В. И. Ленина, «во времена оно» было «крепостное право», оно создало регулярные армии и флот. Рывок вперед, подготовленный в XVII в. и совершенный в начале XVIII в., когда Россия превратилась в великую европейскую державу, был осуществлен на базе и методами крепостного права. И в этом была историческая ограниченность этого рывка.

Система крепостного труда могла дать некоторое движение вперед. Но дело не только в том, что это движение доставалось тягчайшей ценой самых жестоких форм эксплуатации народных масс. Дело еще и в том, что эта система подрывала возможность прогресса в дальнейшем, консервировала самые отсталые формы общественных отношений, глушила, уродовала, искажала зарождавшиеся прогрессивные тогда буржуазные отношения, она обрекала народные массы на угнетенный труд, лишало их личной свободы, закрывали пути формирования и развития свободной человеческой личности. Выигрывая возможность скорого разрешения неотложных нужд, государство предопределяло застой страны в дальнейшем. Утвердившееся и давшее первоначально эффект в тяжелых условиях борьбы за выход к морскому берегу и преодоление отсталости страны крепостное право привело к еще большему отставанию России в XVIII — первой половине XIX в. Великолепный фасад петербургских ансамблей оказался в чудовищном противоречии с ужасами крепостнической действительности невероятно отсталой страны, от которых «душа уязвлена стала» у Александра Радищева, пришедшего к твердому убеждению, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

Но и тогда, когда утверждалась система крепостного права, она, как отмечено, уже закрывала дорогу новым явлениям, возникавшим в отдельных сферах общественно-экономической жизни. Сами же процессы возникновения нового имели объективный характер, они не создавались и не отменялись государством, но понять судьбу этих процессов без учета влияния сильного крепостнического государства нельзя.

Можно заметить глубинные процессы развития денежных отношений и появления наемного труда и в черносошной, и во владельческой деревне во второй половине столетия¹. Значительно вырос удельный вес ремесленного производства в экономике страны, особенно в городах. В Устюге Великом уже в 20-х годах XVII в. ремеслом занималось более половины всего муж-

¹ См.: А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII века. М., 1966.

ского населения, что составило цифру 432 ремесленника, причем наибольшего развития достигли обработка железа и кожевенное дело¹. В ремесле углублялось разделение труда. В Москве насчитывалось около 260 ремесленных специальностей, в том числе более 50 из них приходилось на обработку железа, свыше 200 специальностей было в Ярославле, свыше 50 — в Пскове и Устюге Великом. Центрами ремесленного производства становятся не только города, но и некоторые села, население которых в значительной части или почти полностью порывало с земледелием и переходило к занятию ремеслом. Такие села появились еще в XVI в., но теперь они выросли, а количество их увеличилось: например в Поволжье — Павлово, Лысково, Мурашкино, где занимались обработкой металлов. В селе Иваново к 1667 г. только одна восьмая всех крестьян занималась пашенным земледелием, остальные были заняты в промысловом хозяйстве и торговле. Такие же села были в районе Тулы, в Олонечском крае и т. д. Масштабы этого явления были невелики, но оно уже существовало, и мы обязаны обратить на него внимание.

Особенно важно то, что ремесло стало в массовых масштабах превращаться в мелкотоварное производство². До XVII столетия в большинстве случаев ремесленники работали на заказ, а не на рынок. Теперь же все больше ремесленников работали на продажу. Так из железа делали и продавали на рынках молоты, клещи, ножи, сошники, серпы, косы, вилы, топоры, ломы, лопаты, гвозди, скобы, подковы, цепи, удила, сковороды, подсвечники, замки, гири и многие другие предметы массового потребления. Весьма обширна была номенклатура изделий из дерева, кожи и продуктов других видов ремесла.

В XVII столетии ясно определилась товарная специализация ряда центров. Из Устюга в Сибирь везли металлические изделия, кожевенное дело было развито в Ярославле³ и Казани, выделка деревянной посуды — в Калуге, солеварение в Тотьме, Старой Руссе и т. п. Но было много городов, где ремесленников было мало — в Ростове в 1646 г. их было 170, а в Суздале в 1628 г. — 65 человек⁴.

Углубилась дифференциация среди городских, посадских людей. В Тотьме уже в 1648 г. беднота составляла 75% общего

¹ См.: А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960, стр. 44—45 и др.

² См.: Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. «Исторические записки», т. 34.

³ См.: Л. В. Данилова. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. «История СССР», 1957, № 3.

⁴ См.: А. М. Панкратова. Формирование пролетариата в России. М., 1963, стр. 139.

числа теглецов, а в 1682 г. уже 95%. Стал обычным явлением наемный труд в ремесле и на промыслах.

При этом нужно иметь в виду, что наем был опутан феодальными явлениями — он был сопряжен чаще всего с потерей личной свободы и вел нередко к той или иной форме крепостной зависимости.

На протяжении XVII столетия возникла и новая форма производства, какой является мануфактура. Вокруг характера русских мануфактур в исторической литературе давно уже имеются большие разногласия. Некоторые исследователи считали, что русская мануфактура представляла собой явление искусственное, насажденное сверху правительством, не подготовленное внутренним экономическим развитием отсталой страны. Другая часть исследователей, признавая мануфактуру XVII в. исторически подготовленной, видит в ней этап начавшегося капиталистического развития России, такой же, какой связан с мануфактурой в странах Западной Европы.

М. В. Нечкина охарактеризовала дискуссию о мануфактуре как спор двух лиц, одно из которых говорит о каком-то предмете, что это круглое, а другой говорит — это голубое, т. е. спорящие говорят о совершенно разных качествах одного и того же явления.

По мнению М. В. Нечкиной, мануфактура XVII — XVIII столетий представляет собой переплетение капиталистических и крепостнических черт. С точки зрения характера производительных сил, т. е. организации производства, мануфактура представляет собой явление капиталистического развития. С точки же зрения характера производственных отношений мануфактура представляет собой явление крепостническое. Само появление мануфактуры, по мнению М. В. Нечкиной, является свидетельством начинавшегося конфликта между производительными силами и производственными отношениями, а феодализм в XVII столетии вступает в стадию разложения¹.

Эта постановка вопроса не встретила широкой поддержки среди историков главным образом потому, что о разложении феодализма в XVII в. говорить не приходится. Кроме того, такая характеристика мануфактуры, в сущности, так и не отвечала на вопрос, что же такое мануфактура — капиталистическое или крепостническое явление.

Споры по этому вопросу продолжаются, вводится в оборот много нового материала и, вероятно, эта сложная проблема будет разрешена.

Напомним, что В. И. Ленин, исследуя историю капиталистического развития в России, мануфактуру XVII и XVIII столетий в качестве объекта изучения не брал, однако сделал несколько

¹ См.: М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Вопросы истории», 1958, № 7.

замечаний по этому поводу. Во-первых, применение крепостного труда в промышленности он назвал самобытным явлением русской истории¹. Во-вторых, Ленин писал о крепостном труде как основе высшего процветания Урала «во времена оны» и его упадка в дальнейшем².

В-третьих, упадок мануфактуры с крепостным трудом Ленин оценивал как одно из наиболее ярких проявлений генезиса капитализма в промышленности³. Значит, не подъем этой мануфактуры, а ее упадок — вот что свидетельствует о развитии капитализма в промышленности и позволяет думать, что Ленин представлял себе мануфактуру XVII—XVIII вв. как явление докапиталистического развития промышленности.

Прежде всего нужно сказать, что мануфактур в XVII в. было немного. Первая мануфактура была поставлена в 1631 г. — медеплавильный Ницинский завод на Урале. Затем возникли железоделательный завод Виниуса и Вилькинсона близ Тулы, несколько железоделательных мануфактур в Олонецком крае, поставленные С. Гавриловым, кожевенные мануфактуры в Ярославле, Казани, Тобольске и еще несколько предприятий. Причем одновременно все они никогда не работали, часто закрывались из-за недостатка рабочей силы и сырья. Существовали предприятия дворцового ведомства — Хамовный (текстильный), Печатный, Монетный дворы в Москве. Всего на протяжении XVII в. можно насчитать около 30 мануфактур.

Но вот что любопытно. Мануфактурное производство организовывалось, как правило, там, где уже существовало развитое железоделательное производство в крестьянской среде, где уровень товарного производства в металлообработке был весьма высок, т. е. где дело уже шло к возникновению капиталистической мануфактуры. Не случайно В. И. Ленин рассматривал Демидова как наиболее показательный пример преемства и связи «между старыми цеховыми мастерами и принципами позднейшей капиталистической мануфактуры»⁴. Демидовы, организаторы железоделательного производства в Тульском районе в XVII столетии, превратились затем в крупнейших промышленников на Урале. А мануфактура Виниуса как бы «узурпировала» в районе Тулы местное железоделательное производство. Или, например, полотняная мануфактура Тамеса была поставлена в районе Ярославской области, где издавна существовали домашнее ткачество и весьма развитое производство полотна.

Мануфактурное производство как бы уже назревало в местах развитого товарного производства, но правительство, остро заинтересованное в условиях войны в металле, полотне, сукне, нала-

¹ См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 471.

² См.: Там же, стр. 485.

³ См.: Там же, стр. 470.

⁴ См.: Там же, стр. 424.

гало руку на местное производство и придавало ему крепостнические формы. То, что для организации заводов привлекался купеческий капитал, дела не меняло, так как и капитал и организованное им производство ставились на службу казне, которая обеспечивала заводы принудительным трудом государственных крестьян.

Конечно, с точки зрения характера производства мануфактура вносила какие-то элементы в подготовку капиталистического производства, потому что применение вододействующих машин, разделение труда, новая технология процесса — все это было важным для организации капиталистического производства. Кроме того, в некоторых случаях применялся вольнонаемный труд (главным образом квалифицированных мастеров), но удельный вес его в общей массе рабочей силы был незначителен.

Но, с другой стороны, значение мануфактуры как стадии развития капиталистического производства состоит прежде всего в том, что мануфактура, основываясь на вольнонаемном труде, дает высокую производительность труда, отрывает ремесленников от сельскохозяйственных занятий и превращает его в наемного рабочего. В этом смысле мануфактура — этап развития капиталистического производства.

Что касается «самобытного» применения крепостного труда в русской промышленности, то крепостной труд на мануфактуре был неэффективным. Государственные крестьяне, посланные работать на мануфактуру, или купленные рабочие не имели никакой заинтересованности в труде. Наличие дешевой крепостной рабочей силы развращающим образом действовало на предпринимателей, которые могли не думать о совершенствовании производства. Достаточно вспомнить, что изобретенная в России впервые паровая машина Ивана Ползунова не нашла применения.

Поэтому мануфактура, основанная на крепостном труде, могла дать временный скачок в промышленном производстве, но не могла решить проблему отсталости. Более того, она еще более консервировала феодальный способ производства. Как видим, мануфактура представляет собой очень сложное явление. Надо учитывать и то, что закрепощение массы населения практически ликвидировало возможность организации мануфактур на вольнонаемном труде. И когда правительству понадобилось железо, чтобы изготавливать пушки, сукно, чтобы одевать солдат, оно не могло идти по другому пути, кроме как использовать крепостной труд, и не хотело пойти на организацию производства вне крепостного права. Это было совершенно невозможно для господствующего класса дворянства.

Более важным явлением генезиса капиталистических отношений в XVII в. было не возникновение мануфактуры, а развитие торговли, которая приобрела очень значительные масштабы. Образовалось несколько крупных торговых центров («областных

рынков»), среди которых особенно выделялись Москва с ее громадным торгом в 120 специализированных рядов, Устюг Великий, Ярославль, Вологда, Кострома.

Крупным хлебным рынком на Западе страны стал во второй половине XVII в. Смоленск, во Пскове была большая торговля льном. Оживленной торговой артерией страны стала Волга. Нижний Новгород, Казань, Астрахань значительно выросли как центры торговли хлебом, изделиями ремесла, рыбой, солью.

В этой связи необходимо обратить внимание на известное положение В. И. Ленина о «новом периоде русской истории». В. И. Ленин противопоставлял «средним векам», «эпохе московского царства» с характерными для него «живыми следами прежней автономии» «новый период русской истории» (примерно с XVII века), который характеризовался «действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Подчеркнем, что новый период русской истории начинается примерно с XVII в., а завершается он в пореформенное время, после отмены крепостного права. Что В. И. Ленин именно так оценивал процесс формирования буржуазных отношений, свидетельствует, в частности, еще одно его высказывание о рынке в той же работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Полемизируя с народниками, отрицавшими капиталистическое расслоение деревни, В. И. Ленин писал о том что «социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает... мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок»². Совершенно очевидно, что речь идет о явно современном написанию книги процессе, т. е. происходящем в пореформенной России, в конце XIX в. Примерно же с XVII в. лишь начинается этот процесс и с ним «новый период русской истории». Обратим внимание и на то, что В. И. Ленин в другой работе специально подчеркнул: «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране. Ставить вопрос о пределах внутреннего рынка отдельно от вопроса о степени развития капитализма (как делают экономисты-народники) неправильно»³.

Поэтому теоретически неверна бывшая долгое время распространенной формула, согласно которой в XVII в. сложился всероссийский рынок. Если бы тогда уже существовал общенациональ-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 153—154.

² Там же, стр. 241.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 60.

ный рынок, это значило бы, что в России победил капитализм. В действительности в то время Россия была глубоко феодальной страной, в ней торжествовало и развивалось крепостничество, а процесс формирования буржуазных отношений лишь начинался. Очень важно положение В. И. Ленина о том, что «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы». Именно в развитии торговли и купечества (а не мануфактуры) видел Ленин зародыш новых буржуазных связей. Действительно, в XVII столетии русское купечество стало формироваться в значительную экономическую и политическую силу¹. Но его развитие сильно тормозилось отсутствием выходов к морям, засильем иностранного торгового капитала в стране. Английский, французский, голландский торговый капитал стремился захватить внутренние рынки России. Правительство, нуждаясь в деньгах, продавало за большие суммы право монопольной торговли иностранным компаниям на внутренних рынках России.

Молодая растущая буржуазия некоторых западноевропейских стран стремилась подчинить себе и Россию, превратив ее в колониальную или полуколониальную территорию. Английский флот, который одержал столько морских побед, был построен из русского леса. С английской стороны эту торговлю вела та же самая Ост-Индская компания, которая закабалила Индию.

Засилье иноземного торгового капитала приходило, естественно, в столкновение с интересами русского купечества, которое все более настойчиво требовало от правительства ограды от конкуренции со стороны иностранных купцов. Наконец, в 1667 г. был принят новый торговый устав, составленный А. Л. Ордин-Нащокиным, согласно которому иностранным купцам запрещалось вести розничную торговлю в пределах русского государства. Но помимо иностранных купцов, русским торговым людям не в меньшей мере мешали крупные феодалы, ведшие, как и прежде, торговлю в больших масштабах, а также государева казна, бесцеременно забиравшая капиталы и заставлявшая богатых торговых людей отвечать своими средствами за выполнение принудительно поручаемых государством обязанностей по поставке различных продуктов и материалов. Многие выгодные для торговли товары правительство отбирало в казну, и торговлю ими делало своей монополией. Для обеспечения государственных служб правительство объединило купцов в корпорации «гостей», «гостиную сотню» и «суконную сотню», насчитывавшие в середине XVII в. соответственно 30, 158 и 46 человек. «Гости» имели особые привилегии — право ездить за границу и иметь вотчины, судиться непосредственно в Казенном приказе, а не у местных правителей. Члены других корпораций права ездить за границу уже не имели, но

¹ См.: В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 184, 186 и др.

земли приобретать могли. Заметим, что в XVII в. верхушка купечества по-прежнему близка по положению к феодалам, хотя владеет большими капиталами — по 100 и более тысяч рублей. Тем не менее земли и промысловые угодья купцы приобретали охотно, видя в них наиболее надежную основу своего благополучия — так сильно было воздействие господствовавшего и укрепляющегося крепостничества на возникавшие раннебуржуазные по своей природе элементы.

Тем не менее развитие купечества было одним из наиболее важных явлений социально-экономического процесса в XVII столетии. Именно с этим был связан заметный подъем городов, которые и в XVII в. находились в чрезвычайно трудных условиях вследствие тяжелого фискального и полицейского гнета со стороны правительства. И все-таки на основе роста товарного производства и торговли русские города стали более развитыми, чем прежде.

Правда, не нужно преувеличивать степень городского развития России в этот период. Формально в России считалось 226 городов, без Украины и Сибири. Но как и прежде, города эти были очень разными. Была Москва, в которой жило около 200 тыс. населения и которая могла соперничать с любой западноевропейской столицей. Затем имелась небольшая группа городов с населением в несколько десятков тысяч человек (Ярославль, Новгород, Кострома, Вологда, Псков и др.). Стали крупными центрами такие северные города, как Тотьма, Устюг Великий. Характерно, что города прогрессировали преимущественно на Севере — в крае развитого промыслового хозяйства, дававшего хорошую основу для торговли, и сравнительно слабого распространения феодального землевладения. Города на южных и восточных окраинах представляли собой преимущественно крепости, населенные военными, служилыми людьми. В Томске, например, 74% населения составляли служилые люди. В Воронеже в 1646 г. было 1200 человек служилых и 513 посадских людей. Значительная часть городских жителей по-прежнему не порывала с земледельческими и промысловыми занятиями. Из многих городов население уходило от тяжести повинностей и налогов. Например, в Шуе в 1631 г. осталось всего 40 человек посадских людей. В городах — до Уложения 1649 г. — большой удельный вес принадлежал феодалам. Уровень городского развития в целом по стране был невысоким.

Но тем не менее были в XVII столетии немногие, но достаточно развитые города, в которых значительный удельный вес представляло ремесленное и торговое население. Посадская община подвергалась внутреннему расслоению и официально делилась на «лучших», «средних и молодых» людей — в соответствии с платежеспособностью. В Москве по данным 1634 г. 45% населения черных посадских слобод обладало имуществом, оценивав-

шимся до 5 рублей, 45% — от 5 до 50 рублей, 4% — от 50 до 100 рублей, 2% — до 250 рублей и около 2% — свыше 250 рублей. Таким образом, расслоение было очень глубоким. Городская верхушка, располагающая огромными средствами, закабаляла остальную массу населения.

Но были в городах и противоречия другого рода. Подъем ремесла и торговли в городах наталкивался на старые феодальные порядки. Значительная часть городской территории была по-прежнему занята «белыми слободами», принадлежащими различным владельцам, главным образом церковным — монастырям, патриарху и некоторым светским. «Белые слободы» были свободны от несения посадского тягла и поэтому привлекали горожан, измученных тяжелыми повинностями. Бегство посадского населения на «белые слободы» ослабляло посадские общины и еще более ухудшало их положение. Вот почему горожане на протяжении первой половины XVII в. требовали ликвидации «белых слобод». Эти стремления совпадали с интересами правительства, которому важно было подорвать экономическую силу феодальной знати, в значительной мере опирающейся на городские владения.

Феодально-крепостнический строй сохранял господствующее, определяющее влияние во всех областях общественно-экономических отношений. В стране примерно с XVII в. стали формироваться раннебуржуазные элементы, что определило начало нового периода русской истории, но на этом этапе они были подвержены сильному воздействию со стороны феодального государства и приобретали многие крепостнические черты.

ЛЕКЦИИ 9 и 10

КЛАССОВАЯ БОРЬБА, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В XVII в.

Поражение крестьянской войны под руководством Болотникова не привело к прекращению антифеодальной борьбы народных масс в Русском государстве. Выступления крестьян и посадских людей продолжались и после восстания Болотникова. Объединение разнородных социальных сил во втором ополчении не означало установления «классового мира» в стране.

Напряженным было положение и внутри господствующего класса феодальных землевладельцев. Борьба за землю и рабочие руки привела к многочисленным столкновениям между различными группами феодалов. Большое количество черных и дворцовых земель было расхищено в годы интервенции. Земельные отношения оказались весьма запутанными ввиду часто противоречащих друг другу пожалований земель со стороны московских правителей и самозванцев. На одни и те же земли предъявляли права различные владельцы. Крупные феодалы не останавливались перед открытым захватом земель силой, а мелкопоместных дворян они нередко заставляли стать своими кабальными холопами. Дворянство настойчиво требовало защиты от произвола боярской аристократии и укрепления своего землевладения. Правительство нуждалось в средствах для войска — чтобы добиться восстановления государственного единства русских земель и

«обеспечить оборону против нападений со стороны крымских татар¹.

Финансовое положение государства после интервенции было очень тяжелым. Государственная казна пустовала, а источники ее пополнения были подорваны. Некоторые крупные города получили временную льготу от уплаты налогов ввиду их крайнего разорения. Так, на три года был освобожден от налогов Новгород, вернувшийся в состав Российского государства по Столбовскому миру 1617 г.

Правительство стало восстанавливать контингент тяглых людей. На соборе 1619 г. было постановлено вернуть всех посадских людей на прежние места и произвести новую перепись городов для определения размеров государственного тягла. Но осуществить это мероприятие не удалось ввиду массовых размеров «закладничества» и слабости правительственного аппарата.

Когда в 1620 г. на совещании с торговыми людьми обсуждался вопрос о том, будет ли выгодным для казны предоставление англичанам беспошлинной торговли с Персией, то выяснилось, что единственными реальными источниками доходов в то время были таможенные пошлины и кабацкие деньги.

Всю тяжесть ликвидации последствий интервенции, развязанной господствующими классами, феодальное государство перекладывало на народные массы. Помимо прямого поземельного налога правительство часто прибегало к чрезвычайным денежным сборам — «пятинным деньгам», которые собирались за 20 лет, начиная с 1613 г., семь раз. Сбор чрезвычайных налогов проходил с большим трудом ввиду сопротивления населения. В 1615 г. в Устюжне посадская беднота — «мелкие люди» — дала крестное целование друг другу в том, что они будут стоять вместе против уплаты налога и не выдадут никого на «правеж».

Правительство нажимало также на богатую верхушку городского населения. Специальным решением собора 1616 г. был наложен дополнительный оклад в 40 тыс. рублей — сверх 16 тыс. рублей обычного оклада. Принудительные займы были сделаны также у Троице-Сергиева монастыря.

Собрав некоторые средства, правительство стало закупать оружие и боеприпасы за границей, нанимать там офицеров. Были созданы полки «иноземного строя» — прообраз регулярной армии.

Рост народного недовольства проявился во время неудачной войны с Польшей, начатой в 1632 г. с целью возвращения Смоленска. Осенью 1632 г. началось движение крестьян, холопов,

¹ См.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948.

посадских людей, находившихся в составе спешно набранных полков «охочих людей» под Смоленском. Крестьянин Болдина монастыря Балаш возглавил движение «вольницы». Создались самостоятельные отряды, не подчинявшиеся приказам командования. В то же время они вели борьбу против польско-литовских войск. В самом выступлении «вольницы» Балаша нашел своеобразное проявление протест народных масс, не желавших подчиняться феодалам. Как и прежде, борьба с феодалами и внешними врагами тесно переплеталась. Балаш был схвачен, но часть его отряда ушла на Дон. Осенью 1633 г. волнения в войсках под Смоленском вспыхнули с новой силой. Во главе с казачьими атаманами стали формироваться многочисленные отряды, достигшие к лету 1634 г. 8 тыс. человек. В отряды шли крестьяне и холопы, не желавшие после окончания войны возвращаться к своим владельцам. Они сосредоточились в Козельском, Воротынском, Белевском и других уездах, где вскоре начались выступления местных крестьян. Затем, когда уже начались мирные переговоры с Польшей, отряды стали двигаться на восток. Часть их была разоружена правительственными войсками, а основная масса ушла на Дон и влилась в ряды казачества.

Донское казачество становилось крупной социальной силой. Правительство, с одной стороны, препятствовало уходу на Дон. Но в то же время оно не могло обойтись без казаков, ведших борьбу с турецко-татарской агрессией. Эта борьба поощрялась правительством, которое посылало казакам хлеб, оружие, порох. Во-первых, она отвлекала казачество от выступлений против феодалов внутри страны и, во-вторых, давала возможность дипломатического лавирования с Крымом и Турцией со ссылкой на то, что казаки — люди вольные, беглые, московскому правительству неподвластные и потому оно за их действия не отвечает.

В 1637 г. смелым налетом донским казакам удалось захватить крепость Азов, закрывавшую выход из Дона в Азовское море. Взятие Азова сразу изменило всю обстановку. Прекратились набеги крымских татар, которые лишились опорного пункта в Поддонье и в Приазовье. С другой стороны, взятие Азова поставило московское правительство перед реальной угрозой войны с Крымом и Турцией. Донские казаки могли взять Азов, а удержать его не могли. Были посланы в Москву казачьи прошения и просьбы, чтобы взять Азов под высокую царскую руку. Эти казачьи челобитные представляют один из ярких памятников русской народной литературы XVII столетия, в которых переплетаются горячая любовь к Родине, бесхитростная и самоотверженная готовность сложить свои головы в борьбе за Русь против ее врагов. «А государство московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди паче всех инех государств и орд... аки в небе солнце» — и вместе с тем горькое сознание того, что «рады там все концу нашему», потому что «отбегаем мы из того

государства Московского на работы вечные, на хозяйства невольного, от бояр и дворян государевых. Кому об нас там погужить?»¹.

Для решения вопроса о судьбе Азова правительство собрало в январе 1642 г. собор. Решение становилось тем более неизбежным, что турецкие войска обложили Азов, и казаки с большим трудом оборонялись от во много раз превосходящих сил противника. Царь Алексей Михайлович послал донским казакам 5 тыс. рублей. Однако это не заменяло совершенно необходимой поддержки, которую правительство не могло оказать без помощи остро конфликтовавших между собой сословий. Земский собор вскрыл глубокие противоречия в стране, которые ставили каждый класс и каждое сословие в положение враждующих сил по отношению ко всем другим классам и сословиям.

Примерно такая же обстановка складывалась в Германии, как писал Энгельс, накануне Великой крестьянской войны, когда «все классы и сословия стояли поперек один другому».

На соборе присутствовали представители духовенства, стольного и провинциального дворянства, купечества. По обычаю государь задал вопрос представителям разных сословий, как поступить с Азовом. Согласно такому же обычаю духовенство, как и всегда, уклонилось от ответа на вопрос, сказав: как твоей государевой воле угодно, так и будет. Наиболее привилегированные столичные дворяне заявили: казаки взяли Азов, пусть они его и держат, отказав тем самым от поддержки опасного для феодалов казачества. Интересы обеспечения безопасности страны они приносили, как и прежде, в угоду своим узко классовым, корыстным интересам.

Дворянство воспользовалось случаем и потребовало укрепления и расширения своих владельческих прав на землю, обеспечения дворянских поместий рабочей силой и защиты от произвола боярства, в том числе и в правительственных учреждениях. В многочисленных челобитных дворяне просили правительство обеспечить защиту их интересов. Жаловались на обиды со стороны «сильных людей», вроде дяди царя боярина Ивана Никитича Романова, приказчики которого насильно захватывали и уводили крестьян к своему боярину. На бегство и насильственный вывод крестьян жаловались не только дворяне, но также монастыри и другие феодалы. Феодалы землевладельцы требовали отмены «урочных лет» — срока, в течение которого вла-

¹ «Воинские повести Древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949, стр. 68.

делец крестьян мог при помощи правительственных органов разыскать и возвращать беглых и вывезенных крестьян. Одним из первых добился отмены «урочных лет» для себя крупнейший феодал того времени — Троице-Сергиев монастырь — подобно тому, как в XV в. он тоже раньше всех получил право отмены Юрьева дня. В челобитной дворян разных городов, поданной Михаилу Федоровичу в 1637 г., говорилось: «Вели, государь, те урочные годы пять лет отставить, а крестьян беглых наших и людшек вели, государь, нам, холопам своим, отдавать по писцовым и по отдельным книгам, и по выписям, и по нашим крепостям, чтоб мы, холопы твои, служа твою государеву беспрестанную службу с пуста и платя твои государевы всякие подати, вконец не погибли».

В ответ на эти просьбы правительство Михаила Федоровича в 1637 г. издало указ об увеличении срока розыска и возвращения ушедших крестьян, так называемых урочных лет, до 9 лет, а в 1641 г. увеличило «урочные лета» до 10 лет для беглых крестьян и до 15 лет для вывезенных.

Теперь представители городского дворянства снова указали на свое бедственное положение и предъявили ряд требований (в форме челобитных) правительству. Заявив о том, что они разорены «пуше турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов», дворяне потребовали не только отменить урочные лета, но и передать в их руки осуществление государственного надзора за сыском и возвращением беглых и вывезенных крестьян. Для того чтобы они «с московские волокиты вконец не погибли и от московских всяких чинов сильных людей и от монастырей и от всяких властей в продаже не были», дворяне считали необходимым «выбрать в городах из дворян и из земских людей» лиц, которым будет поручено разбирать иски владельцев о возврате их крестьян. Тем самым дворянство решительно выступило за усиление своей роли в осуществлении главной задачи государственной власти — удержания в повиновении масс непосредственных производителей. Дворянство требовало предоставления ему главной роли в государственном управлении за счет оттеснения боярской аристократии. Представители дворян потребовали брать деньги на войну с бояр, духовенства, разбогатевших приказных людей и поручить сбор этих денег не приказам, а выборным людям из дворян и гостям.

Серьезные требования выдвинуты были и купечеством, которое решительно настаивало на ограждении его от непосильной конкуренции с иностранными торговцами, проникавшими в Россию. Жалуясь на свое «оскуднение», гости, торговые люди гостинной и суконной сотен в своей челобитной, поданной на Земском соборе, говорили: «А торжишка, государь, у нас, холопей твоих, при прежних годах стали гораздо худы, потому что всякие наши торжишка на Москве и во всех городах отняли многие инозем-

цы, немцы и кызылбашцы¹, которые приезжают к Москве и в иные города со всякими своими большими торгами и торгуют всякими товарами». Торговые люди также требовали прекращения злоупотреблений со стороны приказной администрации, отмены системы воеводского управления и восстановления института губных старост. Гости и посад Москвы настаивали на том, чтобы оборона Азова стала делом всех сословий.

Собор 1642 г. ясно показал возrastавшую роль дворянства и верхушки посадов в политической жизни страны. Борьба этих поднимавшихся и укреплявшихся социальных групп с засильем боярской аристократии достигла большого напряжения.

В целом противоречия охватывали все общество — они были между трудовыми массами деревни и города и феодалами и феодальным государством; внутри господствующего класса феодалов, между «большими и меньшими» людьми в деревенских и посадских общинах; наконец, между зарождавшимися раннебуржуазными элементами городов и феодальным строем в целом. Недаром XVII столетие оказалось таким «бунташным веком». Правительство лавировало между остро противоречивыми интересами, но все более опиралось на дворянство и купечество, как на реальные силы, при поддержке которых можно было достичь укрепления самодержавия. Однако позиции боярства были еще достаточно крепкими, чтобы не позволить произвести удовлетворение требований дворянства и купечества, выдвинутых на соборе 1642 г.

Ввиду острых внутренних противоречий царь решил отдать Азов обратно Турции и не ввязываться с ней в тяжелую в таких условиях войну. В Москве больше всего опасались, как бы в этой сложной обстановке казачество не двинулось снова по стране, как это имело место в начале столетия.

Важная задача обеспечения безопасности южных границ не была решена, как не была достигнута цель и в борьбе за возвращение Смоленска. Подчеркнем, что интересы национальной безопасности в условиях феодально-крепостнического строя постоянно сталкивались с интересами правящих классов и достигались с огромным трудом, медленно, ценой больших жертв народа.

В 1645 г. умер царь Михаил Федорович. На престол вступил его 16-летний сын Алексей Михайлович. При новом царе стала выдвигаться и заняла руководящее положение новая боярская группировка, к которой принадлежали родственники царя — Милославские и др. Большое влияние приобрел бывший воспитатель царя, его «дядька» — Б. И. Морозов, породнившийся с царем.

Правительство Алексея Михайловича унаследовало весь сложный круг вопросов, требовавших разрешения. По-прежнему

¹ «Немцами» называли с XVII в. вообще иностранцев из стран Западной Европы, а «кызылбашами» — персов.

острой проблемой оставалось обеспечение фискальных интересов государства, требовавших больших расходов для обеспечения военных нужд. Правительство пошло по пути нового усиления налогового гнета. Сильно возрос самый тяжелый прямой налог на содержание войска — «стрелецкие деньги».

Так как каждой посадской общине назначалась лишь общая сумма налога на год, то для верхушки посада открывались возможности перекладывать всю тяжесть налогового гнета на «меньших» людей и закабалять их. Образовались большие недоимки, которые правительство с 1646-1647 гг. стало собирать суровыми мерами, прибегая даже к посылке стрельцов вместе со сборщиками налогов. Недоимщиков по узаконенному правительством порядку ставили на «правеж» — подвергали ежедневному телесному наказанию до уплаты недоимки. Народ стал разбегаться из посадов и деревень. Иногда целыми деревнями крестьяне уходили в леса и скрывались там от сборщиков налогов. Пустовали пашни, подрывалось и без того убогое крестьянское хозяйство. Посадские люди уходили на привилегированные «белые» земли в городах. Доля в уплате налогов, падавшая на ушедших тяглецов, теперь раскладывалась между оставшимися, положение которых в силу этого становилось еще тяжелее.

Правительство производило сыск ушедших тяглецов и возвращало их в тяглые слободы. С другой стороны, разбогатевших купцов стали принудительно переводить в привилегированные купеческие корпорации, а уклоняющихся выискивали и доставляли с помощью вооруженной силы. Это делалось с целью привлечения купеческих капиталов к удовлетворению казенных потребностей. Тем самым наиболее состоятельная часть посадского населения выключалась из разверстки налогового обложения. Усиление налогов всей тяжестью ложилось на массу рядовых посадских ремесленников и торговцев.

Правительство продолжало изыскивать новые средства пополнения государственной казны. Дальнейшее увеличение прямых налогов становилось бесполезным ввиду подрыва платежеспособности тяглого населения. Поэтому правительство пошло по пути увеличения косвенных налогов, что существенно затрагивало жизненные интересы населения. В феврале 1646 г. был введен повышенный соляной налог. При этом власти заявили о том, что этот «ровный» для всех налог заменит прямые налоги. В действительности, косвенный налог был особенно тяжел для малоимущих слоев народа, так как вырывал из их доходов значительно большую часть в процентном отношении, чем у состоятельных людей. Потребление соли сократилось. Казна по-прежнему пустовала, а недовольство народа заставило правительство отказаться в декабре 1647 г. от соляного налога.

В целях экономии государственных средств правительство стало сокращать расходы на управление. Целые категории слу-

жилых людей лишались жалованья, в том числе казенные кузнецы и плотники, стрельцы, подьячие в городах и др. Это усилило недовольство низших разрядов служилых людей.

Повсеместным, глубоким недовольством было охвачено самое низшее сословие русского феодального общества — крестьянство, служившее основанием всей той социальной пирамиды, которая состояла из разных, борющихся между собой сословий. Крестьянство жило надеждой на смягчение крепостного гнета и ожидало восстановления права выхода крестьян от владельцев. Сохранилось известие о том, что крестьяне связывали с вступлением на престол нового царя надежду на то, что «он, государь, пожалует, даст им, крестьянам, выход». Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Процесс усиления крепостного права непрерывно развивался. В 1645 г. служилые люди, собранные под Тулой для отражения ожидавшегося нападения татар, подали Алексею Михайловичу челобитную, в которой настаивали на отмене «урочных лет». Правительство, считаясь с интересами тех землевладельцев, которые были заинтересованы в притоке беглых крестьян, лишь отчасти пошло навстречу этим требованиям. Был подтвержден указ 1641 г. об удлинении срока розыска до 10 лет для беглых и до 15 лет для вывезенных. При составлении в 1646 г. новых «переписных книг» было указано, что впредь «по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет», что было позднее закреплено Соборным уложением. Так был сделан еще один шаг, приближавший окончательное оформление крепостного права в России и вместе с тем еще более углублявший классовые противоречия между крестьянами и феодалами.

Недовольство горожан также продолжало нарастать. В 1646 г. купцы подали царю новую челобитную, в которой пространно обрисовали свое положение и вновь предъявили ряд претензий к государственной власти. Они обвиняли некоторых правительственных деятелей в пособничестве иностранным купцам, захвативших многие русские торги. Особенно протестовало русское купечество против льготного положения английских купцов, которые взяли в свои руки торг в Архангельске, Холмогорах, Вологде, вытеснили русских из торговли западными странами и создали непосильную для них конкуренцию своими товарами. В челобитной русские купцы отмечали, что в свое время, сразу после интервенции, когда англичане получили льготы через Посольский приказ, они не имели возможности протестовать против предоставления льгот, так как находились в крайне разоренном состоянии. Теперь купцы требовали их прекращения, ссылаясь на то, что льготы были предоставлены по просьбе английского короля Карла, который ко времени подачи челобитной уже потерял власть над английскими купцами, ибо они выступили у себя на

родине против него (в Англии в этот период началась буржуазная революция). В этом же году беспошлинная торговля для иностранцев была отменена.

Обострение классовых противоречий к середине XVII в. с особенной силой выявилось в городах. Сосредоточение в городах значительных масс населения, наличие известной организации посадского населения в виде слобод и сотен создавали благоприятные предпосылки для массовых выступлений. К протесту против феодальной эксплуатации, общему для крестьянства и для горожан, прибавлялся протест массы обедневшего посадского люда против гнета посадской верхушки.

Уже в 1646—1647 гг. происходили волнения в Ельце, еще раньше начались и долго продолжались волнения в Сибири. В 1648 г. казаки и крестьяне сместили воеводу в Томске и установили казачье правление.

Но самое большое восстание вспыхнуло в Москве — самом крупном и развитом русском городе того времени. В огромном городе жили рядом и массы все более разоряемых посадских людей, и разбогатевшее купечество, и многочисленное духовенство, и знатные бояре, и вооруженные стрельцы, и масса холопов, здесь были сосредоточены все центральные правительственные учреждения и жил сам царь, наивная вера в справедливость которого веками держалась в умах темных и забитых крепостнической неволей людей. Вспышка народного недовольства в таком городе легко могла перейти в мощное восстание, которое началось 1 июня 1648 г. Оно было стихийным, как и все выступления народных масс в средние века. Гнев восставших был направлен против отдельных представителей царской администрации, личную деятельность которых считали главной причиной несчастий и бедствий.

Когда царь возвращался с богомоля из Троице-Сергиевой лавры, массы народа обратились к нему с челобитной, где обличались «простого народа мучители и кровопийцы и наши губители, всей страны властвующе», которые народ «всеми способами мучат, насилья и неправды чинят».

Челобитчики были разогнаны плетьюми, а 16 человек из них арестованы. На следующий день уже в Кремле толпа народа вновь обратилась к царю во время выхода его из церкви с требованием наказать управляющего Москвой Л. С. Плещеева и освободить заключенных. Алексей Михайлович был вынужден дать согласие на освобождение челобитчиков.

Тесно связанные с массой посадского населения и сами испытывавшие всяческие притеснения стрельцы в решительный момент оказались среди восставших, и это придало особый размах восстанию. Московский народ теперь уже вместе со стрельцами ворвался в царские палаты и потребовал наказания Морозова. Царь трусливо заговорил о том, что его будто бы самого надо за-

щищать от слуг Морозова. Народ бросился к дому Морозова и подверг его полному разгрому. Один иностранец, бывший очевидцем восстания, отметил, что восставшие «взламывали сундуки и лари и бросали их в окошко, при этом драгоценные одеяния, которые в них находились, разрывались на клочки, деньги и другая домашняя утварь выбрасывались на улицу, чтобы показать, что не так влечет их добыча, как мщение врагу». После этого были разгромлены дома Л. С. Плещеева и Н. И. Чистого. Спрятавшегося Чистого, которого считали инициатором соляного налога, вытащили на улицу, убили и раздетый донага труп бросили на навозную кучу. Разгрому были подвергнуты еще несколько десятков домов московской знати. Гнев народа был направлен и против богатых купцов, притеснявших массу посадского населения. Были разграблены дворы В. Шорина, С. Задорина. А. Федотова и др. Характерно, что верхушка московского купечества не только не принимала участия в городском восстании, но обратилась к правительству с просьбой о защите. Не участвовали в восстании московские дворяне. Размежевание классовых сил внутри посада отчетливо выявилось в ходе этого восстания.

На третий день правительство закрыло Кремль и Китай-город. Из Кремля раздалось несколько холостых выстрелов. Возмущенные москвичи ударили в набат, и несколько тысяч человек вновь собралось у Кремля и потребовало выдачи Плещеева. Царю пришлось уступить. Плещеев был выдан и убит. Теперь восставшие потребовали выдачи Морозова. Пытаясь отвлечь народ от Кремля, Морозов приказал своим слугам зажечь город. Начался огромный пожар, уничтоживший десятки тысяч домов, большие материальные ценности и тысячи людей. Но эта преступная мера не достигла цели. Восстание продолжалось. Восставшие требовали выдачи еще одного правительственного деятеля — П. Т. Траханиотова, которого также считали непосредственным виновником соляного налога. Царю снова пришлось уступить. Траханиотову отрубили голову. Морозов пытался бежать из Москвы, но был пойман. Под сильным конвоем стрельцов Морозов был отправлен в ссылку в Кириллов-Белозерский монастырь, причем царь торжественно обещал никогда не возвращать его в Москву. Одновременно в монастырь были посланы царские грамоты со строгим наказом — сохранять и оберегать боярина Бориса Ивановича. Правительство пошло и на другие уступки, сменив судей в главнейших московских приказах. Были освобождены от «правēja» недоимщики.

В течение нескольких дней власть в Москве находилась фактически в руках восставших. Правительство было бессильно что-либо сделать. Такого грозного размаха городское восстание достигло впервые. Стихийное и неопределенное по своим целям оно, однако, своей силой отразило гневный протест народа не

только против отдельных царских деятелей, но и против всей системы гнева, эксплуатации, произвола и притеснений.

Однако после 5 июня восстание пошло на убыль. Правительству удалось повышением жалованья привлечь на свою сторону стрельцов. В руках правительства оказалась вооруженная сила. Путем ряда уступок и удовлетворения просьб правительство успокоило дворян. Были казнены главари выступлений холопов. Положение в Москве было восстановлено¹. Но вслед за Москвой поднялась волна восстаний, охвативших громадную территорию. В Подмоскovie происходили отдельные выступления крестьян. Сильное движение развернулось в южных «украинных городах», в которых было много мелких служилых людей, разоренных от неуплаты жалованья и притеснений со стороны администрации. Они были во многом близки посадским людям, занимались ремеслом и торговлей, и эти занятия были для них основным средством к существованию. Именно этот мелкий служилый люд и был главной движущей силой городских восстаний. В ряде случаев в восстаниях приняли участие крестьяне. Конкретные условия и поводы возникновения волнений были различными в разных городах, но все они были проявлением общей волны антифеодальных движений, охвативших Русское государство в середине XVII в. Почти все они были непосредственным откликом на московское восстание. Волнения произошли в Козлове, Владимире, Воронеже, Ельце, Болхове, Чугуеве².

Но не только на южной «украине» волновалось городское население. На другом конце страны, в Северном Поморье также произошли народные выступления — в Соли Вычегодской, Тотмее, Устюге Великом, Каргополе³. Здесь, на Севере, волновались вместе с посадскими людьми черносотенные крестьяне.

Осенью слухи о московском восстании дошли до Чердыни и Соли Камской, и там тоже поднимался народ против зажиточных посадских людей. Начавшиеся еще в мае волнения в Нарыме вновь вспыхнули при известии о московском восстании.

Несколько позднее произошли крупные восстания на Северо-Западе, в Пскове и Новгороде⁴.

¹ См.: С. В. Бахрушин. Московское восстание 1648 г. В кн.: «Научные труды», т. 2. М., 1954.

² См.: Г. А. Новицкий. Восстание в Курске в 1648 г. «Историк-марксист», 1934, № 6; Е. В. Чистякова. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. В кн.: «Русское государство в XVII в.», М., 1961.

³ См.: К. В. Базилевич. Мятёж в Устюге Великом в 1648 г. «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 5, 1928; А. П. Колесников. Восстания в Тотмее и Тотемском уезде. В кн.: «Русское государство в XVII в.», М., 1961.

⁴ См.: М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935; М. Н. Тихомиров. Новгородское восстание 1650 года. «Исторические записки», т. VII. М., 1940.

Непосредственным поводом к восстанию в Пскове, происшедшему в 1650 г., была производившаяся в Пскове по распоряжению из Москвы передача хлебных запасов Швеции в счет погашения долгов. Представители «молодых людей», посадских низов Пскова, обратились 26 февраля к архиепископу с просьбой уговорить воеводу Собакина не отдавать хлеба шведам, так как в самом Пскове испытывалась нужда в хлебе. Но воевода отказался удовлетворить требование псковичей. На другой день восставшие псковичи задержали шведского правительственного агента Нумменса, выбрали своими руководителями площадного подъячего Томила Васильева и стрельцов Порфирия Козу и Иова Копыто, решив хлеба шведам не отдавать и отправить по этому поводу специальных челобитчиков к царю.

Через несколько дней началось восстание в Новгороде, куда проникли слухи об отправке хлеба за рубеж. Восставшие разорили дворы богатой новгородской знати. 16 марта им удалось захватить власть в городе. Во главе нового новгородского правительства был поставлен освобожденный восставшими из-под ареста митрополичий приказный Иван Жеглов; вместе с ним во главе Новгорода встали посадские люди Елисей Лисица и другие, а также представитель стрельцов.

В Пскове и Новгороде активное участие в восстании городских низов приняли стрельцы. Характерной особенностью восстаний 1650 г. было более заметное участие крестьянства и, наоборот, отказ дворян от поддержки восстания, что свидетельствует об изменениях в расстановке классовых сил после Уложения 1649 г.¹

В Новгороде против восставших выступил митрополит Никон, который 17 марта публично предал проклятию новое новгородское правительство. Через день по сигналу набата восставшие новгородцы вторглись на Софийский двор и избili митрополита. 20 марта новгородское правительство решило заставить дворян и детей боярских присягнуть на верность обязательству не пропускать за рубеж хлеба и денег. Дворяне уклонились, заявив, что к челобитной государю по этому поводу они присоединятся, а подписывать клятвенное обязательство не согласятся. В острый момент восстания произошел раскол — дворяне не хотели вступать в глубокий конфликт с государственной властью. Самыми последовательными в борьбе оставались, конечно, посадские низы. Среди посадских людей раздавались даже требования напасть на дворян, отказывающихся поддержать восставших новгородцев.

К Новгороду было направлено царское войско под предводительством князя Хованского. Но посадские люди отказались впустить государеву рать в город и заявили, что если Хованский

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. В кн.: М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 г. М., 1961.

с войсками окажется в Новгороде, то восставшие «со знаменами и барабанами» уйдут в Псков и там, соединившись с псковичами, будут отбиваться. Восстание приобретало грозный размах, хотя в этот напряженный момент некоторые из участников новгородского правительства, принадлежавшие к посадской верхушке, колебались и стали переходить к Хованскому, разбившему лагерь близ города.

Измена «лучших людей» городской верхушки предрешила участь восставших. Город был сдан Хованскому в середине апреля, начались розыски виновных в восстании. Из Москвы от царя пришел указ казнить Жеглова, а остальных членов нового правительства бить кнутом нещадно и сослать в Астрахань, на Терек и в другие отдаленные районы.

В Пскове восставшие силой взяли у воеводы оружие, боеприпасы и ключи от города, заявив о своей решимости оборонять город и не сдаваться. Им на помощь выступили люди из Гдова. Прибывшего из Москвы для подавления мятежа князя Волконского восставшие арестовали, так же как и присланных Хованским для переговоров о сдаче дворян. Характерно, что когда некоторые из руководителей восстания предложили обратиться за помощью к польскому королю, вече отвергло это предложение. Восставшие отобрали хлеб у богачей и раздали его посадским людям и стрельцам.

В течение июня и июля продолжались бои под Псковом. На помощь восставшим выступили также жители Изборска, переходили на их сторону и некоторые ратные люди из войска Хованского.

Для решения вопроса о Пскове царь собрал специальный совет в конце июля 1650 г. В результате правительство решило изменить тактику и отказалось от требования выдать руководителей восстания. Опасались распространения восстания на другие города. В Москве усилили надзор за посадскими людьми и строго наказали сотским (старостам посадских сотен) доносить правительству о распространении «воровских речей». Имеются данные, свидетельствующие о связях восставших псковичей с московскими посадскими людьми и о том, что в Москве вот-вот может вспыхнуть под влиянием псковских событий новое народное восстание. Все это заставило правительство лавировать и применять более осторожные методы действий¹.

В Пскове восставшие держались твердо. Когда псковский архиепископ Макарий попытался уговаривать прекратить восстание, его арестовали. Некоторые из дворян, замышлявших измену, были казнены.

17 августа в Псков прибыли для переговоров московские пос-

¹ См.: А. М. Сахаров. Из истории Москвы середины XVII в. «Вестник МГУ», серия истории, 1963, № 3, стр. 47—48.

лы. Они получили поддержку со стороны псковской городской верхушки, «лучших людей», им удалось расколоть ряды восставших, часть которых согласилась принести повинную царю. Волнения продолжались еще несколько дней, но «лучшие люди» уже взяли власть в свои руки. Они схватили руководителей восстания — Гаврила Демидова и других — и потребовали от воеводы расправы над ними. Классовые противоречия внутри псковского населения проявились здесь с особенной отчетливостью. Как и во время других городских восстаний XVII в., посадская верхушка выступала на стороне государственной власти, враждебно относилась к восставшим массам посадского населения.

Восстания произошли также в сибирских городах — Томске, Нарыме, Сургуте, Кузнейке¹, где они были поддержаны нерусским населением Сибири.

Таким образом, восстания всколыхнули огромную территорию. Всего за период с 1630 по 1650 г. можно насчитать до 30 восставших городов², из них 21 в 1648—1650 гг.³

В обстановке обострения классовой борьбы в стране и углубившихся противоречий в среде господствующего класса правительство вынуждено пойти на частичное удовлетворение требований, выдвигавшихся дворянством и посадскими людьми, при этом оно руководствовалось стремлением обеспечить сохранение и укрепление существующих порядков и предотвратить возможность новых антифеодальных выступлений. Была удовлетворена челобитная посадских людей разных городов о возвращении в посадские общины купцов, взятых в 1647 г. в гостиную и суконную сотни. Позднее, когда напряжение в стране спало, вопрос о возвращенных в посады купцах был поставлен снова торговыми людьми гостинной сотни, которые признавались, что «бити челом против их челобитья (т. е. посадских людей) в то смутное время за боязнь не смели». Удовлетворялось и другое настойчивое требование торговых людей — государевым указом в 1649 г. ликвидировались все привилегии английских купцов в России, и им запрещалось торговать всюду, кроме Архангельска. В качестве формального основания для этого решения выдвигалось то, что «англичане всею землей учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти». Мелкое провинциальное дворянство также получило некоторые уступки. В момент восстания в Москве находилось большое дворянское ополчение, собранное на случай отражения нападения крымских татар. Де-

¹ См.: З. Я. Бояршинова. Волнения в Томске в XVII в. «Вопросы истории», 1956, № 6; В. С. Флеров. Томское восстание 1648 г. В кн.: «Научная конференция, посвященная 20-летию Томского пединститута». Томск, 1950.

² См.: П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., ч. II, М.—Л., 1948, стр. 30.

³ См.: Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г. Воронеж, 1953, стр. 11.

сятки челобитных дворян были поданы царю летом 1648 г. Стремясь укрепить свою социальную базу, правительство роздало дворянам землю казенных во время восстания бояр и удовлетворило требования дворян о выплате денежного жалованья.

Но особенно большое значение имела дальнейшая разработка системы феодального законодательства.

Волна массовых восстаний заставила правительство приступить к проведению реформ в области законодательства. Царь Алексей Михайлович согласился с просьбой дворян московских, жильцов, дворян и детей боярских городовых, иноземцев, гостей и гостиных, суконных разных слобод торговых людей, поданной в первые дни после московского восстания, собрать собор для составления нового Уложения¹.

На соборе было 340 участников, в том числе 14 представителей высшего духовенства, 40 — от бояр, столичного дворянства, высшей приказной администрации, 153 — от провинциального дворянства, 94 — от торговых и посадских людей, 15 — от стрельцов. Решающее большинство принадлежало, таким образом, представителям дворянства и посадской верхушки. В соответствии с классово-политическими интересами этих общественных групп и протекала выработка нового Уложения.

Основные требования дворянства и купечества были изложены в челобитных от участников собора. Выборные служилые люди вновь обратились с просьбой об отмене «урочных лет». Выборные от служилых и посадских торговых людей заявили о необходимости обратить в посадское тягло слобод и дворов, принадлежавших «нетяглым» владельцам. Составление Уложения происходило в условиях, когда опасность новых волнений была по-прежнему велика. Оппозиционность дворянства правительству уменьшилась, с одной стороны, вследствие уступок, сделанных правительством, а с другой — в результате того, что само дворянство было напугано обострением классовых противоречий в стране. Те же мотивы толкали и купеческую верхушку на поддержку правительства и укрепление государственной власти. Составление нового Уложения было подчинено идее защиты существующего строя от каких-либо посягательств и подавления сопротивления со стороны народных масс. Патриарх Никон писал позднее, что собор 1648 г. был созван «боязни ради и междоусобий от всех черных людей».

Первые главы Соборного уложения посвящены борьбе с выступлениями против церкви и государственной власти. Подрыв авторитета церкви в эпоху, когда религиозные представления имели самое широкое распространение и неразрывно связывались с понятиями о государственном и общественном строе, представ-

¹ См.: М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 г. М., 1961.

лял собой особую опасность для господствующего класса. Соборное уложение устанавливало жестокие и беспощадные наказания за антицерковные выступления, вплоть до сожжения на костре. Не менее сурово преследовались выступления против государственной власти. Смертная казнь устанавливалась не только за измену и заговор против государя, но и за нарушение его чести и спокойствия (например, за драку на государевом дворе). Уложение оберегало жизнь и имущество государевых бояр и воевод, за покушения на которых полагалась смертная казнь «безо всякие же пощады».

Специальные главы Соборного уложения были посвящены борьбе с подделкой государственных документов и порчей монеты. За выпуск фальшивой монеты денежные мастера подвергались жестокому наказанию — им заливали горло расплавленным металлом.

Наконец, в Уложении были зафиксированы порядки нахождения на службе служилых людей. Особо предупреждалось, чтобы во время военных походов «от ратных людей никому нигде никакова насильства не было». Служилые люди освобождались от уплаты пошлин при движении через вотчины и поместья феодальных владетелей. Вместе с тем строго каралось уклонение от службы и переход на сторону врага. Запрещался самовольный выезд за границу. Особые меры были направлены на предупреждение крестьянских волнений в порубежных уездах.

Большое внимание уделялось в Уложении вопросам суда и судопроизводства. Правительство стремилось совершенствовать судебно-административную систему, оградить ее от злоупотреблений и обеспечить известные гарантии справедливых с точки зрения феодального права решений судебных дел. Это делалось с целью предотвратить новые массовые волнения, так как злоупотребления и произвол царских судей и администраторов были одной из важных причин народного недовольства. Но главной целью было завершение централизации государственного судебно-административного аппарата, оформление разработанной системы феодального суда и судопроизводства, обеспечивающей подавление народных выступлений.

Система судопроизводства и наказаний по Уложению характеризовалась типично средневековой жестокостью. Пытки, избияния, отсечение ушей, рук и ног, различные виды смертных казней широко практиковались по Уложению. Уголовное право сохраняло еще многие патриархальные порядки. Так, убийство родителей каралось смертью, но за убийство детей полагалось лишь годичное тюремное заключение. Убийство мужа наказывалось страшной казнью — женщину закапывали живой в землю по шею, «хотя будет дети или иные кто ближняя роду его (т. е. мужа) того не похотят, что ея казнити, и ей отнюдь не давали милости, и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет».

Уложение применяло в некоторых случаях древнюю форму возмездного наказания — например, за увечье и членовредительство виновнику полагалось нанести такое же увечье, какое он причинил пострадавшему.

В Соборном уложении последовательно проводился принцип сословного суда. Для каждого сословия устанавливались специальные суды и особое правовое положение. Дифференциация сословий ярко отразилась в системе наказаний за «бесчестие».

Соборное уложение закрепляло оформившуюся и сложившуюся в XVII в. феодальную организацию общества в России. Защищая интересы господствующего класса феодалов, оно укрепляло его имущественное и правовое положение, собственность на основное средство производства — землю, власть над массами непосредственных производителей материальных благ.

В связи с этим Соборное уложение особо рассматривало вопросы, связанные с поместным и вотчинным землевладением. Важным мероприятием, направленным к сокращению земельных владений, находившихся вне контроля со стороны государства, было запрещение дальнейшего роста церковного землевладения.

Вместе с тем Уложение усилило дворянское землевладение. Поместья выбывающих со службы из-за старости или увечья служилых людей должны переходить к детям, братьям, племянникам или внукам, которые записывались в службу вместо уходящих. Было разрешено менять поместья на вотчины. Тем самым Уложение делало важный шаг на пути слияния дворянского поместья с вотчиной, так как дворяне фактически получили теперь право наследственного владения своими поместьями. Особо оговаривался запрет владеть вотчинами холопам, которым иногда удавалось покупать земельные участки. Владение землей закреплялось, как привилегия господствующего феодального класса.

Неизбежным следствием укрепления феодальной собственности на землю было юридическое оформление системы крепостного права в России. XI глава Соборного уложения — «Суд о крестьянах» — окончательно устанавливала прикрепление крестьян за помещиками, отменяла «урочные лета» для сыска и возврата беглых крестьян и предоставляла тем самым право бессрочного розыска и возвращения беглых, устанавливала наследственность крепостного состояния и право помещика распоряжаться имуществом крепостного крестьянина. Более того, Уложение установило, что в случае, если феодал оказывался несостоятельным по своим долговым обязательствам, для возмещения его долга должно быть взято имущество зависимых от него крестьян и холопов. Прикреплялись к земле и черносошные крестьяне.

Феодалам предоставлялось право вотчинного суда и полицейского надзора над крестьянами. Крестьяне не имели права самостоятельно выступать в судах со своими исками — защищать эти

иски мог только феодал. Заключение браков, семейные разделы, передача по наследству могли происходить только по воле феодала. Беглая крестьянка, вышедшая замуж за чужого крестьянина, выдавалась своему владельцу вместе с мужем; при этом если у мужа имелись дети от прежней жены, то они должны были оставаться у старого владельца. Соответственно распределялось и имущество.

Укрывательство беглых наказывалось штрафом. За убийство чужого крестьянина помещик должен был отдать его владельцу своего лучшего крестьянина с семьей. Эти меры показывают, в какой обстановке напряженной борьбы помещиков за рабочие руки принималось решение об окончательном закрепощении крестьян, которое исходило целиком из интересов феодалов и феодального государства. В соответствии с государственными интересами Уложение запрещало помещикам, имевшим, кроме поместий, также и вотчины, переводить крестьян с поместных земель на вотчинные, чтобы сохранить контингент рабочей силы на землях, находившихся в распоряжении государства.

Предоставив широкие крепостнические права землевладельцам, правительство возложило на них ответственность за выполнение крестьянами государственных повинностей. За беглых крестьян платежи производил их владелец. Крепостные крестьяне оставались казенными тяглецами. Владельцы их были обязаны наделять крестьян землей и инвентарем, запрещалось лишать крестьян земли путем превращения их в холопов или отпуска на свободу, нельзя также насильно отбирать имущество крестьян. Сохранялось еще право крестьян жаловаться на господ.

На практике Уложение превратило крестьян в бесправных людей, полностью зависимых от произвола своих господ. Указ 1648 г. разрешил феодалам применять к крестьянам-должникам наказания батогами. Дальнейшие законодательные мероприятия еще более развили крепостническую власть феодалов над крестьянами. Завершив юридическое оформление систем крепостного права в России, Соборное уложение закрепило на долгие годы крепостнические порядки в стране¹.

Особая глава Уложения была посвящена городу. «Белые слободы» частных владельцев на купленной или захваченной тяглой земле были теперь безвозмездно отписаны на государя и сливались с массой тяглых земель в городских посадах. Подгородние вотчины и поместья подлежали обмену и также приписывались к посаду. Посадские люди получили право монопольной торговли в городах. Крестьянам запрещалось держать в городах торговые лавки, им разрешалось торговать лишь с возов. Стрельцы в Москве могли заниматься ремеслом и торговлей, но за это они

¹ См.: А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л., 1962.

должны были «в ряд с черными людьми подати давать, а службы никакой тяглой не служить». В городах стрельцы и казаки, занимающиеся торговлей, платили таможенные пошлины и оброк с лавок «Иных чинов служилые люди», занимающиеся торговлей в городах, — пушкари, затынщики, воротники, казенные плотники и кузнецы — переводились в тягло и освобождались от него только в случае ликвидации торговых занятий. Всех посадских тягловцев, ушедших на обеленные земли, Уложение предписывало вернуть на посады в тягло «безлетно же и бесповоротно». Ликвидация белого землевладения в городах означала не только уступку требованиям посадского населения, но прежде всего наносила серьезный удар привилегиям феодальной аристократии и упраздняла еще один из существенных пережитков феодальной раздробленности. Однако это не означало освобождения населения белых слобод на посаде от гнета феодальной эксплуатации. Оказавшись на государственной тяглой земле, эти люди стали подвергаться более тяжелому гнету со стороны государства, которое рассматривало посад как источник дохода для государственной казны и облагало посадских людей бесчисленными налогами, сборами и повинностями. Отсюда и жестокие меры против вступления посадских людей в крепостную зависимость. «А будут они впредь за ково закладываться, — говорится в Уложении, — и называться чьими крестьяны или людьми: и им за то чинити жестокое наказание, бити их кнутом по торгом, и ссылати их в Сибирь на житье на Лену». Было предписано вернуть в тягло всех ушедших в пушкари, в затынщики, воротники, кузнецы. Только третий сын посадского человека мог выйти из тягла, став стрельцом. Кнутом и Сибирью правительство страдало разбегавшихся горожан, предпочитавших крепостную зависимость своей тяжелой «свободе», что достаточно ярко характеризует положение русского города в XVII в.

Объединив посадские земли под властью феодального государства правительство получило большие возможности для нажима на посадских людей и удержания их в повиновении. Указ 8 февраля 1658 г. предусматривал смертную казнь за самовольный переход из одного посада в другой и даже за женитьбу вне посада. Общая крепостническая тенденция Соборного уложения полностью распространялась и на XIX главу о городах. Правительство стремилось ввести развитие городов в рамки крепостнических отношений, подчинить это развитие потребностям феодального государства.

В результате бегство людей из посадов еще более усилилось. В Тотьме только за 8 лет после составления переписных книг 1676 г. посадское население уменьшилось вдвое — с 1048 до 566 «душ мужского пола».

Эта политика не могла не иметь отрицательных последствий для развития русского города и тем самым для развития буржу-

азных отношений, хотя сама по себе ликвидация частновладельческих слобод могла бы улучшить условия развития посадов.

Вместе с тем Соборное уложение предусматривало возможность эксплуатации вольнонаемного труда. Специальные статьи Уложения запрещали кабалить и ставить в какую-либо личную зависимость людей, работающих по вольному найму. В этом было стремление гарантировать феодалам закрепление за ними зависимого населения и не допустить его перехода к другим владельцам путем закабаления в результате найма. Эта мера преследовала также и фискальные цели государства, стремившегося сохранить контингент своих налогоплательщиков.

Соборное уложение воплотило общую тенденцию развития государственной системы — усиление роли дворянства и отчасти верхушки посада в государственном управлении страны и в связи с этим усиление централизации государственной власти. В исторической перспективе эта тенденция и подготавливала переход от «самодержавия XVII века с боярской Думой и боярской аристократией»¹, как характеризовал В. И. Ленин самодержавие XVII в., к чиновничье-дворянской монархии XVIII в.², к абсолютизму.

В XVII в. в титул русских царей официально вошло понятие «самодержец» («великий государь, царь и великий князь, всея России самодержец»; после воссоединения Украины с Россией — «всеа Великие и Малые России самодержец»).

Преступления против государя и против государства не разделялись в Уложении, отождествление личности верховного правителя с государством было одним из типичных для феодальной монархии установлений.

Но на протяжении XVI — первой половины XVII в. власть царя далеко не всегда оказывалась неограниченной и действительно самодержавной. Дело не только в том, что иногда эта власть делилась между двумя лицами. Так было в 1619—1634 гг., когда «великими государями» были царь Михаил Федорович и его отец патриарх Филарет, и короткое время в царствование Алексея Михайловича, когда титул «великого государя» присвоил себе «собинный друг» царя патриарх Никон, активно вмешивавшийся в управление светскими делами. Известное ограничение царской власти существовало прежде всего в силу привилегированного положения родовитой боярской аристократии, которая упорно отстаивала свое соучастие во власти через Боярскую думу, формально наделенную теми же prerogative, что и царская власть.

При каждом царе выделялась особенно близкая к нему боярская группа, в которую обычно входили родственники царя и

¹ В. И. Ленин ПСС, т. 17, стр. 346.

² См.: В. И. Ленин ПСС, т. 20, стр. 121.

другие фавориты. Состав Боярской думы расширился от 40 человек в 1613 г. до 97 человек в 1678 г. Это были в большинстве крупные феодальные землевладельцы. В 1678 г. 88 членов Боярской думы владели 45 тыс. крестьянских дворов.

На протяжении XVII в. значение Боярской думы заметно уменьшилось. В Думе часто оказывались люди, не способные к государственной деятельности, иногда они были даже неграмотными, но знатными своей «породой». Бежавший за границу подьячий московского Посольского приказа Григорий Котошихин дал саркастическое описание Боярской думы. По его словам, «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе».

Важным показателем усиления царской власти на протяжении столетия являются изменения в социальном составе Боярской думы в сторону усиления представительства дворянства. Это было отражением тех сдвигов, которые происходили в социально-экономическом развитии страны в целом и внутри господствующего класса в особенности. Среди думных дворян второй половины века были выходцы из незнатных родов. Из псковских дворян вышел крупнейший государственный деятель XVII в. А. Л. Ордын-Нащокин, сыном дьяка был другой крупный деятель А. С. Матвеев; оба они стали боярами, начав свое участие в думе с чина думных дворян. По списку 1668 г. из 62 бояр, окольничьих и думных дворян было не более 28 представителей старых боярских фамилий, бывших в думе при старой династии.

Потребности обеспечения государственного управления давно уже вызвали привлечение в Боярскую думу думных дворян и дьяков, фактически готовивших решения по разным вопросам. В 1678—1679 гг. в думе было 42 боярина, 27 окольничьих, 19 думных дворян и 9 думных дьяков. Характерно, что в число думных дьяков стали входить и выходцы из «торговых людей» — такие, как Н. Чистый, А. Иванов и другие, а отец и сын Кирилловы из московских гостей получили чины думных дворян. Это очень показательное явление, характеризующее возрастание политического значения купечества.

В первой половине XVII в. большое значение в государственном управлении имели Земские соборы, собирающиеся царской властью из числа высших представителей светской и духовной власти (Боярская дума и «Освященный собор») и выборных представителей дворянства и городов. Состав Земских соборов, норма представительства, регулярность созыва и компетенция были неопределенными. Депутаты на Земский собор выбирались отдельно от служилых московских чинов — стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов; от торговых людей, — гостей, сотен гостиной и суконной; по уездам от городских дворян. В Новгородской земле выборы происходили не по уездам, а по тради-

ционным «пятинам», в Рязанской — по «станам», что, кстати, подтверждает сохранение вплоть до середины XVII в. древнейших особенностей административной организации в различных землях Русского государства. Служилые люди «по прибору» посылали своих представителей от приказов (полков) и слобод. Посадские люди в Москве выбирали по сотням и слободам, а в провинции — по посадам в целом. Участие представителей чернососных крестьян отмечено лишь на соборе 1613 г. Иногда от посадских людей провинциальных городов и городских дворян вообще не посылали представителей. Собор 1634 г. был созван из дворян, находившихся в данный момент в Москве. Однажды один из воевод вместо выборов от своего посада сам назначил представителями своих посадских людей — «сына боярского» и пушкаря, сославшись на то, что «лучших» посадских людей у него всего трое, «и те худы, бродят меж двор». Грамотность была обязательным условием для участия в соборе.

Земские соборы выполняли законосовещательные функции и собирались для обсуждения наиболее важных решений по внутренним и внешнеполитическим вопросам. Участники соборов могли выдвигать законодательные предположения в форме «челобитных» государю. Проект превращения Земского собора в постоянное действующее учреждение, выдвинутый в 1634 г. стряпчим И. Бутурлиным, не был осуществлен.

Главным вопросом, обсуждавшимся на соборах, был вопрос о потребностях государства в средствах и ратных людях, но некоторые соборы обсуждали вопросы войны и мира, а собор 1648—1649 гг. занимался вопросом о выработке нового Уложения.

Существование земских соборов во второй половине XVI — первой половине XVII в. отразило важный этап в развитии Русского централизованного государства — этап сословно-представительной монархии. Однако в России сословно-представительная организация не получила такого развития, как в некоторых странах Западной Европы, а самодержавная власть почти не испытывала сколько-нибудь серьезных ограничений со стороны сословного представительства. Созыв сословных представителей чаще всего обеспечивал правительству более твердую опору в сословиях при проведении тех или иных важных мероприятий в области внутренней и внешней политики. Лишь в самом начале правления Романовых, в обстановке значительного ослабления самодержавной власти, соборы приобрели роль распорядительной власти в стране, но затем все более становились законосовещательным органом без определенных функций и постоянного представительства.

В первой половине XVII в. соборы собирались довольно часто. Последние соборы состоялись в 1648—1649, 1651 и 1653 гг. В дальнейшем укрепившаяся самодержавная власть обходилась уже без созыва соборов для решения важнейших государственных

ных вопросов, ограничиваясь иногда совещаниями с представителями отдельных сословий. Отмирание земских соборов было одним из ярких проявлений развития тенденции к абсолютизму в XVII в.

Чисто феодальной была возникшая еще в XVI в. система московских приказов. Руководство отдельными вопросами государственного управления и хозяйства «приказывалось» боярам. С усложнением государственного управления и хозяйства количество приказов увеличилось, функции их чрезвычайно запутывались и перемешивались, а сама приказная система, призванная централизовать все управление в государстве, все более раздробляла и усложняла его. В XVII в. существовало до 80 приказов. Именно тогда расцвела знаменитая московская волокита и вместе с ней ставшие неизбежными ее спутниками взяточничество, казнокрадство, подкупы, которых не могли пресечь никакие строгости царских указов и уложений.

Приказная система была типичным проявлением феодальной организации государственного управления. В основе приказной системы лежали древние принципы нераздельности судебной административной власти. Обеспечение выполнения государственных функций тем или иным приказом строилось на основе передачи приказу в управление и, следовательно, в доход от сбора налогов и отправления судебно-административных обязанностей какой-либо территории или группы населения. Например, Посольский приказ для выполнения функции внешних сношений получал в своеобразный «корм» определенную область. Господство натурального хозяйства порождало неизбежные трудности в обеспечении многообразных и усиливавшихся потребностей государства, и существование приказной системы было обусловлено самим строем общественно-экономических отношений в стране. Сдвиги, происшедшие в экономическом развитии России начиная с XVII в., позволили уже в начале XVIII в. произвести крутую ломку старых государственных учреждений и создать подлинно централизованную систему государственного управления. Но и для XVII в. приказная система становилась все более и более архаизмом.

Правительство стремилось преодолеть запутанность и раздробленность управления и сосредоточить власть в своих руках — цель, которой неотступно добивались московские государи с XVII в. Эта цель не раз отдалялась, поскольку в феодальной стране вновь и вновь в разных формах оживали даже в самой централизованной системе все те же порядки феодальной раздробленности, порядки самовластия и произвола феодальной знати — не только в ее вотчинах, но и в порученных ей областях государственного управления.

Пытаясь бороться с очевидными недостатками приказной системы, правительство предпринимало слияние и реорганизацию

некоторых приказов, подчинение нескольких приказов одному лицу или приказу. Так, например, тесть царя Алексея Михайловича И. Д. Милославский правил приказами Большой казны, Стрелецким, Рейтарским, Иноземным, Аптекарским. Посольскому приказу были подчинены девять приказов, ведавших новыми территориями государства,— Малороссийский, Смоленский, Литовский и др. В целях организации финансового контроля был создан Приказ счетных дел. Своеобразной попыткой усиления централизованной власти и преодоления раздробленности управления в середине XVII в. была организация Приказа великого государя тайных дел. Грозное название этого приказа прикрывало изъятие некоторых важных государственных дел из ведения приказов и Боярской думы. Как сообщает Котошихин, «а устроен тот Приказ при нынешнем царе для того, чтобы его царская мысль и дела исполнились по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали». Подъятие приказа тайных дел сопровождали бояр-послов за границу, строго следя за соблюдением данных им инструкций. Приказ управлял также производством снарядов для артиллерии, рудным делом. Но наряду с государственными вопросами Приказ тайных дел ведал личной перепиской царя, некоторыми царскими именными, раздачей царской милостины, государевой «потехой» — охотой.

Пытаясь усилить централизацию власти, Алексей Михайлович пошел по привычному пути организации нового приказа. «Тайный» приказ, конечно, не мог ни сосредоточить всех вопросов управления у себя, ни заменить существующие приказы. Он не имел четких функций, занимаясь одновременно и государственными вопросами и личными делами царя. Приказ просуществовал недолго и был упразднен, по-видимому, сразу же после смерти Алексея Михайловича.

Несмотря на неудачу этого мероприятия правительства Алексея Михайловича, оно весьма характерно отразило ясно наметившуюся тенденцию к усилению самодержавной власти. Эта тенденция отразилась и в других явлениях государственного развития России в XVII в.

Так, организация системы местного управления была перестроена в конце XVI в. С 1613 г. 33 города получили назначенных правительством воевод, что означало сужение местного самоуправления, оттеснение на задний план местного, городского дворянства и верхушки посада и выдвижение высших слоев дворянства, которые, получая воеводство, приближались на практике по своему положению к бывшим боярам-кормленщикам. Власть воевод охватывала административные, судебные, военные вопросы; воеводы осуществляли также надзор за сбором налогов и податей.

В ряде случаев сохранялись и «губные старосты», которые ведали судебно-полицейскими делами. При этом выборные чины

городской администрации все более теряли самостоятельное значение в управлении, а порядок выборов этих чинов отмирал. Губные учреждения стали всего лишь исполнительным органом при воеводах. Земские старосты, при которых были «земские избы», наблюдали за сбором прямых налогов и были обязаны содержать воеводу и его приказных людей, обеспечивая их всем необходимым — одеждой, съестными припасами, деньгами, принадлежностями для письма и т. п. Выборные судьи — «излюбленные головы» — сохранялись только в дворцовых и черных землях Поморья.

Некоторые уезды были объединены под властью одного воеводы в так называемые разряды, явившиеся зачатками будущего деления страны на губернии. Таковы Рязанский и Украинный (позднее Белгородский), Новгородский, Севский, Тамбовский, Казанский, Московский, Владимирский, Смоленский. В этом также проявилась централизация государственной власти.

Общая тенденция к усилению централизации проявилась в организации вооруженных сил.

Дворянское военное ополчение несло службу на тех же началах, которые были установлены еще в XVI столетии.

На практике сбор дворянского ополчения был сопряжен с большими трудностями, которые начинались уже при назначении воевод и посылке сборщиков ратей по уездам, когда разгорались местнические споры.

Главной трудностью был сам сбор дворянского ополчения, так как многие служилые люди всячески уклонялись от выполнения своих военных обязанностей. Причины тому были разные: часто невозможность обедневшего дворянина снарядить себя на войну, а еще чаще — стремление не бросать хозяйство. Если с точки зрения государственной поместье дворянина было средством для достижения основной цели — организации военной службы, то дворянство смотрело на дело иначе и видело в получении земли и крепостной рабочей силы главную цель своей деятельности. Дворяне скрывались от сборщиков войска, прятались, бежали во время следования к месту сбора. Жестокие правительственные меры, вплоть до битья кнутом уклоняющихся от службы и ареста заложников из числа помещичьих приказчиков и крестьян, помогали мало. Даже во время войны помещики больше беспокоились о своем хозяйстве и покидали войско, когда над их поместьями нависала угроза.

Дворянское ополчение было в массе плохо подготовлено к ведению боевых действий. По словам современника, «учения у них (дворян) к бою не бывает и строю никакого не знают».

Ясно сказывались серьезные недостатки поместной организации войска, которая с течением времени все более переставала удовлетворять потребностям централизованного государства. С другой стороны, в войске остро отражались те социальные про-

тиворечия, которые существовали между массой служилых людей и феодальной аристократией. Во время военных действий поставленные во главе войск бояре чинили произвол в отношении дворян, заботясь о собственной корысти, нередко замедляли движение войск или даже изменяли его направление.

Накануне Смоленской войны (в 1630 г.) правительство приняло попытку создать солдатские полки из числа мелких служилых людей, «детей боярских», которым были обещаны казенное вооружение и жалованье. Но записалось всего 60 человек. Тогда было разрешено вступать в солдатскую службу добровольцам из числа свободных людей, казаков. Из них были созданы первые шесть солдатских полков, офицерами в которых стали нанятые правительством иностранцы. В 1632 г. на тех же условиях, но с более высоким жалованьем был создан первый рейтарский (конный) полк. Рейтары за службу получали жалованье, а иногда и поместья. В мирное время рейтары жили по домам, но осенью собирались на месяц для обучения.

Во время Смоленской войны были организованы еще два солдатских полка, в основном за счет даточных людей, а также драгунский (смешанный) полк.

Организация первых регулярных полков столкнулась с большими трудностями. Правительство было вынуждено прибегнуть к принудительному набору в полки, заложив основу той практики, которая позднее развилась в систему рекрутских наборов при Петре I. Иначе и не могло быть в крепостной стране, где контингент свободного населения сокращался. Более того, государственная казна не смогла еще взять на себя содержание полков «нового» или «иноземного строя» в мирное время, и они были распущены по домам после окончания Смоленской войны.

В 40-х годах были созданы драгунские полки из крестьян некоторых пограничных уездов. Это были «поселенные войска», зародыш военных поселений. Крестьяне продолжали заниматься сельским хозяйством, они освобождались от налогов и повинностей, но организовывались в полки и проходили военное обучение. Тем самым правительство пыталось разрешить сложную задачу материального обеспечения постоянных войск. Но «поселенные войска» в лучшем случае годились лишь для пограничной службы, они были неподвижны, а потому беспомощны в случае активных военных действий.

До 1682 г. существовал обычай местничества в занятии командных должностей, почти не существовало постоянных офицерских кадров, приходилось прибегать к дорогому найму военных специалистов из зарубежных стран. Но уже появились военные уставы в Русском государстве («Устав ратных, пушечных и других дел» Онисима Михайлова 1606—1621 гг., «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» 1647 г.), составленные на основе иностранных военных руководств. Во второй половине

столетия было образовано 9 территориальных «разрядов» — зародышей военных округов.

Во время русско-польско-шведской войны 1654—1667 гг. правительство вновь провело комплектование солдатских полков на основе принудительного набора «даточных людей», которых записывали теперь на постоянную пожизненную военную службу. В мирное время часть из них отпускали по домам, где за ними сохранялись земельные наделы. За это время было набрано свыше 50 тыс. «даточных людей».

В дальнейшем набор даточных людей продолжался. Брали по одному рейтару или солдату со 100 дворов. В 1678 г. писали в солдаты всех «скудных» дворян, а в 1680 г. в солдатскую службу брали дворян Севского, Белгородского и Тамбовского разрядов.

К концу столетия полки «нового строя» стали играть значительную роль в системе организации вооруженных сил Русского государства, а значение поместного ополчения стало падать. Пехота, вооруженная огнестрельным оружием, превращается в основную боевую силу. Из солдатских полков были выделены два лучших, «выборных» полка, в которых состояли преимущественно черносошные крестьяне и посадские люди под командованием А. А. Шепелева и М. О. Кравкова, впервые получивших впоследствии генеральские звания в России. В 1681 г. на службе насчитывалось свыше 60 тыс. солдат, около 30 тыс. рейтар, свыше 50 тыс. стрельцов и лишь около 16 тыс. дворян и детей боярских. Кроме того, было еще около 30 тыс. конных «служилых инородцев» — татар, мордвы и др. Всего вооруженные силы насчитывали к 1681 г. более 180 тыс. человек.

Возникновение полков «нового строя» и начавшееся развитие мануфактурного производства позволили провести ряд усовершенствований в вооружении войск. В частности, тяжелые и неудобные пищали сменялись мушкетами и карабинами. В полках была введена артиллерия, общее количество которой достигало к 80-м годам свыше 4000 орудий. Железные орудия вытеснялись литыми из меди и чугуна, значительно увеличилось производство боеприпасов.

Была предпринята попытка создания русского флота. Строительство кораблей, предназначавшихся для плавания по Волге в Каспийское море, было начато в 60-х годах XVII в. в с. Дединове, под Коломной.

Как бы ни были несовершенны попытки создания регулярных вооруженных сил Русского государства в XVII в., эти мероприятия имели важное значение. Они заложили те основы, на которых развернулось строительство регулярной армии и флота при Петре I и отразили новый этап феодальной централизации.

Середина XVII в. была временем, когда самодержавная власть приобрела большую силу. И дело совсем не в личности

того или другого государя. По характеру своему царь Алексей Михайлович был менее резок и тверд, чем Иван Грозный, его даже называли «Тишайшим» царем, хотя на самом деле это определение несправедливо. Алексей Михайлович был человеком властным и жестоким, хотя не таким, как Иван IV. Дело не в личности, а в изменении соотношения социальных сил — укреплении дворянства и купечества, давшее, наконец, ту надежную опору самодержавию, которую так домогался обрести Иван Грозный.

Едва ли не наиболее ярким проявлением возросшей силы самодержавной власти стал конфликт с патриархом Никоном и в его лице со значительной частью духовных феодалов.

Было бы неправильно объяснять дело одним лишь стремлением Никона к власти — конфликт вырос на глубокой объективной основе, а личные качества Никона лишь способствовали развертыванию неизбежного в исторических условиях XVII в. противоречия.

Никон (его светское имя — Никита Минов) вышел из семьи мордовского крестьянина и довольно быстро прошел ступени церковной иерархии. С 1646 г. он сблизился с царем Алексеем Михайловичем, став его «собинным другом», потом — новгородским архиепископом, а в 1652 г. стал во главе всей русской церкви Умный, начитанный, энергичный патриарх отличался огромным властолюбием. Он начал осуществлять реформу церкви, чтобы усилить ее.

Дело объясняется тем, что в стране в XVII в., как ни в какое другое время, стал резко падать авторитет и религии, и церкви. Рост ремесленных и торговых занятий, подъем городов, расширение связей с другими странами подрывали основы религиозного мировоззрения. Конкретные, светские, практические знания становились все более необходимыми. Глубокое недовольство церковью, оправдание ею угнетения людей, поведение церковников вызывали глубокий протест против официальной церкви. Невиданно широкое распространение получили антицерковные сатирические повести, зло и беспощадно высмеивающие церковников. В зодчество, в том числе и церковное, все шире проникали светские мотивы и вкусы. Стремление к нарядности, «узорочью», «обмирщение» искусства особенно сказались в крупных посадских центрах — Ярославле, Москве и других городах. Многие крестьяне и горожане отказывались верить официальной церкви. Стали возникать отделившиеся от нее религиозные общины (в России уже в 30-е годы так называемые капионовцы, или «капитоны»). Другие просто игнорировали церковную службу, предпочитая ей народные празднества с обязательным театром Петрушки и медвежьим цирком, где меткому осмеянию народа подвергались и светские, и духовные господа. Правительственные и церковные строгие распоряжения о послушании церкви давали мало эффекта. В условиях небывалого обострения социальных противоречий

такое падение авторитета церкви было делом опасным для феодалов и государства. Царь и патриарх решили упрочить церковь, сделать ее более централизованной, более сильной организацией.

Во-вторых, усиление церковно-политических связей России с южнославянскими странами требовало унификации обрядов по греческим образцам, принятым в этих странах. Никон приступил к внесению некоторых изменений в церковные ритуалы, пересмотру текстов богослужебных книг и канонов иконописания. Никон действовал очень крутыми мерами и преследовал несогласных, несмотря на их положение. Так, Коломенского епископа Павла, осмелившегося возражать, побил и сослал, а потом велел собрать и сжечь иконы старого письма. Нововведения Никона, начатые в 1653 г., вызвали оппозицию в церковных кругах и среди некоторой части боярской аристократии.

Посягательство на традиционные, вековые формы церковных обрядов, замена двоеперстного крещения троеперстным, изменение строя церковного пения, уничтожение икон казалось в этих кругах делом чрезвычайно опасным, тем более в «бунташное время». В русской церкви возник раскол, так как часть духовенства и знати отказалась подчиниться Никону. Пока Никон пользовался поддержкой царя, его главенствующее положение в церкви было достаточно прочным. Дело изменилось, когда Никон стал посягать на разделение светской власти с государем. Он не только присвоил себе титул «великого государя», но и выступал с самостоятельными действиями в государственных вопросах. Никон был противником войны с Польшей, поддерживал тайные связи с ее агентурой на Украине, настаивал на том, чтобы вести войну против Швеции, за овладение Балтийским побережьем. Никон открыто настаивал на превосходстве духовной власти над светской. Вопрос, возникший еще в период объединения русских земель вокруг Москвы, приобрел теперь наибольшую остроту.

Никон был недоволен политикой правительства в отношении церковного землевладения, решениями Соборного уложения по этому вопросу, организацией Монастырского приказа, созданного в 1649 г. для управления делами монастырских вотчин и суда между духовными и светскими лицами¹, и другими действиями правительства, направленными на ограничение церковных богатств. Однако светские феодалы не желали более мириться с сохранением привилегированного положения церкви в государстве. Самодержавная власть к этому времени значительно укрепилась. Поэтому стремления Никона не могли осуществиться. Его позиция внутри церкви ослабилась недовольством массы духовенства, представители которого жаловались государю на су-

¹ В 1677 г. под нажимом духовенства этот приказ был упразднен, но в 1701 г. восстановлен снова Петром I.

ровые меры, предпринятые Никоном против ослушников, корыстолюбие, сосредоточение всей церковной власти в своих руках.

В 1658 г. в отношениях между царем и патриархом произошел разрыв. Царь перестал являться на службы Никона. Патриарх, переоценив силу своего влияния, демонстративно отказался от патриаршества и уехал в Воскресенский монастырь, надеясь, что его позовут обратно и не пойдут на неслыханный конфликт с патриархом. Но случилось иначе. Царь поручил исполнение обязанностей отсутствующего патриарха другому лицу, а Никону было запрещено покидать монастырь и являться в Москву. В конце 1664 г. Никон самовольно приехал в Москву и занял патриаршее место в Успенском соборе. Однако царь приказал объявить Никону, чтобы он немедленно уехал обратно в Воскресенский монастырь. Затем по инициативе царя в 1666 г. в Москве был созван собор вселенских патриархов, который осудил Никона, снял с него патриаршеский сан. Никон был отправлен в заточение в дальний Ферапонтов-Белозерский монастырь. Так кончился конфликт церкви и царя, конфликт, исход которого ясно указывает на силу самодержавной власти и светских феодалов. Церковь оказалась вынужденной отступить.

В последующие за реформами Никона десятилетия раскол приобрел характер широкого движения, охватившего значительные массы населения страны. Дело объясняется конкретными условиями второй половины XVII в., когда вследствие окончательного оформления системы крепостного права и резкого усиления феодального гнета в обстановке длительных войн произошло значительное ухудшение положения народных масс. В сознании темных и забитых крепостным строем людей изменения в их положении связывались с нововведениями в вере. Проповедь христианского братства, обличение произвола со стороны никонианского духовенства, призыв к уходу от мирской жизни со всей ее тягостью возымели в этих условиях немалое воздействие. Люди массами шли за учителями раскола, покидали посады и деревни, уходили в далекие леса на Север, за Волгу, и там основывали раскольничьи общины — скиты. Яркая, страстная проповедь расколоучителей, гонения и преследования их со стороны церкви и правительства привлекали массы людей к вождям раскола — таким, как «неистовый протопоп» Аввакум, бывший талантливым писателем. Движение раскольников приобрело социальный характер — раскол стал одной из форм проявления социального протеста народных масс, а преследования раскольников со стороны официальной церкви и правительства еще более усиливали этот протест.

В конечном счете раскол привел к ослаблению официальной церкви в России, ожесточенные опоры «никониан» и «старообрядцев» еще более подрывали авторитет церкви. Жестокие пресле-

дования раскольников еще более осложняли и без того напряженное, полное противоречий положение страны. Кризис церкви — этой важнейшей силы феодального общества — был налицо, и в этом важное историческое значение раскола.

Но при всем этом раскол не может быть отнесен к числу прогрессивных народных движений. Идеология раскола была основана на фанатичной приверженности старине, неприятию и осуждении всего нового вообще, принципиальном отрицании всего иноземного. Раскол был непримиримо враждебен светской культуре, светскому знанию, он уводил народные массы от активной классовой борьбы против своих эксплуататоров, еще более затемнял сознание народных масс. К этому надо прибавить и то, что в среде раскольников развивались многие изуверские секты. Сотни и тысячи раскольников подвергли себя мучительному «огненному крещению» — самосожжению. Раскол был искусственным отгораживанием от жизни, уходом от нее в мистику, фанатизм, аскетизм, религиозную экзальтацию и в конечном счете лишь ослаблял силы народа в его тяжелой борьбе за свое освобождение.

Между тем в стране снова поднимались восстания. После того как правительство, остро нуждавшееся в средствах для продолжения тяжелой войны за Украину, выпустило медные деньги, а налоги собирало серебряными, положение массы людей стало очень трудным. Началась девальвация. В 1663 г. за один серебряный рубль брали уже двенадцать медных. Развитию девальвации в значительной мере способствовал массовый выпуск фальшивых денег. В злоупотреблениях с медными деньгами были замешаны некоторые крупные гости и приближенные царя, среди них — тесть царя И. Д. Милославский. Медные деньги сильно упали в цене, и служилые люди отказывались их брать. Во многих местах театра военных действий — на Украине и в Белоруссии — население перестало принимать от служилых людей медные деньги в уплату за продовольствие и другие товары. Стрельцы и солдаты разбегались из полков, вместе с ними иногда уходили и начальные люди. Правительство распорядилось выдавать стрелецкое жалованье хлебной натурой. С населения стрелецкая подать в 1661 г. также была взята хлебом. Часть хлеба конфисковали у монастырей. Но все эти меры не давали выхода из положения. Попытка правительства получить серебряный заем за границей была безуспешной. В 1662 г. был объявлен новый сбор «пятой деньги», а стрелецкий налог снова ввели хлебом. Все это привело к острому недовольству в посадской среде. Население испытывало и многие другие трудности. Тяжело сказывался на положении масс случившийся в течение нескольких лет подряд недород.

Уже с весны 1662 г. в Москве стали распространяться слухи о готовящемся нападении посадских людей на дворы московской знати. Утром 25 июля 1662 г. на Лубянке и в других местах горо-

да были обнаружены приклеенные кем-то листы с надписью о том, что боярин И. Д. Милославский, окольничие Ф. М. Ртищев и И. М. Милославский и крупнейший московский гость Василий Шорин — изменники. Состав перечисленных лиц ясно указывал на то, что посадские люди были недовольны денежной реформой, одним из инициаторов которой был Ртищев, и притеснениями со стороны купеческой знати, к которой принадлежал Шорин.

Масса людей отправилась к царю в Коломенское, передала царю «лист» и потребовала выдачи на расправу лиц, названных в бумаге. Тем временем в Москве начались нападения на дворы богатых купцов. Во главе восстания стояли стрелец К. Нагаев, посадские люди — А. Щербок, Л. Жидкий и др. Вскоре, однако, восстание было подавлено царским войском. Не менее двух с половиной тысяч погибло под пытками и было казнено. Восстание снова обнаружило дифференциацию внутри городского населения. По словам Г. Котошихина, «были в том смятении люди торговые, и их дети, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди, а поляков и иных иноземцев, хотя на Москве множество живет, не сыскало в том деле ни единого человека, кроме русских. А гости и добрые торговые люди к тем ворах не пристал ни один человек, еще на тех воров и помогали, и от царя им было похваление». Это было восстание посадских низов, поддержанное находившимися в городе представителями других категорий трудового населения. Московское восстание показало, что мероприятия Соборного уложения не привели к какому-либо смягчению классовых противоречий в городе и что внутреннее положение в Русском государстве оставалось весьма напряженным.

Восстание заставило правительство отказаться от дальнейшего выпуска медных денег, который был официально прекращен в 1663 г. Медные деньги принимались в обмен — за 1 рубль медью давали 1 копейку серебром¹.

Вслед за подавлением восстания правительство вновь усилило нажим на посадских людей. Осенью 1662 г. «стрелецкий хлеб» был удвоен, что особенно тяжело сказалось на положении тех посадских людей, которые не занимались или мало занимались земледелием. Посадское население разорялось, люди бежали с посадов. Бежали и крестьяне, десятая часть которых в 70-х годах была настолько разорена, что лишилась своего хозяйства, причем во многих случаях уходившие крестьяне и холопы громили усадьбы феодалов. Крестьяне уходили иногда целыми деревнями. В Нижегородском уезде число беглых в 1653—1654 гг. возрос-

¹ См.: К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году М.—Л., 1935; В. И. Буганов. Московское восстание 1662 года М., 1964.

ло в четыре раза по сравнению с 1628—1653 гг. Много крестьян бежало из Галицкого и Костромского уездов, где производилась усиленная раздача черных земель в поместья и вотчины. Больше всего крестьян бежало из поместий мелких и средних феодалов — дворян. По данным одного из сысков (Д. И. Плещеева) из этих поместий было до 50% всех задержанных беглых, около 14% бежало из владений крупных феодалов, около 6% — из монастырских владений. Как ни приблизительны эти данные, они все же показывают, что наиболее тяжелым было положение крестьян в дворянских поместьях. На новых местах крестьяне, как правило, обращались за подмогой к феодалам и снова попадали в кабалу. Некоторые из беглых не оседали на определенном месте, а, переходя с места на место, кормились случайными заработками — работали на рыбных ловлях, бурлаками и т. п.

Правительство в 1658 г. организовало специальный сыск бежавших и насильно возвращало их владельцам. Указом 1661 г. за прием беглого крестьянина, помимо установленного Соборным уложением штрафа в 10 рублей, было предписано брать одного «наддаточного крестьянина» (позднее количество их было увеличено до четырех). За четыре года, в 1663—1667 гг., только из Рязанского уезда было возвращено около 8 тыс. беглых крестьян и холопов. Но розыск и насильственный возврат бежавших вели к еще большему обострению обстановки. Побегι усиливались, возмущение крестьян росло. Крестьяне в ряде случаев уничтожали крепостные документы. За беглых вступались крестьяне тех мест, где укрывались беглые. Основной поток беглых стал направляться на Дон.

Не имея никаких средств к существованию, многие из вновь пришедших на Дон оказывались вынужденными идти в кабалу к зажиточному, «домовитому» казачеству. После того как Азов остался за Турцией, казаки лишились возможности совершать набеги на побережье Азовского и Черного морей. Активность казачества стала направляться на Волгу и Каспийское море, что противоречило внешнеполитическим планам московского правительства, заинтересованного в поддержании мирных отношений с Персией. Казачья старшина старалась поддерживать мирные отношения с Москвой и поэтому противодействовала стремлению казаков к походам на Волгу и Каспий. Все это еще более обостряло положение на Дону. Назревало массовое восстание.

Летом 1666 г. казачий атаман Василий Ус предпринял смелый поход в центральные районы Русского государства, подойдя к Туле. Движение отряда Уса, в котором было около 500 человек, вызвало сильное возбуждение в среде крестьянства, которое активно поднималось против помещиков и поддерживало действия Уса. Отряд восставших вырос до 3 тыс. человек. Правительство стало принимать спешные меры против казаков и крестьян, в Тулу собирались войска. Не дойдя до Тулы несколько верст, Ус по-

вернул обратно. Вместе с ним ушли многие крестьяне и холопы, бежавшие от своих господ.

Поход Уса явился предвестием массового народного восстания, которое назревало в те годы. В конце 60-х годов воеводы неоднократно доносили в Москву о появлении в разных местах отрядов «воровских людей», как называли в официальных документах всех непокорных правительству.

В этих условиях появление смелого и энергичного руководителя движения стало давно уже ожидаемым сигналом к массовому выступлению. Таким руководителем стал казак Степан Тимофеевич Разин, принадлежавший к «дóмовитому» казачеству. Это был опытный и смелый человек, пользовавшийся большим уважением среди донских казаков. Собрав несколько сот «голытьбы», Разин весной 1667 г. появился около городка Паншина и обосновался на островах между реками Тишиной и Иловлей. Сначала разинские казаки нападали на купеческие и царские караваны судов, шедшие по Волге, захватывали и делили богатства, истребляли «начальных людей». Стрельцы и работные люди, сопровождавшие караваны, как правило, переходили на сторону казаков и отпускались на все четыре стороны. В марте 1668 г. казаки направились к берегам Персии. Под Терками к Разину пришел большой отряд казачьей «голытьбы» с Дона. Возбуждение на Дону возрастало.

Персидское правительство выставило против Разина крупные военные силы, но Разин, видимо, в тактических целях заявил о том, что желает перейти в подданство шаха. Вскоре, однако, казаки подвергли опустошительному разгрому персидские города Решт, Фарабат, Астрабад. В июне 1669 г. казаки разбили флот персов и с богатой добычей и пленниками возвратились на Волгу.

Действия Разина на Волге и Каспии в 1667—1669 гг. были стихийным выступлением казачества, искавшего средств для улучшения своей доли и видевшего эти средства в том, чтобы силой добывать богатства и делить их между собой. Но объективное содержание действий казачества было антифеодальным, и не случайно так встревожили правительство походы казачьего отряда под руководством Разина.

В августе 1669 г. Разин вышел к устью Волги, захватил митрополичьи рыбные промыслы и персидские суда, шедшие с подарками царю. Отказавшись выполнить требования астраханских воевод о сдаче им добычи и пушек, казаки покинули город. 1 октября они были уже в Царицыне и освободили всех сидевших в воеводской тюрьме. Отсюда они направились на Дон, где Разин был встречен с большим воодушевлением. Толпы казаков и беглых крестьян стекались к нему в Кагальницкий городок. Разин готовил с товарищами новый поход. Кагальницкий городок как бы противостоял центру «домовитого» казачества Черкасску. Казаки открыто говорили о том, что они идут против бояр и начальных людей, но не против царя — царистские иллюзии были

очень сильны. Сам Разин распространял слухи о том, что с ним якобы находятся «царевич Алексей Алексеевич» и «патриарх Никон», бывший тогда в опале. Эти слухи способствовали привлечению к Разину масс крестьянства.

В середине апреля 1670 г. Степан Разин с 7 тыс. человек подошел к Царицыну, вскоре овладел им при самой активной поддержке местных жителей и ввел казацкое устройство. В июне он подошел к сильно укрепленной Астрахани. Когда начался штурм, городская беднота Астрахани подняла восстание. Начальные люди, воеводы, дворяне были убиты. Документы астраханского воеводского управления были сожжены. Управление Астраханью было также организовано по казацкому образцу. Во главе управления были поставлены Василий Ус, Федор Шелудяк и другие атаманы.

Из Астрахани через Царицын 8 тыс. казаков двинулись дальше по Волге. Без боя сдались Саратов и Самара, где население активно поддерживало восставших. По всему Поволжью расходились «прелестные письма» Разина с призывом истреблять бояр, воевод, приказных людей, «мирских кровопивцев». Иногда «прелестные письма» составлялись от имени «царевича Алексея Алексеевича» или «патриарха Никона». Громадные массы народа поднимались на стихийное восстание против своих вековых угнетателей. Крепостные крестьяне и холопы, посадские люди, раскольники — все, кто страдал от становившихся все более невыносимыми поборов и притеснений, увидели в Разине своего вожда. Успехи в борьбе с правительственными войсками вселили надежду на быстрый исход борьбы. Казалось, что достаточно побить бояр и дворян, разорить и уничтожить господские усадьбы, разделить между собой имущество и все пойдет хорошо, под властью «добрého» царя начнется новая, свободная жизнь. Народные массы не могли тогда сколько-нибудь реально представлять себе всю сложность общественной жизни, выработать программу и цели своей борьбы, понять необходимость создания другого общественного строя. Но они с величайшей энергией и решимостью поднялись на борьбу за свободу, и эта стихийная борьба была чрезвычайно мощным потрясением, охватившим значительную часть Русского государства.

Восстание все более принимало характер крестьянской войны. Теперь, в 1670 г., в Поволжье главную массу восставших составляли крестьяне. Да и среди казаков Разина было много вчерашних крестьян, бежавших от своих господ на Дон. 4 сентября Разин подошел к Симбирску и начал его осаду. Первые сражения с царскими войсками окончились победой разинцев. Городская беднота Симбирска поддержала восставших. Правительственные войска укрылись за стенами крепости, большая часть города была в руках Разина. В это время восстание охватило новые районы Поволжья. Атаманы Разина расходились из-под Симбирска и

поднимали народ на борьбу. Осипов взял Алатырь, пошел далее вниз по р. Суре, затем занял Курмыш и Козьмодемьянск. В этом районе в восстании активное участие принимали отряды чувашей, марийцев и татар. Восстания произошли в торгово-промышленных селах под Нижним Новгородом — Лыскове, Мурашкине, Ворсме, Павлове и др. Соединившись с отрядом Осипова, восставшие крестьяне подвергли осаде Макарьев монастырь и взяли его. Атаман Михаил Харитонов взял Саранск, двинулся к Пензе, взял ее без боя, захватил Нижний и Верхний Ломов. Движение охватило и многие районы, куда не приходили атаманы Разина. В Кадомском уезде восставших возглавил крестьянин Чирок, в Шацком — крестьянин Шилов, в Тамбовском — казак Мещеряков. Бывшая крестьянка — монастырская старица Алена — во главе отряда восставших овладела Темниковым. На левом берегу Волги также происходили восстания крестьян Галичского уезда, волнения охватили удмуртских крестьян. Но под Симбирском Разин потерпел серьезное поражение. Однако еще в течение нескольких месяцев в Поволжье продолжались восстания. Осенью того же года восстание вспыхнуло на Слободской Украине, куда направился брат Степана Разина — Фрол. Восставшие захватили Острогожск, Чугуев, Змиев, Царев-Борисов и другие города. В конце сентября большой отряд разинцев осадил Коротояк.

Карательные действия царских войск повсюду наталкивались на исключительно упорное сопротивление восставших.

Войскам Барятинского пришлось выдержать тяжелые и кровопролитные бои в Мордовии против отрядов восставших во главе с мордвином Муртузаем. Во второй половине ноября вновь началось восстание в Арзамасском уезде. Упорно оборонялись восставшие в Темникове, большие бои произошли под Тамбовом, который был осажден восставшими. Только в конце ноября завершилось подавление восстания в районе Нижнего Новгорода. Пенза была взята правительственными войсками лишь к концу декабря 1670 г. До весны 1671 г. оборонялись восставшие в Ядринском и Цивильском уездах.

Но силы были неравными. С чудовищной жестокостью расправлялось царское правительство с восставшими. Происходили массовые казни, струги с виселицами медленно плыли вниз по Волге для устрашения населения. В Арзамасе было казнено не менее 11 тыс. человек. На Дону вновь укрепились казачья старшина.

Вскоре трагически решилась судьба самого Разина — в апреле он был вместе с братом схвачен казаками, выдан правительству. 4 июня его привезли в Москву. Через два дня после допроса, сопровождавшегося пыткой, Разин был казнен (четвертован) в Москве. Даже схваченный и закованный, даже казнимый, Разин был страшен московскому правительству. Тройные ряды стрель-

цов и солдат отделяли место казни Разина от собравшегося народа. Только небольшое число бояр и иностранцев было допущено к месту казни.

Однако восстание еще не окончилось. Весной 1671 г. с нижней Волги большой отряд городской бедноты и работных людей Астрахани и Царицына, а также беглых крестьян двинулся к Симбирску и пытался овладеть им. Этот отряд возглавлял один из ближайших сподвижников Разина — Федор Шелудяк. После того как Шелудяк вынужден был отойти от Симбирска, в июле город атаковал М. Осипов, пробившийся на Волгу. Крупным очагом восстания продолжала оставаться в 1671 г. Астрахань, где казнили митрополита Иосифа. Лишь в конце ноября 1671 г. правительственным войскам удалось взять город. Ф. Шелудяк и другие руководители восстания были повешены. В 1672 г. на Дону действовал отряд казачьей «голытьбы» во главе с разинцем И. Миюской, в 1673 г. разинец С. Булук с отрядом «голытьбы» воевал с помещиками в Козловском и Ряжском уездах. Приток беглых на Дон все нарастал. Продолжали существовать казачьи «городки», захваченные различными восставшими отрядами. «Домовитое» казачество было бесильно обеспечить выполнение требований правительства о прекращении движений повстанцев. До 1689 г. держался городок на р. Медведице.

Соппротивление народных масс продолжалось в разных концах страны и в различных формах. Сильно увеличилось число раскольников, что было следствием поражения крестьянской войны. Много людей уходило в далекие раскольниковы скиты, и именно в те годы начались страшные самосожжения, когда раскольники предпочитали мученическую смерть сдаче царским отрядам. В некоторых местах раскольниковое движение приобрело характер массового восстания. Наиболее ярким из них явилось восстание в Соловецком монастыре¹.

Монастырь еще в конце 50-х годов отказался признать реформу Никона. Попытки церковных властей уговорить соловецких монахов оказались безуспешными. Тогда послали из Москвы стрельцов, но их встретили огнем пушек с монастырских стен. Так началось в 1668 г. восстание в Соловецком монастыре. Большие запасы продовольствия позволяли выдержать долгую осаду. Против царских войск стали все более активно выступать монастырские крестьяне. Социальный состав восставших все более изменялся в сторону усиления крестьянских элементов. После поражения восстания Разина в монастырь пришли многие из участников движения. Восстание в Соловецком монастыре приобрело антифеодальный характер. Среди монашеской братии произошло

¹ См.: Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание 1668—1676 гг. Петроград, 1954.

внутреннее размежевание. Руководящая роль в движении перешла от старцев к крестьянам Воронину и Васильеву. Один из монахов перебежал на сторону осаждавших монастырь правительственных войск и указал им тайный ход в монастырь. В результате этой измены в январе 1676 г. монастырь был взят, участники восстания подверглись жестокой расправе. Восьмилетнее «Соловецкое сидение», как называли его современники, вылилось в народное антифеодальное движение, явившееся одним из последних очагов того подъема классовой борьбы в Русском государстве, высшей точкой которого во второй половине XVII в. была крестьянская война под руководством Степана Разина.

После подавления Соловецкого восстания правительство усилило репрессии против раскольников. В 1682 г. смертной казни вместе с другими руководителями раскола был предан протопоп Аввакум.

Правительству с огромным трудом удалось утопить в крови народные движения третьей четверти XVII в. Но полностью прекратить их было, разумеется, невозможно. Во второй половине 70-х годов весь юг России был снова охвачен народным движением, приведшим к большому восстанию весной 1682 г.¹ Тогда же произошло известное восстание стрельцов в Москве².

Сложное внутреннее положение в стране, большое напряжение в международных отношениях все более выдвигали перед правительством потребность в проведении преобразований для укрепления государства. Классовая борьба народных масс ускорила проведение государственных преобразований. Господствующий класс был поставлен перед необходимостью их проведения для укрепления своей власти. Но объективные последствия реформ, начатых во второй половине XVII в. и развернувшихся при Петре I, имели большое значение для развития страны в целом.

Сразу после крестьянской войны были осуществлены некоторые важные государственные мероприятия, несмотря на ослабление царской власти. В 1676 г. царь Алексей Михайлович умер. Преемником на престоле стал четырнадцатилетний сын умершего царя от первой жены — Милославской — Федор Алексеевич. Болезненный и совершенно неспособный к государственной деятельности царь принимал мало участия в государственных делах. Власть фактически сосредоточилась в руках Милославских, которые поспешили воспользоваться этим для удаления от руководства враждебной им группы, связанной с родственниками второй жены Алексея Михайловича — Нарышкиными.

¹ См.: В. П. Глаголев. Движение на Дону и на юге России весной 1682 г. «Ученые записки МГЗПИ», т. I, 1958; Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки», т. IV, 1939.

² См.: С. К. Богоявленский. Хованщина. «Исторические записки», т. X, 1939.

Тем не менее в эти годы была проведена реформа податной системы. Финансовое положение оставалось тяжелым — недоимки к 1676 г. составили свыше 1 млн. рублей. В 1681 г. все подати для посадских людей и черных крестьян на Севере были сведены в единый налог — так называемые стрелецкие деньги. Таможенные и кружечные дворы было решено не отдавать более на откуп, а поручать людям, избранным свободным населением городов и волостей. С 1679 г. был начат переход к системе подворного обложения. Все это должно было укрепить государственные финансы. Усиливалась власть воевод на местах. Под влиянием опыта войны с Турцией вновь встал вопрос о преобразованиях в армии.

Стремясь использовать ослабление царской власти для упрочения своего положения в конце 1681 г., боярская знать выдвинула проект разделения страны на наместничества, которые должны были соответствовать бывшим «землям» — княжествам эпохи феодальной раздробленности. Предполагалось, что наместники будут править пожизненно и передавать наместничество по наследству. Так была предпринята попытка вновь возродить раздробленность страны, что свидетельствует о глубокой реакционности политических идей боярской аристократии. Царь Федор Алексеевич согласился с предложением о наместничествах. Но времена переменились. Царь Федор вскоре умер, и проект не был осуществлен.

Тогда же состоялось совещание представителей разных чинов служилых людей, которое в литературе иногда считают последним Земским собором. Это совещание под руководством князя В. В. Голицына выразило мнение дворянства и потребовало упразднения чрезвычайно вредно отзывавшегося на ходе военных действий порядка замещения должностей путем местничества. 12 января 1682 г. Боярская дума вынесла решение об уничтожении «братоненавистного и любовь отгоняющего» местничества. Разрядные книги, в которых были записаны назначения на должности бояр и которые служили основанием при решении местных споров, были торжественно сожжены.

Падение местничества явилось крупнейшей победой дворянства и самодержавия. Значение этого события вовсе не ограничивалось сферой военного дела. Упразднение местничества завершило развивавшийся в течение всего XVII в. процесс внутренней перестройки господствующего класса феодалов, вытеснения старой боярской знати и выдвижения на первый план дворянства.

Длительный и трудный процесс государственной централизации, охвативший несколько столетий, достиг в XVII в. той стадии развития, на которой начинался переход к абсолютизму.

Отметим, что вопрос об абсолютизме в России являлся предметом разногласий в исторической и историко-юридической литературе. Некоторые исследователи склонны были отождествлять понятия «самодержавие» и «абсолютизм» не только для XIX —

начала XX в., но и для XVI—XVII столетий. Выше (см. Введение) мы уже приводили положения основоположников марксизма-ленинизма, из которых можно сделать вывод о том, что того необходимого для абсолютизма условия, которым является зарождение буржуазных элементов, в России XVI в. не было. Что касается XVII—XVIII вв. и позднего времени, то и здесь, несмотря на зарождение и развитие буржуазных связей, русский абсолютизм был гораздо больше связан с крепостничеством, нежели с раннебуржуазными элементами, и развивался прежде всего на его основе.

Российское государство сформировалось как государство крепостническое, его государственная централизация была достигнута на основе крепостного права — со всеми его консервативными последствиями для дальнейшего развития страны.

Л Е К Ц И Я 11

РУССКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА

Накануне монголо-татарского нашествия русская культура, представленная такими великими произведениями, как владими́ро-суздальское зодчество, «Слово о полку Игореве» и многими другими, переживала высокий подъем. Ее развитие шло в общем темпе и русле средневековой европейской культуры¹.

Монголо-татарское нашествие резко изменило условия для развития русской культуры. Оно нанесло ей тягчайший удар. Погибло множество произведений духовной и материальной культуры, которые никогда уже не дойдут до нас. Стоит только вспомнить, сколько раз погибали в огне пожаров в час вражеских вторжений русские города, чтобы представить, какое количество ценнейших произведений древнерусской культуры было подвергнуто массовому, сплошному уничтожению. В 1382 г., когда Тохтамыш ворвался в Московский Кремль, в каменных церквях сгорели книги, которые москвичи снесли туда в тревожный час и которые лежали целыми горами, доходившими до самых сводов. Случайно дошедшее до нас в летописи сообщение об этом заставляет задуматься — сколько же за эти столетия могло погибнуть шедевров русской литературы! И не кажется странным то, что гениальное «Слово о полку Игореве» возвышается уединенно в пустыне российской словесности», — как это заметил А. С. Пушкин.

¹ См.: «История культуры Древней Руси», т. I—II. М., 1951.

кин, скорее случайным было сохранение единственного списка «Слова» (и тоже погибшего вскоре по обнаружении в пожаре), нежели существование самого «Слова» в XII в., которое возникло в каком-то определенном окружении близких к нему и по идеям, и по уровню развития художественного мастерства произведений.

Губительные последствия монголо-татарского вторжения и установившегося затем ига не ограничивались только уничтожением произведений материальной и духовной культуры русского и других подвергавшихся нашествию завоевателей народов. Вторжение и иго ослабили и поставили в труднейшие условия такие важные очаги развития средневековой культуры, какими были города. Завоеватели уничтожили и угнали с Руси мастеров и тем подорвали самые основы развития материальной культуры. Усилившаяся феодальная раздробленность сказалась на духовной культуре. Были, кроме того, разорены многие центры древней письменности. С разрушением городов сократилась переписка книг. Отрыв Руси от других стран еще более тяжело сказался на судьбах оказавшейся в изоляции культуры. Монголо-татарское нашествие и иго было страшным бедствием для русской культуры. Оценивая последствия вторжения, А. С. Пушкин очень верно сказал: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией... (В примечании к этим словам Пушкин заметил: «Но Европа в отношении к России все же да была столь же невежественна, как и неблагодарна.»)... Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля»¹.

Но нанеся огромный урон русской культуре, монголо-татарские завоеватели не были в силах ее уничтожить. «...Каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя. ...Никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно»², — писал В. И. Ленин. История русской культуры после монголо-татарского нашествия прекрасно подтверждает это ленинское положение.

Необходимо также сказать, что вопрос об оценке влияния монголо-татар на русскую культуру вызвал различные мнения в исторической литературе. Подавляющее большинство дореволюционных и советских исследователей пришло к выводу о тормозящем, глубоко отрицательном влиянии монголо-татар на русскую культуру. Исключением был лишь М. Н. Покровский, кото-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 117—178.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 46.

рый категорически возразил «против ходячего мнения, будто татарское нашествие было разгромом культурной страны дикими кочевниками»¹. «Татары,— писал он,— даже в XIII—XIV вв. вовсе не были «степными хищниками», а были довольно высоко организованным полуоседлым народом, а в области материальной культуры стоявшим выше своих русских противников, благодаря главным образом влиянию Китая, отчасти арабов»². Это мнение противоречит историческим фактам, и то, что монголо-татары действительно кое-что заимствовали у Китая и арабов, никак не делало завоевателей носителями более высокой культуры, потому что взятые на вооружение ими технические достижения были использованы как орудие разрушения культуры.

Между тем до сих пор в зарубежной литературе можно встретить рассуждения о том, что монголо-татары были не только и даже не столько разрушителями, сколько чуть-ли не создателями средневековой русской культуры. По мнению ряда исследователей, после монголо-татар русская культура вошла в сферу развития культуры «Востока», она стала составной частью этой культуры и отстала навсегда, приобретя неистребимый «восточный» характер³. Были, впрочем, и такие публицисты из числа русских белых эмигрантов, которые считали отчуждение благодаря монголо-татарам от Запада даже благом для России (так называемые евразийцы). Рассуждения насчет того, что Россия принадлежит испокон веков к «Востоку», обосновывают позиции тех, кто разжигает «холодную войну» между Западом и Востоком и хотел бы воспитать в людях западных стран представление о нашей стране как безгранично отсталой, якобы уже с XIII в. находящейся под прямым воздействием «азиатской» культуры.

Очевидно, что ничего общего с историческими фактами эти концепции не имеют.

Монголо-татары были не создателями, а разрушителями культуры тех народов, которые подверглись их опустошительному вторжению и тягостному игу. Но русский народ, как и другие народы, сохранил свою культуру под ударами и игом завоевателей. А. С. Пушкин, размышляя над последствиями монголо-татарского завоевания, возражал против мнения об их влиянии на русский язык. «Чуждый язык,— писал он,— распространяется не саблями и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оста-

¹ М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I. М., 1913, стр. 186.

² М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов. вып. I. М., 1933, стр. 280.

³ См.: G. Vernadsky. The Mougols and Russia. New Haven and London, 1963, p. 390.

вило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования... Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов вошло в русский язык»¹. Это мнение подтверждено последующими исследованиями — в русском языке сохранился ряд слов восточного вообще, а не собственно монголо-татарского происхождения². Можно отметить некоторые черты опять-таки восточного в широком плане влияния в произведениях материальной культуры XV—XVII вв., но говорить о сколько-нибудь глубоком влиянии монголо-татар на характер русской культуры не приходится.

Наоборот, развитие русской культуры на протяжении второй половины XIII—XV столетий происходило прежде всего под знаком борьбы против монголо-татар, за освобождение Руси.

Нет ни одного произведения публицистики того времени, которое не содержало бы решительного осуждения монголо-татарских завоевателей. В привычной и единственно возможной для средневековой форме религиозных образов и параллелей публицисты сравнивали нашествие иноплемennых с библейской космической катастрофой, а героев борьбы против завоевателей облакали в одежды подвижников за утверждение христианства. Но смысл от этого не менялся — отношение к завоеванию было резко отрицательным. Летописные своды периода монголо-татарского завоевания начинались обязательно с древнерусских летописей, и это было не только традицией средневекового исторического мышления, еще не достигшего сюжетного построения исторических произведений. Воспоминания о славе и силе Древней Руси будили патриотическое чувство уверенности, в том, что тяжелые времена пройдут и Русь, снова будет свободной.

При всем этом первое столетие после вторжения было временем упадка культуры в целом и медленного ее восстановления. Б. А. Рыбаков установил огрубение и даже исчезновение многих ремесел, достигавших высокого совершенства в Древней Руси. На полвека прекратилось каменное строительство, а когда оно возобновилось, то намного уступало и в техническом и в художественном отношении знаменитому владими́ро-суздальскому зодчеству, хотя и стремилось следовать его традициям. Сократилось количество летописных центров, а само летописание приобрело более местный, узкий характер.

Постепенно, с восстановлением хозяйства, развитием политической жизни и в первую очередь — объединительных процессов, стали образовываться новые центры русской культуры, определялись пути ее развития. Отходили на задний план древние

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 17.

² См.: Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 258.

Ростов и Суздаль, выдвигались Тверь и Москва с их летописями, повестями, каменным зодчеством, живописью. Своеобразный культурный мир развивался в Новгороде и Пскове. Мы практически почти ничего не знаем о Рязани, Муроме, Нижнем Новгороде, Устюге, но вряд ли можно полагать, что там имел место полный культурный застой после монголо-татар — отдельные сведения говорят о том, что и там складывалась своя культурная жизнь. Достаточно вспомнить о рязанском «Сказании о Евпатии Коловрате» и Софонии-рязанце — авторе «Задонщины».

Подъем культуры русских земель отчетливо определился во второй половине XIV в. и был, несомненно, прямым следствием и подъема народного хозяйства, о котором шла речь выше, и подъема духовной жизни после исторической победы на Куликовом поле. Недаром сразу же возник целый цикл сказаний и повестей о «Мамаевом побоище» — Куликовской битве. «Задонщина» была построена на сознательных параллелях со «Словом о полку Игореве», повествовавшем о поражении русских князей вследствие их разобщенности. Теперь же воспевалась победа, достигнутая благодаря объединению под главенством Москвы. Был и еще один фактор, оказавший воздействие на русскую культуру, — развитие связей с южными славянами, с болгарской и сербской культурами. Кругозор русских книжников и живописцев заметно расширился, а арсенал художественных средств и приемов обогатился.

Указанный подъем культуры охватил во второй половине XIV — начале XV в. все русские земли, и было бы неправильно сводить культуру того времени только к Москве, а основные идеи духовной культуры — только к объединительным тенденциям. Дело было сложнее. Культура поднималась повсюду, а стимулировали ее развитие не только объединительные, но и сепаратистские тенденции, как это было, например, в Новгородской республике. Это-то разнообразие местных особенностей при сохранении общей, шедшей еще от Древней Руси основы развития и борьба разных тенденций создавали в совокупности богатую и разнообразную картину средневековой русской культуры. При всей общности многих черт в летописании — в первую очередь мировоззрения, политической тенденциозности — летописи значительно отличаются друг от друга, и не только тем, что московский и тверской летописцы, например, по-разному интерпретируют одни и те же события, освещая их с наиболее выгодной для себя точки зрения, или же тем, что приковавшая к себе огромное внимание московского летописания Куликовская битва оказалась почти незамеченной в новгородских летописях. Летописи разнятся по своему подходу к материалу, по отбору его. Просто и буднично, отмечая повседневные события городской жизни — пожары, наводнения, цены на рынке, — рассказывает новгородский летописец. Как военная хроника, заполненная сообщениями о борьбе с вра-

гом, читается псковская летопись. Высокопарно со все усиливающимися церковно-поучительными рассуждениями описывает события московский летописец.

И зодчество тоже разное было — грубоватые, с неровными стенами, похожие на крепости или амбары, небольшие новгородские храмы нельзя спутать с произведениями московских зодчих, подражавших древним зодчим. Лучше всех умели строить из камня псковские мастера, употреблявшие характерные украшения из кирпичей — ленточки узоров, огибающих купола и стены. Еще больше различий было в живописи, пережившей в конце XIV — начале XV в. великолепный взлет. Два великих художника творили в то время — Феофан Грек и Андрей Рублев, и у каждого была своя манера, были свои последователи и школы. Спокойствию, гармоничности, уравновешенности рублевской живописи противостоят полные напряжения, огромной внутренней работы экспрессивные персонажи фресок Феофана Грека. И там, и тут — идея нравственного подвига, духовного величия, силы человеческого сознания, но как по-разному они воплощены! И навеки вошли в сокровищницу не только русской, но и мировой культуры и «Троица» Рублева, и «Праотцы» Грека.

Одним из самых замечательных явлений развивавшейся русской культуры было появление в XIV—XV вв. еретических течений в крупных городах. Это были первые, но весьма смелые попытки преодолеть религиозные догмы, проникнуть в тайны мироздания. Интерес к реальному конкретному знанию, недовольство сковывающей мысль религиозной догматикой были началом долгого пути раскрепощения умов от гнета религии. Недаром еретики были образованнейшими людьми своего времени, их особенное внимание привлекали математика и астрономия, они первыми в России начинали рационалистическую критику «священного писания». И как бы ни был ограничен их круг, как бы ни кончались разгромом их кружки, им все равно принадлежит виднейшее место в истории средневековой культуры.

Конечно, средние века знали — и в гораздо больших масштабах — и прямо противоположные явления: невежество, суеверия, безграмотность, жестокие черты в нравах, пьянство, притеснение человеческой личности. При крепостничестве и не могло быть иначе, и само крепостничество не могло существовать без невежества и забитости, отсталости миллионных народных масс. Но ничего специфического для России в этом отношении нет. Так было в любой феодальной стране, так было и в стране Рафаэля, где существовали не менее дикие нравы и темнота народа. Не преуменьшая и ни в коем случае не игнорируя всех темных явлений средневековья, не переоценивая степень культурного развития, мы должны вместе с тем ясно видеть главное — русский народ в тяжчайших условиях монголо-татарского ига не только отстоял свою национальную культуру, но и дал ей движение вперед,

Именно народ, потому что самые высокие достижения духовной культуры, не говоря уже о материальной, в конечном счете обязательно опираются на народ, на выработанные им веками вкусы, художественные и технические приемы, а главное — достижения эти немыслимы без той материальной основы жизни общества, которая во все времена создавалась руками людей народа, даже если люди эти были сами по себе невежественны, суеверны и порой жестоки.

В великом подвиге русских людей средневековья, спасших Европу от страшного врага и освободивших затем и свою Родину, есть еще одна историческая заслуга — спасение и развитие русской национальной культуры. Победа на Куликовом поле дала возможность раскрыться гению Андрея Рублева, в то время как безвестное множество талантов так и не дало о себе знать за предшествующее столетие. Без Куликова поля не было бы ни мастера житийной прозы Епифания Премудрого, ни нарядной новгородской церкви Ильи Пророка, с вдохновенно-взволнованной до взвинченности росписью Феофана Грека, ни практического руководства о том, как надо бурить соляные скважины — «как зачати делати труба на новом месте». Во всех краях Русской земли и во всех областях духовной и материальной жизни Куликовская битва, вселившая уверенность в победе над врагом, дала себя знать, и в этом было главное ее значение.

Развитие культуры в русских землях XIII—XV вв. было очень важным этапом формирования в последующем общерусской культуры, которая вбирала в себя достижения местных культур. Этот новый этап наступил в конце XV в. и был неразрывно связан с успехами объединительного процесса.

В качестве наиболее значительного явления в истории русской культуры конца XV — первой половины XVI в. следует назвать подъем общественно-политической мысли. Сложность социально-политических условий образования единого Российского государства породила напряженные поиски решения больших проблем, возникших перед современниками: о характере государственной власти, о законе и «правде», о месте церкви в государстве, землевладении, положении крестьян. К этому надо прибавить дальнейшее распространение еретических учений, сомнения в справедливости религиозных догм, первые проблемы научных знаний. Освобождение страны от 250-летнего монголо-татарского ига, возникновение на месте самостоятельных земель и княжеств огромного Российского государства, устранение барьера в отношениях со странами Западной Европы, где была пора блестящего Ренессанса, — все это возбуждало мысль современников, искавших ответа на новые вопросы. Как и всюду в европейских странах периода их объединения, русская общественная мысль связывала с единой властью надежды на установление идеального правления и ликвидацию тех тягот, которые терзали страны в

период раздробленности и междоусобиц. Оказывалось, однако, что конкретные представления об идеальном государстве далеко не совпадали у публицистов, выражавших настроения разных группировок, — идеал сильного государя, опирающегося на дворянство, совсем не походил на мечты Максима Грека о мудром правителе, вместе с советниками решающем государственные дела, а аскетический отказ «нестяжателей» от богатств вызвал яростное негодование идеологов сильной церкви — «осифлян». При громадном разнообразии борющихся направлений их объединял обостренный интерес к судьбе нового, только что сформировавшегося Российского государства, к природе государственной власти, к путям их развития.

Это остро политическое звучание общественной мысли свойственно было всем ее формам и проявлениям. Летописи с самого своего возникновения имели характер политических документов, но теперь их назначение еще более возросло. Отправляясь в поход на Новгород, Иван III специально взял с собой дьяка Степана Бородатого, который хорошо умел «по летописцам говорить вины новгородские». Составлявшиеся не без влияния со стороны церковников московские летописи конца XV в. содержали немало открытых антикняжеских выпадов, потому что обострились отношения светской власти с церковью и последняя боролась за сохранение и упрочение своего влияния. В XVI в. летописание приобрело официальный характер. Теперь в летописи включались тексты разных правительственных документов — указов, разрядных книг и др. Политическая тенденциозность летописания, попавшего под контроль государства, еще более усилилась — составляя грандиозные своды на основании многих ранних летописей, московские сводчики подвергали их сообщения существенному редактированию. Целеустремленно выдвигалось на первый план все то, что могло исторически обосновать права московских великих государей на власть во всей России. Позднее сам Иван Грозный властной рукой делал приписки к так называемому лицевому своду. Летописи должны были показать справедливость репрессивной политики Грозного по отношению к боярам, подчеркнуть боярские измены и злодеяния. Затем возникли исторические повести, излагавшие уже не историю от «сотворения мира», а недавние события вроде «Повести о казанском взятии», где автор нисколько не стеснялся приукрашивать события в пользу московского царя. Но были и другие летописи — в Пскове еще в XVI в. летописцы вписывали осуждающие Москву слова.

Образование единого государства отразилось и в новом подъеме русского зодчества. Ведущим центром его стала Москва. В конце XV — начале XVI в. была предпринята перестройка Московского Кремля, возведены новые стены, башни, ансамбль соборов, Грановитая палата. Идеи величия и силы единого Российского государства получили великолепное воплощение в ан-

самбле Московского Кремля, ставшего национальной святыней России. В сооружении кремлевских зданий и стен приняли участие многие итальянские зодчие, среди них знаменитый болонский архитектор и инженер Аристотель Фиораванти, приехавший в Москву зрелым и прославленным мастером. Возведенный им Успенский собор был результатом глубокого изучения национальных традиций русского зодчества. Вместе с тем итальянские мастера обогатили русское зодчество техническими и художественными приемами, выработанными в эпоху Возрождения.

Русское зодчество переживало в конце XV — первой половине и середине XVI в. период расцвета. Вбирая традиции местных архитектурных школ, народного деревянного зодчества, используя технические приемы и некоторые мотивы зодчества на Западе и Востоке, русские зодчие создали подлинные шедевры мировой архитектуры. Достаточно вспомнить о прекрасном каменном шатре церкви Вознесения в Коломенском, построенном в 1532 г. по образцу деревянных шатровых церквей и с удивительной силой воплотившем мощное стремление ввысь, как вековую народную мечту о счастье. Нарядный и величественный храм, естественно и органично вырастающий из раскинутых, как корни, галерей на прибрежном холме у Москвы-реки, менее всего вызывал чувства религиозного аскетизма и отрешенности от мира — он весь праздничный, торжественный — замечательное творение безвестных мастеров. Сказочно красив и разнообразен многоглавый храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве, построенный в 1556 г.¹ С памятником «богу плодородия, его земным дарам» сравнил его поэт Андрей Вознесенский, назвав храм «мятежным», «пылавшим в полнеба». Смелая и оригинальная композиция его напоминала о единстве Русской земли — девять различных, непохожих друг на друга церквей на общей основе. Причудливые, свободные формы многоглавого Василия Блаженного вызывают ассоциации с природой и прочно связаны с русским пейзажем, с неисчерпаемым богатством и разнообразием русского народного творчества, русского таланта и мастерства.

Это было время, когда и в живописи также был создан ряд замечательных произведений, среди которых выделяются своим живописным мастерством работы Дионисия, расписывавшего Ферапонтов монастырь, и др. Полна яркого своеобразия новгородская школа живописи и в XVI в.

Однако общий подъем русской культуры периода образования единого Русского государства, отразивший историческую прогрессивность объединения русских земель, сменился если не упадком, то, во всяком случае, очень заметным замедлением ее развития. Вторая половина XVI в. — трудное для России вре-

¹ В литературе нет единого мнения по вопросу о строителях Покровского собора — строили ли его два мастера Постник и Барма или же один Постник Барма Яковлев.

мя — не дала уже ни возвышенных образцов зодчества и живописи, ни такого подъема общественно-политической мысли. Длительная Ливонская война и опричнина создали более чем неблагоприятные условия для развития культуры. Но дело не только в этом.

Судьбы русской средневековой культуры были во многом предопределены развитием крепостнического строя и связанного с ним поражения светской власти в борьбе за подчинение церкви и установлением союза между ними. Сохранив свою независимость, церковь заняла безраздельно господствующее положение и в духовной жизни общества. Церковь еще больше стала подчинять своему влиянию литературу и искусство. Не говоря уже о летописании, упомянем о предпринятом при митрополите Макарии громадном своде «Четьи-Миней» — ежедневного чтения, которое должно было поглотить всю существующую литературу, подвергнув ее соответствующему религиозно-назидательному истолкованию.

Основание книгопечатания, явившееся крупнейшим событием для истории просвещения в России, было предпринято церковью и царской властью для распространения богослужебных книг. Именно в этой связи, по мнению М. Н. Тихомирова, Иван Федоров, по поручению царя, перенес затем книгопечатание из Москвы в Литву. Предполагалось распространением православных книг усилить влияние Москвы среди русского населения Великого княжества Литовского, что было особенно важно в условиях Ливонской войны. Иван Федоров был великим просветителем, понимавшим все значение книгопечатания для распространения грамоты и знаний, недаром он напечатал первую русскую азбуку. Но основано книгопечатание было прежде всего для распространения и усиления религиозно-церковного влияния.

Собор 1551 г. регламентировал приемы зодчества и живописи. В качестве образца была взята живопись Андрея Рублева, однако строгая, мелочная регламентация работы художников привела к тому, что творческие возможности их были скованы, изображения должны были быть в точном соответствии с установленными канонами, а всякое отступление от них влекло репрессии. В результате искусство потерпело большой урон. Своеобразной реакцией на суровую регламентацию творчества явилась возникшая во второй половине XVI в. так называемая строгановская школа живописи, характеризовавшаяся особым вниманием к технике живописи. Художники соревновались в изображении мелких фигур, чистоте красок, искусство их было лишено глубокого замысла и подчинено чисто техническому совершенству. Но и в этой «безыдейности» искусства была своя идейность — это был протест против жестокой регламентации творчества.

В зодчестве 60—70-х годов также заметно снижение творческого начала. Построенные в это время каменные храмы повто-

ряют формы московского Успенского собора, но лишены его гармоничности и стройности. Правда, уже в конце XVI в. зодчество снова дает ряд замечательных произведений.

Поистине переломным в истории русской культуры стал XVII век. Начавшийся бурными событиями классовой борьбы и защиты страны от иностранных интервентов, он протекал в обстановке глубоких социальных конфликтов и изменений в общественно-экономической жизни. К этому надо прибавить расширение связей со странами Западной Европы, проникновение в Россию элементов научных знаний и культуры из этих стран. Все это стимулировало развитие русской культуры и вызвало весьма существенные перемены в историко-культурном процессе. Русская культура стала делать заметные шаги в том общем направлении, по которому уже несколько столетий двигалась передовая культура ряда западноевропейских стран, вступивших на путь буржуазного развития.

Вновь, как и столетием раньше, поднялась и достигла еще большего оживления общественно-политическая мысль. Бурные и сложные события начала века вызывали стремление разобраться в происходящем, оценить причины потрясений. С позиций разных группировок господствующего класса публицисты описывали события, как правило, резко отрицательно относясь к народным движениям и видя главную причину событий в прекращении правящей династии, ослаблении власти, а некоторые из них — еще и в истреблении знати. Сюжетная историческая повесть ярко выраженного публицистического характера явно вытеснила в XVII в. традиционную летопись, хотя отдельные летописи еще продолжали создаваться. Официальный «Новый летописец» обосновывал исторические права Романовых на престол, подчеркивая родственную связь с Иваном Грозным и резко осуждая события так называемого смутного времени. Составлялись сибирские летописи. Но в целом летопись как вид исторического произведения уходила теперь в прошлое. Интерес к истории возрастал, а усиление самодержавия обостряло внимание к его истокам, к истории Москвы. Возникали исторические повести, содержавшие немало баснословия, но наряду с этим заметны первые попытки придать систематический характер собиранию исторических материалов и составлению исторических произведений. Одно время при царе Алексее Михайловиче был основан специальный Записной приказ, который должен был сосредоточивать материалы для будущей истории. Появились авторы, пытавшиеся собирать широкий круг материалов и создать цельное повествование, среди них были дьяк Ф. Грибоедов, типографский «справщик» (редактор) Поликарпов и, наконец, автор «Скифской истории» Андрей Лызлов. Широко распространилось впоследствии сочинение киевского печерского монаха Иннокентия Гизеля под названием «Синописис» (греч. — описание), в котором излагалась история

Руси с древнейших времен с преимущественным упором на единство исторических судеб России и Украины, что было как бы ответом на происшедшее в середине XVII в. воссоединение Украины с Россией. Отпечатанный типографским способом «Синописис» долгое время был единственным учебником русской истории.

При всех этих сдвигах общественно-политическая мысль XVII в. еще не могла освободиться от традиционного и характерного для средневекового мышления так называемого провиденциализма, который отдавал божественным силам, «провидению» роль определяющей силы в событиях и судьбах людей. Провиденциализм был свойствен и тем произведениям общественной мысли, которые вышли из городской, по-видимому, связанной с посадскими людьми, среды, как, например, упомянутая выше патриотическая московская «Новая повесть о преславном Российском царстве» начала века или псковские повести с описанием восстания 1650 г. и явным сочувствием к восставшим элементам. Более того, антифеодальный протест нередко сочетался с религиозной идеологией в той или иной форме — достаточно вспомнить движение раскольников или то, что среди стругов Степана Разина был струг якобы патриарха Никона.

Иначе, конечно, и быть не могло в средневековом обществе. Но важно отметить другое — господство религиозного мировоззрения и в особенности официальной религии, авторитет церкви стали в XVII в. расшатываться, как никогда прежде. И прежде народные массы активно или пассивно сопротивлялись тем обрядам и правилам, которые установлены были православной церковью. Пережитки дохристианских культов и верований всегда были очень живучи и доставляли немало хлопот церковникам, пытавшимся всеми средствами, включая прямое насилие и репрессии, добиться монопольного положения своей религии. Были выступления против религиозных догм и верований в форме ересей. Но еще никогда антицерковные настроения не принимали столь массовых и открытых выражений. Выше уже говорилось о том, как народное творчество относилось к церковникам и как патриарх и царь вели безуспешную борьбу со скоморохами, театром Петрушки, медвежьим цирком и т. п.

Следует отметить, что антицерковные сюжеты глубоко проникли и в письменную литературу XVII в. Ее развитие, неразрывно связанное с народным творчеством, характеризовалось рядом новых черт. Сюда относится, во-первых, появление новых жанров, в частности сатирической повести. Во-вторых, литература XVII в. отличается пристальным вниманием к человеческой личности. Не старинный традиционный шаблон в изображении персонажей, который был установлен христианской идеологией и делил весь мир на черное и белое, людей — на идеальных героев и абсолютных злодеев, а попытка раскрыть человеческий характер в его индивидуальности, проникнуть в психологию действующих

лиц, показать сложность их мыслей и чувств. С этим было связано появление нового героя в литературе — вымышленного персонажа. Если раньше героями литературных произведений были лица исторические и непременно принадлежавшие к общественным верхам, то теперь стали изображать не только князей, но и купцов, и простых горожан, естественно было появление в этой связи собирательного образа, вымышленного героя. И в этом уже был отход от старинных, насажденных церковью канонов и, следовательно, разрушение их. Если сознание писателя XVII в. по-прежнему склонно было отдавать «провидению» роль решающей силы, то конкретное его повествование было посвящено не божествам, а людям, которые из органов исполнения воли «провидения», какими они выступали обычно в средневековой литературной традиции, превращались в активных действующих лиц, от воли и смекалки которых зависела их собственная судьба¹.

К этому надо прибавить, что литература XVII в. выразительно отразила явления, происходившие в общественном развитии. Внимание к человеческой личности было, несомненно, связано с развитием городской жизни с ее практическими заботами, ремеслами и торговлей, где многое зависело от личной предприимчивости и энергии. Крестьянин во многом зависел от сил природы, которыми управлять не мог, горожанин же смотрел на мир гораздо увереннее. Именно в городской среде зарождались рационалистические взгляды и подрывалась слепая религиозная вера. С городской посадской средой было связано большинство произведений демократической литературы XVII в. Никогда прежде город не играл той роли в развитии литературы, как это имело место в XVII в. и в этом — существенная особенность этого времени.

Демократическая литература XVII в. отразила и воплотила в себе массовый протест против господствующих порядков, который выливался и в побег, и раскол, и народные восстания, и войны. Выливался он и в язвительные повести о «Шемякином суде», о пьяницах-монахах («Калязинская челобитная»), в полную горестной сатиры «Азбуку о голом и небогатом человеке». И то, что наряду с господами светскими осмеянию подвергалось теперь духовенство, может быть оценено как примечательное «знаме-

¹ Д. С. Лихачев сделал глубокие и очень важные для историков наблюдения над литературными жанрами и приемами. Он показал, что в средние века господствовал определенный канонический шаблон в изображении отрицательных и положительных персонажей, поэтому сообщения о тех или иных их действиях далеко не всегда могут быть воспринимаемы как достоверные факты, а как «приписанные» по определенному литературному приему. Например, князь — положительный герой — должен быть нищелюбив, послушен церкви и т. п.

Так и писалось, скажем, об Александре Невском или Димитрии Донском, хотя в действительности в их отношениях к епископам и митрополитам сквозила власть, а отнюдь не поклонение.

ние времени», как характерная черта «бунташного» века, когда заколебались вековые устои официальной церкви в России.

Городские, посадские вкусы отчетливо проявились в зодчестве и живописи XVII в. На смену монументальным храмам пришли в большинстве небольшие посадские церкви, поражающие игрой красок и объемов, живые, нарядные, покрытые бесчисленными узорами, полные жизнерадостности. Шатровые колокольни украшаются резьбой, изразцами, из фигурного кирпича делаются бесчисленные и разнообразные детали стен, куполов, колоколен, окна окружаются цветными изразцами, широко применяется резной белый камень для отделки зданий, а стены их еще красятся в ярко красный цвет. Стремление к красоте, неистощимая фантазия народных мастеров раскрываются в посадских церквях Ярославля, Костромы, Ростова, Москвы и других городов с необыкновенной выразительностью. Это стремление к «узорочью» встречало суровое сопротивление со стороны церковных властей. Патриарх Никон специальным указом запретил строительство шатровых церквей и требовал следования старинным византийским образцам крестовокупольного храма.

Но посадские слободы соревновались между собой в красоте и богатстве убранства их церквей, бывших далеко не только местами молебствий, — тут было место сбора слобожан, обсуждавших разные дела и выбиравших своих старост и сотских, сюда в тревожный час сносили товары и всякие драгоценности, укрывая их за каменными стенами, здесь хранились старинные и современные рукописные и печатные книги. Словом, это был центр общественной жизни. Понятно, что те, на чьи деньги строились посадские церкви (а строились они преимущественно на средства богатых купцов), диктовали свои вкусы. Запрет строить шатровые церкви был легко обойден — в виде шатров стали выполнять колокольни, которые своими вертикалями прекрасно оживляли русский городской и деревенский пейзаж. Поднялись великолепные шатровые башни и на древних стенах Московского Кремля, и они тоже являются образцом той живописной архитектуры, которая господствовала в XVII в. Суровый и грозный Кремль приобрел теперь еще одну черту — праздничную торжественность. Мы и сейчас любимся Кремлем — символом нашей великой Родины, ее славного прошлого и настоящего, величайшим архитектурным произведением веков, воплотившим всю многогранность народных талантов.

Декоративность в зодчестве привела к созданию ряда замечательнейших ансамблей — таких, например, как ростовский митрополичий двор, также называемый обычно «Кремлем». Стены, башни, надвратные церкви ростовской митрополии строились во второй половине XVII в., когда Ростову никакое нашествие внешних врагов угрожать уже не могло. Цель строительства была другая — силой монументального зодчества возвысить и укрепить ав-

торитет церкви. По этим же причинам возводились мощные и нарядные стены и башни в Троице-Сергиевом монастыре, в монастырях Костромы, Суздаля, Владимира и многих других. Но и в этих постройках церковь бессильна была противостоять взлету народной фантазии. В XVII в. складывался национальный русский архитектурный стиль, и он нашел свое яркое воплощение в городских постройках. Посадские церкви и монастырские башни XVII в. менее всего должны расцениваться как «культовые сооружения», как их, к сожалению, нередко воспринимают несведущие люди. На самом деле это не только ярчайшие памятники народного таланта, но и памятники начинавшегося разрушения религиозной идеологии, смелый, жизнеутверждающий вызов религиозному аскетизму, протест против канонов и догм официальной церкви, воплощенный в единственно возможную тогда форму сооружения храмов и монастырей.

Но каменное зодчество представлено было теперь уже не только храмами — встречаются и отдельные каменные дома (не только архиепископские палаты в Суздале или царицыны палаты в Саввине-Сторожевском монастыре или митрополичьи покои в Троице), сами по себе очень интересные и выразительные. Есть хотя и немногие дома посадских людей, купцов, светской знати, которые наделены теми же чертами «узорочья», что и вообще все зодчество того времени.

Одной из самых ярких страниц истории русского зодчества является деревянное зодчество XVII в. То, что делалось в камне и кирпиче, как правило, имело образцом деревянное зодчество, хотя в XVII в. выработались уже свои приемы каменного строительства. В деревянном зодчестве фантазия мастеров не знала себе равных. Коломенский дворец был настоящим чудом, сделанным из дерева, — так занимательны, нарядны, интересны были его бесчисленные и разнообразные палаты, башенки, переходы, крыльца, наличники, покрытия и пр. Но и деревенская изба крестьянина, срубленная плотником, поражала своей затейливой и в то же время ясной красотой. К сожалению, мы не очень сохраняем зодчество XVII в., немало превосходных его произведений погибло и в сравнительно недавние годы, а это огромная потеря для истории русской культуры, для истории нашего народа в целом.

Характерные для того времени черты в искусстве были названы современниками весьма точно: «живство» и еще «обмирщение». Против этого «обмирщения», а, следовательно, утраты религиозного содержания искусства и наполнения его мирскими светскими элементами и мотивами церковь боролась, как могла. И тут не было разницы между «никонианами» и «староверами». Идеологи раскола были даже еще более яростными, еще более непримиримыми врагами всякого «живства». Протопоп Аввакум, чьи сочинения, написанные удивительно ярким, простым, ясным

языком, сами по себе являются значительным литературным памятником, с негодованием обрушивался на современных ему живописцев: «А то все писано по плотскому умыслу... А все то кобель борзой, Никон — враг, умыслил, будто живые писать, устроит все по фряжскому, сиречь по немецкому. Якоже фрязи пишут образ благовещения пресвятые бородачи, чреватую, брюхо по колени висит... Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!»¹. Никона Аввакум тут припутал, разумеется, в пылу борьбы, связывая с именем своего врага вообще все то, что вызывало у Аввакума ненависть. В действительности «кобель борзой» был столь же непримиримым противником «живства», как и другие церковники, и даже сжигал иконы, написанные не по «греческому чину».

Но иначе думали об этом сами живописцы. Работавший в царском дворце художник Иосиф Владимиров в письмах одному московскому архидьякону выразил совсем другое отношение к задачам искусства. Владимиров был против слепого преклонения перед стариной и принципиального неприятия всего, что делается в искусстве других стран. Особенно протестовал Владимиров против канонической регламентации искусства. Где такое указание нашли любители священных преданий, спрашивал Владимиров, чтобы писать всех святых на одно лицо, обязательно смуглыми и тощими? Наоборот, доказывал он, в сцене благовещения надо изображать богородицу молодой девушкой, в иконе рождества младенец должен быть румян и прекрасен, а библейская Сусанна должна быть красивой женщиной². В рамках еще религиозного содержания живопись XVII столетия, как и литература, стала проявлять внимание к человеческой индивидуальности, к личности человека, как таковой, а не как проявлению раз навсегда определенного канонами добра или зла. Отсюда не только индивидуализация религиозных персонажей, но и изображение реальных лиц; появление так называемой парсуны, портретной живописи. Само обращение к изображению реальных персонажей, а не «святых» было уже событием большого значения. Но и в религиозной живописи была достигнута новая ступень проникновения в реальную жизнь и психологию человека. «Спас нерукотворный» знаменитого мастера Симона Ушакова поражает прекрасной передачей человеческого лица. Едва ли не большее значение имела деятельность живописцев Ярославля, Костромы и других городов. Росписи посадских ярославских храмов представляют собой прямой вызов всем официальным канонам. В то время как во многих церквях стало появляться огромное изображение «Страшного суда», которым церковь пугала верующих,

¹ «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения». М., 1960, стр. 135—136.

² См.: А. С. Овчинникова. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве. В кн.: «Древнерусское искусство. XVII век». М., 1964, стр. 24, 57, 58 и др.

старалась восстановить свой авторитет и осудить то, что ей было враждебно (недаром среди грешников, обреченных на вечные муки, обязательно изображались ненавистные церковникам иностранцы), в церкви Спаса на Ильине в Ярославле изображение «Страшного суда» помещается даже не внутри церкви, а на галерее. Зато стены расписываются картинами, живо напоминающими окружающую жизнь. Библейские сюжеты — только повод для изображения жизненных сцен. Мы видим пахоту, и лошади Каина очень похожи на русских крестьянских лошадок, жнецы в русских розовых и синих рубахах машут серпами, и все тона в живописи живо напоминают среднерусский пейзаж с его полями, лесами, реками — желтые, синие, зеленые тона преобладают в ярославской живописи. В «ярком мажорном тоне ильинских фресок, в его какой-то «громкой» декоративности воплотилось народное земное чувство жизни и красоты», — пишет исследователь живописи, выполненной ярославскими мастерами под руководством Гурия Никитина¹.

Изображения святых лишены всякой почтительности, наоборот, они нарочно «обытовлены», как бы «приземлены». И даже обнаженное женское тело в образе «блудницы Вирсавии» riskнули изобразить посадские мастера на стенах своих храмов.

Это и было то «обмирщение» искусства, против которого боролась церковь, но за которым было будущее.

И еще в одной области стало подрываться господство церкви — в духовной жизни людей. Речь идет о просвещении и распространении научного знания.

Многие факторы содействовали росту просвещения. Развитие городской жизни с ее ремеслами и торговыми занятиями, появление первых мануфактур, расширение и усложнение системы государственного аппарата, рост связей с зарубежными странами — все это требовало гораздо большего распространения грамотности, чем прежде. Недаром «Азбука» Василия Бурцева, напечатанная в 1651 г. тиражом в 2400 экземпляров, была распродана в Москве за один день. Не говоря уже о том, что грамотность открывала для посадского человека возможность поступить на службу в какой-нибудь приказ и тем избежать обременительного тягла, знание грамоты было необходимо для повседневных занятий посадских людей. Недаром так много появляется в это время рукописных сборников у посадских людей. В этих сборниках все вперемешку — и отрывок из какого-нибудь «жития», и фантастическая повесть, и демократическая сатира, и отрывок из летописи, и всякие приметы и гадания — пестр был духовный мир русского горожанина, но книга, составленная по его вкусу (а не только евангелие), все чаще становилась неременной его при-

¹ См.: И. А. Некрасова. Новое в синтезе живописи и архитектуры XVII века (роспись царя Ильи Пророка в Ярославле. В кн.: «Древнерусское искусство. XVII век». М., 1964, стр. 28).

надлежностью. Опять-таки прежде всего с городом связано это новое важное явление в истории русской культуры — распространение грамотности вообще и рукописных и печатных книг в частности, таблицы умножения, не говоря уже о Соборном уложении и других законодательных актах. В 1672 г. открылась первая книжная лавка в Москве.

Не только посадские люди, но, как отмечено, государство и церковь также нуждались в гораздо большем количестве образованных людей, чем прежде. Поэтому вопросы организации образования в России стали предметом большого внимания и оживленных споров. На протяжении XVII в. в Москве обосновалось немало выходцев украинских и белорусских земель, среди которых были образованные люди, знавшие латинский и польский языки. Эти люди привлекались для службы в Посольском приказе, следили за печатанием книг. Ученые киевские монахи принимали участие в исправлении богослужебных книг, начатом Никоном. В начале 60-х годов в Москву приехал крупный белорусский ученый и поэт С. Е. Ситнианович, более известный под именем Симеона Полоцкого.

Значительная часть высшего духовенства и знати опасалась «латинства» и даже запрещала распространение в России «литовских» книг, напечатанных на Украине и в Белоруссии. Однако распространение просвещения продолжалось и привело в середине века к организации совершенно нового типа школ. В 40-х годах видный правительственный деятель Ф. М. Ртищев пригласил из Киева три десятка ученых монахов и устроил школу для молодых дворян, где их учили греческому и латинскому языкам, риторике, философии (богословию). Затем возникло еще несколько частных школ и, наконец, в 1687 г. в Москве открылась Славяно-греко-латинская академия во главе с учеными греками Иоанникием и Стефаном Лихудами. Это было первое учебное заведение, открытое для людей «всякого чина, сана и возраста» и предназначенное для подготовки высшего духовенства и чиновников государственной службы. Академия сыграла большую роль в развитии русского просвещения в конце XVII и первой половине XVIII в.

Происходило распространение и научных знаний, хотя в «прописях» — учебных текстах, по которым церковники учили детей читать и писать, было сказано, что «богомерзостен всяк любяй (любящий) геометрию» и что «кто по латыни учился, тот с пути совратился». В XVII в. уже умели решать многие практические задачи по математике — извлекать корни квадратные и кубические, измерять площади, решать уравнения. Были известны свойства разных веществ — в связи с потребностями артиллерийского дела в первую очередь, а также с необходимостью изготовления лекарств. На русский язык был переведен труд Андрея Везалия о строении человеческого тела. Были известны многие географиче-

ские сведения о ближних и дальних странах. Путешествия Николая Спафария в Китай дало массу новых сведений, не говоря уже о том, что становилось достоянием русских землепроходцев, шедших через страну на Восток. Наконец, наряду со сведениями по астрономии, стала известна в России XVII в. и гелиоцентрическая система Николая Коперника.

Конечно, наряду с этим масса населения была погружена в темноту и суеверие. Грамотных людей было по сравнению с населением страны чрезвычайно мало. То новое, что появлялось в области просвещения и научного знания, охватывало лишь тонкую прослойку общества, даже далеко не весь господствующий класс, значительная часть которого с враждебным подозрением относилась вообще ко всякому светскому, рационалистическому знанию. Все это мы должны обязательно иметь в виду, чтобы не получилось искажения при оценке степени развития культуры и распространения научных знаний в России того времени, оставшейся в целом еще во всех отношениях средневековой страной. Но начало светскому знанию, отход от религиозных канонов в литературе, зодчестве, искусстве, их «обмирщение», внимание к человеческой личности, многообразие и яркость народного таланта, все более усиливающееся социальное звучание произведений литературы и общественной мысли — все это свидетельствовало о том, что и в духовной культуре страны, в ее духовной жизни тоже «примерно с XVII века» начался новый период, разумеется, при сохранении общей культурной отсталости феодально-крепостнической страны.

В XVIII столетии и уже в его начале все эти явления получают мощный толчок и самым значительным из них будет возникновение светской школы, что определит судьбы русской культуры в последующем, ее высвобождение из-под церковно-религиозной регламентации. Но подобно тому как первые мануфактуры, зачатки регулярной армии, попытки строительства флота, элементы абсолютизма в государственном строе и многие иные явления социально-экономического и политического развития, оформившиеся и развившиеся в XVIII в. были уже заложены в основе своей в XVII столетии, так и в истории русской культуры ее замечательный подъем в XVIII в. был подготовлен и уже начат процессами, происходившими в XVII столетии. Но не потому происходили изменения в государственном строе, что русские люди осознали в XVII в. свою отсталость и обратились к Западу, как думал С. М. Соловьев. Наоборот, изменения в культуре России стали возможными лишь на основе и в результате сдвигов, перемен в общественно-экономической жизни страны, как стали возможными и необходимыми на этой же основе широкие преобразования в государственном строе, экономике и ведении активной внешней политики в конце XVII — начале XVIII столетий. И самым важным по значению сдвигом в русской общественно-эконо-

мической и культурной жизни XVII в. стало развитие городской жизни — той самой городской жизни, которая так отставала в течение ряда столетий. Но как бы ни были сильны замедлявшие развитие городов факторы, именно с городами, как отмечено, должно быть связано в первую очередь то новое, что появилось в культуре XVII в.

Но это не единственный фактор подъема культуры. Нельзя сбрасывать со счета потребность государства и господствующего класса феодалов, которые, как и в предшествующее время, продолжали играть важную роль и в развитии книгопечатания, и в сооружении разного рода зданий и храмов, и в создании произведений живописи, прикладного искусства и т. п., непосредственными заказчиками, потребителями которых они были. Будучи вызваны к жизни потребностями феодалов светских и духовных, служа им, произведения русской культуры по своему художественному и идейно-общественному содержанию, как и всегда в феодальное время, далеко вышли за рамки этих потребностей. Они явились прежде всего произведениями народного мастерства и таланта, воплощением эстетических взглядов народа и поэтому сыграли огромную роль в процессе становления русской национальной культуры.

Развитие русской культуры XVII в. было одним из самых существенных проявлений начавшегося примерно с этого столетия процесса образования национальных связей в России — формирования русского народа в нацию¹.

¹ См.: С. С. Дмитриев. К вопросу об образовании и основных этапах развития русской нации. «Вестник Московского университета», серия истории, 1955, № 11; его же. Образование русской нации. «Вопросы истории», 1955, № 12.

Л Е К Ц И Я 12

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ

В отличие от многих единых государств в Европе, которые складывались и развивались как государства национальные, Россия всегда была страной многонациональной. Уже в Древней Руси восточнославянское население очень тесно было связано с другими этническими группами. Освоение славянами междуречья Оки и Волги, Ростово-Суздальской земли, где впоследствии развернулись объединительные процессы, еще до монголо-татарского нашествия привело к включению в состав русских княжеств местных народностей угро-финского происхождения. По мере того как складывалось единое Российское государство во главе с Москвой, многонациональный его характер все более усиливался. Неверно бытовавшее одно время в литературе мнение, будто сначала в России сложилось национальное государство, а затем в середине XVI в., с присоединением Поволжья и Сибири, оно превратилось в многонациональное. В действительности дело обстояло не так.

Уже в конце XIV в. в состав Великого княжества Московского вошел народ коми. На протяжении XIV—XV столетий в составе образующегося Российского государства оказались также часть мари, югра, мордва, печоры, карелы. Общественно-экономический строй этих народов был тогда менее развитым, чем у русских. Характеризуя роль Новгорода на землях европейского

Севера, К. Маркс отметил, что «неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой землей и Онегой» были новгородцами «несколько цивилизованы и обращены в христианство»¹. Эта характеристика вполне относима и ко времени, когда европейский Север оказался под властью Москвы. Народы вошедших в состав Московского княжества территорий быстрее изживали остатки родо-племенных отношений, там прекращались междоусобные раздоры местных князьков, население приобщалось к более высокой сельскохозяйственной культуре. Конечно, все это было сопряжено с установлением порядков феодально-крепостнической эксплуатации. Ко всему этому прибавлялся еще национально-религиозный гнет — христианизация местного населения шла в обстановке еще большей борьбы, чем это имело место на территориях с русским населением.

Эта закономерность характерна и для истории других народов, входивших в состав России на протяжении XVI—XVII столетий. Так было и в Поволжье, и в Сибири. Вхождение нерусских народов в состав России носило противоречивый характер, так как при этом сочетались и переплетались отрицательные и положительные моменты. Царская «тюрьма народов» начала формироваться вместе со складыванием Российского государства и самодержавия. Не следует, однако, забывать, что в этой тюрьме томился и русский народ, подвергавшийся нещадной крепостнической эксплуатации. Далее, царизм и феодалы были жестокими, но не единственными эксплуататорами нерусских народов, которые подвергались подчас еще более диким формам притеснения и эксплуатации со стороны «своих» феодалов и «своей» знати. Кроме того, и это особенно важно подчеркнуть, установление национально-колониального гнета со стороны царизма и русских феодалов над нерусскими народами Севера, Поволжья, Сибири и другими не исчерпывает всей многогранности такого сложного явления, каким было вхождение этих народов в состав России.

Рассматриваемое явление не могло не носить противоречивого характера, потому что оно происходило в условиях классово-антагонистического общества. Справедливый протест народных масс против притеснений и гнета со стороны русских феодалов и царизма местные феодалы не раз пытались использовать в своих интересах. Они стремились отвлечь внимание своих народов от жестокой и дикой эксплуатации, проводимой ими, направить народный гнев против русских пришельцев вообще, придать протесту религиозно-национальный характер и тем самым укрепить свое собственное господство над народом, представляя перед ним в качестве вождей «освободительной» борьбы против русских. В многочисленных народных выступлениях, происходивших в

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 156.

XVI—XVII вв. у нерусских народов, очень сложно переплетаются антифеодальные и националистические мотивы. Заметим, что в исторической литературе можно встретить явную недооценку всей сложности проблемы. После того как в течение ряда лет «колонизальная» сторона присоединения нерусских народов к России фактически затушевывалась, в литературе появилось прямо противоположное извращение, еще более далекое от исторической правды, — внимание стало сосредоточиваться на «колонизальной» стороне дела, на угнетении народов царизмом, а выступления народов оценивались сплошь как прогрессивные, справедливые, освободительные. Нужно помнить, что русский крестьянин, посадский человек, казак (в массе своей) никогда не был врагом нерусского человека на вновь присоединяемой земле, а приносил ему пользу в самых различных отношениях — от умения пахать землю до строительства крепостей. Поэтому выступления против русских вообще, которые инспирировались местной знатью, никак не могут быть отнесены к числу исторически прогрессивных, справедливых движений, даже если в них участвовали широкие массы и если в этом выступлении стихийно проявлялся их протест против гнета и эксплуатации. Вспомним, что и раскол тоже был массовым народным движением, он тоже отражал протест народа против своего тяжелого положения, но к числу исторически прогрессивных движений раскол быть отнесен не может. Выступления против России не только не приближали освобождения нерусских народов от гнета и эксплуатации, но, наоборот, отдаляли это освобождение, потому что результатом их могло стать только утверждение глубоко отсталых форм общественной организации.

С другой стороны, нерусские народы проходили школу классовой, освободительной борьбы вместе с русскими людьми. Участие народов России в массовых антифеодальных движениях и особенно в крестьянских войнах было важнейшим фактором их социального прогресса. В этих событиях не только крепла дружба трудовых народов России и развеивался туман националистических и религиозных предрассудков, но и подрывались авторитет и сила местных феодалов. Классовая борьба ускоряла процессы социально-экономического развития нерусских народов, а размах этой борьбе придавался русскими крестьянами, казаками, посадскими людьми. Со вхождением в состав России нерусские народы поднимались на новую, гораздо более высокую ступень классовой борьбы, являющейся движущей силой истории. Это еще одна, причем очень важная грань рассматриваемого явления, свидетельствующая о том, что присоединение народов к России в средние века было явлением исторического прогресса.

Об этом свидетельствуют и конкретные материалы истории народов России в XIV—XVI вв. Укажем на некоторые данные в этой связи.

Так, в Сибири особенно быстро развивались именно те районы, куда направлялась русская крестьянско-казацкая колонизация. Русские крестьяне принесли в Сибирь свои вековые земледельческие навыки, культуру ржи, овощей, технических растений, правильное трехполье. Под прямым воздействием русских крестьян сибирские татары, вогулы и другие народы стали переходить к гораздо более развитым формам земледелия от экстенсивного, с низкой техникой местного земледелия, существовавшего здесь лишь в качестве вспомогательной области хозяйства. Некоторые народы Сибири, войдя в состав России, от неолита перешли в железный век и стали развиваться по пути генезиса классов, частной собственности. Это было огромным прогрессом для них. Коренные народы Сибири, такие, как бурят-монголы, якуты, хакасы, алтайцы, выросли в крупные самостоятельные народы, в то время как прежде они были рассеяны и представляли собой лишь небольшие этнические группы.

Коми, ханты, манси и другие народы под влиянием русского крестьянства также стали переходить к земледелию. Народы Севера и Сибири познакомились с новыми для них орудиями труда, изготовленными из металла. Русская промышленность способствовала расширению существовавшего у местного сибирского населения промыслов, увеличению их товарности, а также появлению новых промыслов¹. Применение огнестрельного оружия резко увеличило эффективность зверобойных промыслов. Под влиянием России происходили серьезные сдвиги в общественных отношениях. У ненцев и других народов стал быстрее протекать процесс образования частной собственности, изживались элементы первобытнообщинного строя. Народы получили в составе России надежную защиту от внешних врагов — народы европейского Севера были избавлены от нападений как казанских татар с Востока, так и норвежско-шведских завоевателей с Запада. Ликвидация Казанского ханства в середине XVI в. имела в этом отношении очень важное значение для мари, удмуртов, чувашей, мордвы. В земледелии самих казанских татар стали распространяться более совершенные русские сельскохозяйственные орудия (соха и др.).

Как единая народность сохранились в составе средневековой России башкиры, подвергавшиеся до того систематическим нападениям извне. Татарские и ногайские феодалы раздирали этот народ на части и наносили ему огромный ущерб. На территории Башкирии появились города, которых ранее у башкир не было вовсе. Развитие городов имело большое значение и для народов бывшего Казанского ханства, где гораздо быстрее, чем прежде, стали прогрессировать ремесла и торговля. Этому способствовало

¹ История Сибири, под ред. А. П. Окладникова и В. И. Шункова. т. 1—2. М.—Л., 1967.

также то, что весь волжский водный путь оказался под одной властью — Российского государства. Благодаря этому возросли торговые обороты по Волге, а города Поволжья стали сравнительно быстро развиваться.

Наконец, среди народов — пусть еще в малой степени — распространялась грамота, созданная русскими. Местное искусство, в том числе зодчество, стало испытывать обогащающее влияние со стороны России. Эти факты можно умножить, но и они свидетельствуют о том, что вхождение нерусских народов в состав России, сопряженное с угнетением и эксплуатацией, было делом большого исторического значения, что уже тогда включение в состав государства с более развитым общественно-экономическим строем и более высокой культурой сыграло важную прогрессивную роль в истории этих народов.

Вхождение в состав России имело большое историческое значение не только для тех народов, которые по уровню своего развития сильно отставали от нее.

В середине XVII столетия произошло воссоединение с Россией Левобережной Украины и части Белоруссии. Как известно, украинский и белорусский народы имеют то же общее происхождение, что и русский народ. Во время феодального раздробления по-разному сложились судьбы разных частей бывшей некогда единой Русской земли. Северо-восточные земли, где начали развиваться объединительные процессы, оказались под владычеством монголо-татар, и развитие объединительного процесса протекало уже в обстановке борьбы против монголо-татарского ига. В течение нескольких столетий русскому народу пришлось вести изнурительную борьбу за обеспечение своей безопасности на Юге и Востоке. В XVII столетии, как мы видели, задача эта еще не была решена — если на Востоке русские вышли на берег Тихого океана, уничтожив Казанское, Астраханское, Сибирское ханства и другие остатки монголо-татарской державы, то на Юге все еще велась тяжелая борьба с крымскими татарами, хотя оборонительные линии засечных черт продвинулись далеко от бывшей некогда пограничной реки Оки.

Западные и юго-западные русские земли оказались под владычеством Великого княжества Литовского, а после его объединения с Польшей — под властью Речи Посполитой. В течение долгого времени связи этих русских земель с Великороссией были серьезно ослаблены. Здесь закрепились и развились местные особенности в языке, быте, культуре, восходящие исторически еще к племенам и племенным союзам. Если на Северо-Востоке в XIV—XV вв. отчетливо обособилась русская (или великорусская) народность, то здесь примерно в то же время сложились характерные черты украинской и белорусской народностей. Близкие не только по происхождению, но и по культуре, эти народы все же отличались друг от друга, хотя пути их развития были во

многим сходными. Уровень развития феодальных отношений, как отмечено, был даже выше, чем в собственно Литве, общественно-экономический строй и культура западнорусских и юго-западных земель оказали большое влияние на развитие Великого княжества Литовского во всех отношениях.

С течением времени украинские и белорусские земли стали подвергаться все более усиливающемуся гнету со стороны литовско-польских феодалов и католической церкви. Уже в XIV в. были ликвидированы прежние княжества и власть полностью перешла в руки литовских наместников. Права украинского и белорусского населения, в том числе и феодалов, были суженными по сравнению с литовским населением. Это сказалось в городах, где так называемое магдебургское право — комплекс привилегий горожанам — распространялось прежде всего на католиков. В деревне система крепостного права установилась уже в середине XV в., когда по привилею Казимира IV крестьяне были лишены права ухода от своих владельцев.

Положение еще более ухудшилось после Люблинской унии 1569 г. и Брестской церковной унии 1596 г. На украинские и белорусские земли устремились польские паны, магнаты, шляхта, захватившие огромные владения. Польские паны справедливо считались самыми жестокими крепостническими эксплуататорами в тогдашней Европе. Хуже, чем жил польский крестьянин под властью панов, трудно представить. Паны хищнически грабили крестьян, отбирали все до последнего, подрывали жизненные силы крестьянского хозяйства. Крестьян гоняли на барщину, брали с них бесконечные оброки, неподчинившимся чинили изуверские наказания (например, оставляли провинившегося крестьянина на всю зиму без крыши, которую специально сдирали с хаты). Теперь польские паны явились на Украину и в Белоруссию и стали насильничать и бесчинствовать так же, как это делали у себя дома, только к крепостническому гнету прибавлялся еще гнет национальный и религиозный. Чтобы ослабить связи с Россией, польско-литовские властители и католические церковники провели объединение на подвластной им территории католической и православной церквей. Тем самым украинское и белорусское население по вере должно было отколоться от русской православной церкви и, следовательно, от России. Униатская церковь являлась ответвлением католической церкви и орудием в ее руках.

Ответом украинского и белорусского народов на притеснения и гонения со стороны польско-католических захватчиков были массовые восстания. Они начались уже в конце XVI в. (движение Криштофа Косинского). Кроме того, в городах при православных церквях возникали братства, выпускавшие обличавшую католических церковников и польских панов литературу и отстаивавшие национальную культуру. Особенно большую роль в организации сопротивления сыграло Запорожское казачество,

происхождение, положение и организация которого были весьма сходны с казачеством Донским¹. Запорожцы тоже собрались из беглых крестьян и горожан, они тоже устроили самоуправление, вели смелую борьбу против крымских татар и турок. Подобно московскому царю, старавшемуся использовать донских казаков для борьбы с Крымом, поступал и польский король, устроивший даже «реестр» — контингент казаков, числившихся на королевской службе и получавших жалованье. И русский, и польский феодальные властители более всего беспокоились о том, чтобы направить энергию казаков на борьбу с татарами и турками, отвлечь их всячески от внутренних дел, а кроме того, иметь в среде казачества свою опору в лице «домовитых» казаков на Дону и «реестровых» на Днепре. Иногда удавалось действительно при помощи казацких атаманов, среди которых немало было авантюристов и искателей наживы, направлять энергию казаков по ложному пути — запорожские казаки участвовали в походах польско-литовских интервентов против Москвы в начале XVII в., казаки с Дона в событиях того же времени не раз занимали колеблющуюся позицию, а то и прямо поддерживали самозванцев и интервентов.

Но бывало и другое — совместная борьба русского и украинского казачества против общих врагов. И когда это происходило, народные движения приобретали исключительный размах. 20—30-е годы XII в. стали временем подъема массового освободительного движения на Украине. Крупные восстания — Тараса Трясило, Якова Острянина и многие другие — следовали одно за другим, и в этой борьбе все яснее становилась ориентация народных масс Украины на Россию. Дело не только в том, что ездили купцы из русских городов на Украину и наоборот. Важнее было другое — осознание того, что только вместе с Россией Украина может быть спасена от разорительного и унижительного хозяйничанья польско-католических захватчиков. Недаром люди, бежавшие от невыносимых притеснений и расправ, селились слободами в приграничной области Российского государства, которая и называться стала «Слободской Украиной». Донские казаки не раз приходили на помощь своим запорожским собратьям в борьбе с Крымом².

Характерно то, что вопрос о дальнейших судьбах Украины по-разному представлялся народным массам и господствующим классам. Верхи тогдашнего украинского общества — местные феодалы, богатые горожане, верхушка казачества — предпочитала кончить дело компромиссом с Речью Посполитой при сохранении своих льгот и привилегий. С другой стороны, со стороны России феодальная верхушка с опаской поглядывала на украин-

¹ См.: В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев, 1957.

² См.: А. И. Баранович. Украина накануне освободительной войны середины XVII века. М., 1959.

ское казачество, хотя и была склонна взять Украину под свою власть.

Размежевание классовых сил и вся глубина противоречий в ходе объединения народов в крепостническом, феодальном государстве отчетливо оказались в событиях освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого.

Хмельницкий, принадлежавший к украинской шляхте, испытывал временами колебания, опасаясь столь всенародного размаха освободительной войны, лавировал, надеялся покончить дело миром. Но надо сказать и то, что с самого начала движения Хмельницкий обратился за помощью в Москву и что в ходе событий решение воссоединить Украину с Россией у Хмельницкого окрепло и утвердилось. Обладая ясным пониманием современного положения Украины и перспектив гибели ее под господством польских панов и набегами связанных с ними крымских татар, Хмельницкий последовательно провел курс на воссоединение с Россией. А в то же время даже в самый исторический момент Переяславской рады казачья старшина все еще пыталась воспротивиться этому акту, не говоря уже о том, какую позицию заняли многие ее представители во время освободительной войны и после Переяславской рады, когда гетманы вступали в соглашения и с польским королем, и с турецким султаном, рвали на части Украину и отдавали ее внешним врагам, пытались аннулировать акт Переяславской рады.

И в Москве тоже не спешили с принятием Украины под «высокую руку» московского государя. Российское государство было еще не готово к трудной войне с Речью Посполитой, в которую неизбежно надо было вступать из-за Украины. Но это была не единственная причина оттяжки. Когда Украина буквально погибала в 1651 и 1652 гг. под ударами польских карателей и крымских татар, когда население поголовно угонялось на невольничьи рынки Стамбула, так что один наблюдатель дивился, остались ли вообще после этого какие-нибудь люди на Украине, московское правительство все еще колебалось. Только что отгремели страшные для феодальных правителей восстания в Москве, Новгороде, Пскове и многих других городах, в стране царил огромное недовольство, а тут еще предстояла перспектива принятия в ее состав охваченной пламенем народной войны Украины. Классовые интересы феодалов, точнее классовые инстинкты, оттесняли все государственные соображения насчет важности объединения сил Украины и России в борьбе с общим врагом — Речью Посполитой.

Воссоединение Украины с Россией было делом прежде всего народных масс, в то время как господствующие классы и Украины, и России с опаской относились к этому акту. Как видим, образование «тюрьмы народов» было весьма сложным историческим процессом и общая негативная оценка этого процесса, встречавшаяся в литературе 20-х годов (особенно у М. Н. По-

кровкого), может только повредить научному анализу этой проблемы, не говоря уже о всех других ее аспектах.

История украинского народа после Переяславской рады отчетливо свидетельствует о том, чем было это воссоединение для него. Конечно, на Украину распространились со временем крепостнические порядки, бывшие в России. Но крепостничество было и на самой Украине. Версия украинских буржуазных историков о якобы «свободной», «единой», «бесклассовой» Украине до воссоединения ее с Россией давно опровергнута многочисленными фактами. Далее, достаточно сравнить судьбу закрепившегося за Россией после войны с Польшей Левобережья с Киевом, с оставшимся еще более столетия в составе Речи Посполитой Правобережьем, чтобы убедиться в том, насколько двинулась вперед экономика воссоединившейся с Россией части Украины. Об этом говорит рост ремесленного производства и торговли в левобережных городах и упадок городов на Правобережье¹. То же самое должно быть отмечено и в отношении Белоруссии.

Если для украинского и белорусского народов воссоединение с Россией имело громадное историческое значение, то не менее серьезные последствия имело объединение многих народов в составе одного государства и для России. Оно обеспечивало безопасность страны на Востоке и открывало новые возможности для развития земледелия, промыслов и торговли. Особенно большое значение в этом отношении имело овладение волжским путем. Присоединения Урала, а затем Сибири дало возможность накопления материальных ресурсов. В ту же эпоху, когда страны Западной Европы совершали далекие морские плавания за золотом и драгоценностями во вновь открытых землях, в России развивалась добыча высокоценной пушнины, сбывавшейся затем на рынках Запада и Востока и составившей едва ли не главное богатство государственной казны. Воссоединение Украины с Россией дало возможность восстановить государственное единство русских земель (по Андрусовскому перемирию 1667 г. был возвращен Смоленск), а затем по урегулированию отношений с Речью Посполитой («вечным миром» 1636 г.) приступить к решению важнейшей внешнеполитической задачи, давно уже поставленной всем ходом развития страны, — борьбы за возвращение выхода на Балтийское море².

Таким образом, объединение многих народов в Российском государстве создавало более благоприятные условия для решения

¹ См.: В. Д. Оттомановский. Города Правобережья Украины под владычеством шляхетской Польши от середины XVII до конца XVIII в. Саратов, 1955 (автореферат).

² О внешней политике и дипломатии 60—70-х годов XVII в., связанной с деятельностью выдающегося дипломата А. Л. Ордын-Нащокина, см.: И. Галaktionов, Е. Чистякова. А. Л. Ордын-Нащокин — русский дипломат XVII в. М., 1961.

задач исторического развития каждого из них. Образование Российского государства было явлением исторически прогрессивным, прогрессивным был и его многонациональный характер. Разумеется, нельзя идеализировать ни вообще средневековое Российское государство, ни положение народов в нем. О том, какие консервативные черты имело это государство и как противоречив был характер его социально-экономического строя, выше было уже сказано. Теперь необходимо еще раз подчеркнуть, что, указывая на безусловную историческую прогрессивность вхождения народов в состав Российского государства XV—XVII вв., нельзя забывать, что этот прогресс был достигнут тяжелой для народов ценой крепостничества и национального угнетения, как обычно в условиях феодального строя.

Образование и развитие многонационального Российского государства сыграло немалую роль и в судьбах тех народов, которые в XV—XVII вв. еще не входили в его состав. Для народов Прибалтики большое значение имела Ливонская война, в ходе которой был разрушен Ливонский орден — давний и опасный захватчик прибалтийских земель, поработитель латышей, эстонцев. Недаром так поддерживало местное население русские войска, двигавшиеся по Прибалтике в середине XVI столетия. Молдавия получила в конце XV в. существенную дипломатическую поддержку со стороны России во время войны с Польшей. Благодаря этому вторгнувшиеся в Молдавию силы были меньше (под давлением московского великого князя литовский князь не выступил в поддержку польского короля в этой войне), и они были разгромлены. В постоянной тяжелой борьбе против турецких и иранских завоевателей правители закавказских государств-княжеств искали поддержки со стороны России, посылали своих представителей в Москву. В середине XVI в. в этих целях под протекторат России вошла на Северном Кавказе Кабарда. Торговый договор был заключен с одним из азербайджанских правителей. Армянские купцы спасались в русских городах от турецких вторжений. В конце XVI в. завязались связи казахских ханств с Россией. В середине XVII в. молдавский господарь Георгий Стефан подготовил вхождение Молдавии в состав России на тех же условиях, на которых вошла Украина, однако он был низложен турецким султаном. Князья Закавказья — имеретинский и кахетинский — часто обращались в Москву за помощью против иранской агрессии, лично присягали на верность московскому царю. Дипломатические и торговые связи между Закавказьем и Россией приняли в XVII столетии оживленный характер. После присоединения к России Западной Сибири стали усиливаться связи с Казахстаном и далее — со среднеазиатскими государствами.

Таким образом, уже в XV—XVII вв. Российское государство играло роль все возрастающей притягательной силы для

народов, позднее вошедших в его состав. Многонациональный состав нашей страны имеет долгую и сложную историю. Его корни уходят далеко в глубь веков. Без анализа истории объединения народов нашей страны в одном государстве нельзя правильно и полно понять всех источников дружбы народов Советского Союза, являющейся великой силой поступательного развития нашей страны.

Российское многонациональное государство XV—XVII вв. является одним из наиболее крупных этапов дореволюционной истории нашей Родины.

Во враждебной нашей стране зарубежной литературе нередко повторяется попытка истолковать победу Великой Октябрьской социалистической революции и наш общественный и государственный строй особенностями исторического развития России и, в частности, характером Русского государства XV—XVII вв. Подчеркивая и выпячивая отставание экономики, государственного строя и культуры России уже в средние века, зарубежные пропагандисты стараются доказать, что победа социализма в России есть не правило, а «исключение» в исторических закономерностях, что история России в средние века имела много специфических особенностей по сравнению с Западом, поэтому и победа социалистической революции есть не что иное, как тоже «особенность» русской истории.

Однако дело тут вовсе не в особенностях исторического развития России. Особенности есть в истории каждой страны, и никакого тождества развития всех стран Запада или Востока не существует. Дело прежде всего в том, что предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции надо искать прежде всего в процессах, протекавших в России во второй половине XIX — начале XX столетий, а не во времена монголо-татарского нашествия и средневекового московского царства. Связь этапов в историческом процессе, конечно, есть, но ведь именно связь этапов не позволяет отбрасывать какие-либо из них, она требует строго конкретного рассмотрения. Зарубежные пропагандисты не хотят видеть главного — стадии империализма, который непосредственно создает предпосылки социалистической революции. Вместо анализа конкретных, реальных предпосылок Октябрьской революции и рассмотрения процессов развития России в начале XX в. они оперируют данными XV—XVII столетий. Поэтому борьба против фальсификации истории нашей Родины требует прежде всего глубокого раскрытия закономерностей и предпосылок победы социалистической революции в России.

Что Россия XV—XVII столетий отставала от наиболее развитых стран Западной Европы — факт несомненный, многократно отмеченный в литературе. Более того, о громадной отсталости царской России XIX—начала XX в. не раз писал В. И. Ленин. Но из того, что в средневековой России не было вольных городов, что крепостничество развивалось и достигло таких степеней развития, каких не было в других странах, что условия для возникновения буржуазии были крайне трудными и процесс генезиса капитализма позже начался и затянулся надолго, никак не следует вывода о том, что отставание России от других европейских стран (далеко не от всех!) есть какая-то имманентная, искони присущая нашей стране «особенность» ее развития. Отставание России в средние века есть явление историческое, следовательно, строго конкретное, оно объясняется совершенно точно определяемыми историческими условиями. Не будем повторять того, что было уже много раз сказано в этих лекциях по поводу причин отсталости. Надо обратить внимание и на другую сторону этого вопроса: велико было отставание, тяжел был гнет крепостничества и самодержавия, изнурительна многовековая борьба с многочисленными и сильными врагами. Несмотря на это Россия не только сохранила свою независимость — она и в те трудные столетия развивала хозяйство и культуру, двигалась вперед в невероятно трудных условиях.

Русская средневековая история — это история не только развития крепостничества и самодержавия. Это еще и прежде всего история великого народного подвига, история труда и борьбы великого народа. Этим подвигом, которым были заняты несколько веков и множество поколений, создалась Россия, начавшаяся с маленьких «ополій» вокруг Суздаля и Ростова и раскинувшаяся уже через три столетия до берегов Тихого океана. Народ шел через леса и горы, осваивал новые земли, сражался с врагами, бил своих угнетателей и жег их дома, строил похожие на чудесные сказки церкви и создавал бессмертные песни и предания.

Этот непрерывный, прошедший через десятки поколений подвиг русских крестьян, посадских людей, казаков, зодчих, мастеров, стрельцов, воинов, еретиков — подвиг народа есть одна из самых значительных и дорогих глав истории нашего Отечества. Созданная народным подвигом великая Россия стала первым в мире социалистическим Отечеством, и ее история раскрывает нам глубинные истоки сил народа, сумевшего за полвека безгранично далеко уйти в общественном развитии от тех стран, от которых когда-то отставала. Многое переменилось в жизни нашего народа, новыми качествами он наделен после Октября 1917 г. Но тем, кто хочет найти какие-то связи между русским средневековьем и Октябрьской революцией, нужно искать их не в том, что Россия была отсталой страной, а в том, что народ ее и тогда, в отдаленные времена, обнаружил великое умение трудиться и воевать, пре-

одолевать величайшие трудности, что народ в глубине своей нес великую преданность Родине, веру в нее, повседневную, самоотверженную готовность сделать все для своей Русской земли. История средневековой Руси, история далеких предков участников штурма Зимнего и взятия рейхстага, дает множество тому доказательств. Уже давным-давно рядом с русским человеком в труде и в бою стояли люди десятков других национальностей, сплотившихся в многонациональной стране. В этом особое значение средневековой истории нашей Родины, Российского государства XV—XVII столетий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Лекция 1. Введение	5
Лекция 2. Предпосылки и условия объединения русских земель в XIII—XV вв.	26
Лекция 3. Объединительный процесс в русских землях во второй половине XIII—XV в.	44
Лекция 4. Образование Российского государства в конце XV—на чале XVI в.	61
Лекции 5 и 6. Социально-экономическое и политическое развитие России в XVI в.	76
Лекция 7. Крестьянская война и борьба против интервенции в на чале XVII в.	114
Лекция 8. Социально-экономическое развитие России в XVII в.	135
Лекции 9 и 10. Классовая борьба. Внутренняя и внешняя полити ка в XVII в.	151
Лекция 11. Русская средневековая культура	191
Лекция 12. Многонациональное Российское государство и его роль в истории народов России	211

О п е ч а т к и

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
38	13 сверху	а также	сколько
49	6 сверху	восвати	воевати
140	19 и 28 снизу	«капиталисты»	«капиталисты»
141	19 сверху	подклассовым	надклассовым
148	7 снизу	привительство	правительство
222	25 сверху	самодержания	самодержавия

58 коп.

ВЫСШАЯ ШКОЛА • 1969

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XIV-XVII ВВ